

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2 (14)

Киров
2019

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,

тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 2 (14)

Kirov
2019

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. Institute of Russian History of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

A. S. Drikker, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific
results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

© Vyatka State University (VyatSU), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Ермакова О. К., Рукоусев Е. Ю.</i> Иностранные переселенцы и специалисты в России в XVIII веке: законодательное регулирование пребывания (по материалам полного собрания законов Российской империи)	7
<i>Ван Чао.</i> Новые подходы китайских историков к изучению событий 1917 г. в России: «Русская революция» Яо Хая	22
<i>Бакулин В. И.</i> Подготовка к первым выборам в Верховный Совет СССР и проблема их альтернативности (год 1937-й)	28

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Буранок С. О., Тулузакова М. И.</i> Мюнхенский сговор: реакция прессы США	37
<i>Садаков Д. А.</i> История одного заседания: тактика США по срыву корейской фазы Женевской конференции 1954 г.	45

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Моряхина К. В.</i> Перстни родановской культуры (XI–XV вв.) Пермского Предуралья	51
<i>Кайсин А. О., Глазырина М. К., Старков Р. Л.</i> Археологические работы при реставрации церкви Рождества Иоанна Предтечи в городе Кирове	59

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Трушкова И. Ю., Титова Е. И.</i> Книжность у старообрядцев Южной Вятки в 1920–30-е годы	68
--	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Миленко В. Д.</i> Герой русской пикарески 1920–1930-х годов: особенности портрета и ценностной ориентации	76
<i>Шорохов А. А.</i> Законченное поэтическое высказывание С. А. Клычкова	84

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Калинин А. А.</i> Холодная война между США и СССР: современный российский взгляд	91
---	----

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Помелов В. Б.</i> Народное образование Кировской области в военные годы	100
--	-----

CONTENTS

PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORY

<i>Ermakova O. K., Rukosuev E. Yu.</i> Foreign immigrants and specialists in Russia in the XVIII century: legislative regulation of stay (based on the materials of the Full Collection of Laws of the Russian Empire)	7
<i>Wang Chao.</i> New approaches of Chinese historians to the study of the events of 1917 in Russia: "Russian revolution" by Yao Hai	22
<i>Bakulin V. I.</i> Preparation for the first elections to the Supreme Soviet of the USSR and problem of their alternatives (year 1937)	28

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

<i>Buranok S. O., Tuluzakova M. I.</i> Munich agreement: the reaction of the US media.....	37
<i>Sadakov D. A.</i> The story of one meeting: US tactics to disrupt the Korean phase of the 1954 Geneva conference.....	45

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

<i>Moryakhina K. V.</i> Rings of rodanov culture (XI–XV centuries) of Perm pre-Urals	51
<i>Kaisin A. O., Glazyrina M. K., Starkov R. L.</i> Archaeological work on the restoration of the Church of the Nativity of John the Baptist in Kirov	59

CULTURAL STUDY

<i>Trushkova I. Yu., Titova E. I.</i> Bookishness among the old believers of South Vyatka in the 1920–30-ies	68
--	----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Milenko V. D.</i> Heroes of Russian picaresque of 1920–1930-ies: features of portrait and value orientation	76
<i>Shorokhov A. A.</i> A complete poetic statement of the S. A. Klychkov.....	84

ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

<i>Kalinin A. A.</i> The Cold War between the US and the USSR: a current Russian view	91
---	----

FROM THE HISTORY OF EDUCATION

<i>Pomelov V. B.</i> Public education of the Kirov region in the war years	100
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947

DOI 10.25730/VSU.2070.19.015

Иностранные переселенцы и специалисты в России в XVIII веке: законодательное регулирование пребывания (по материалам Полного собрания законов Российской империи)

О. К. Ермакова¹, Е. Ю. Рукосуев²

¹ кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: ermakovaok@mail.ru

² доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: rukosuev@mail.ru

Аннотация. В статье на основе материалов Полного собрания законов Российской империи рассматриваются законодательные основы приезда и пребывания на территории России иностранных переселенцев и специалистов. Особое внимание уделяется основным направлениям государственной политики по привлечению иностранцев, условиям въезда, выезда и перемещения их внутри России, отношению к религии, принятию подданства, условиям службы, социальному и юридическому статусу, владению имуществом, созданию ими промышленных предприятий, налогообложению.

Ключевые слова: российское законодательство XVIII века, иностранцы в России, переселенцы, колонисты, технические и военные специалисты.

Со времени создания Русского государства наблюдался постоянный интерес иностранцев, в частности европейцев, к нашей стране. Сотрудничество выражалось в различных формах: от приграничной торговли и создания торговых представительств до переезда на постоянное место жительства во внутренние районы страны, что благоприятствовало еще более активному их участию в налаживании прочных и долговременных экономических отношений. Этот процесс усилился в XVIII в., особенно в периоды правления Петра I и Екатерины II. Российское правительство было заинтересовано в приезде именно европейцев, которые, являясь носителями специальных знаний в самых разных отраслях науки и промышленности, способствовали распространению в России новейших достижений стран Западной Европы и выступали акторами внедрения прогрессивных технологий в промышленности, сельском хозяйстве и военном деле. Это нашло отражение в законотворческой деятельности правительства, которое большее внимание уделяло привлечению в страну европейских переселенцев и специалистов. Что касается приезда и пребывания в России представителей азиатских государств, то им на государственном и законодательном уровне отводилось второстепенное значение.

Изучение истории проживания иностранцев в России в XVI–XIX вв. – не новая тема в отечественной историографии. Среди ее различных аспектов важное значение занимает вопрос правового регулирования их положения. Первые исследования такого рода были созданы еще до революции А. С. Мулюкиным [10–13] и стали объектом пристального внимания современных историков: В. Н. Захарова [8], С. П. Орленко [16], А. М. Тесленко [21], Е. С. Смирновой [20], Т. Б. Николаевой [14], Т. А. Опариной [15], О. К. Ермаковой [4–7], И. С. Плеве [17] и др. При всей важности перечисленных работ, следует заметить, что они не содержат систематического анализа всего корпуса законодательства о иностранцах в динамике длительного развития. Настоящая статья призвана отчасти восполнить этот пробел, сосредоточив исследовательское внимание на выявлении основных тенденций и направлений эволюции правового статуса иностранцев в XVIII в. Этот вековой период выбран нами по двум причинам. Во-первых, именно в XVIII столетии происходят принципиально важные перемены в политике

государства по отношению к иностранцам как таковым: от представления о них как «неизбежном зле», которое приходится терпеть в силу необходимости, утилитарной полезности их использования, прежде всего в военной сфере, до формирования представлений о иностранных переселенцах как жизненно необходимом ресурсе развития разнообразных отраслей государственного хозяйства, как о людях, способных интегрироваться в многоликий и разнообразный сонм имперских подданных. Во-вторых, в силу отмеченных перемен, именно в это время, во многом стараниями российской власти, приток иностранцев в Россию приобретает по-настоящему масштабный характер и требует интенсивной законодательной работы по регулированию статуса различных групп иностранных выходцев.

В связи со сказанным мы считаем необходимым особо рассмотреть следующие вопросы: привлечение иностранцев и общие направления переселенческой политики правительства; условия въезда, выезда и перемещения иностранцев внутри России; вероисповедание; подданство и условия пребывания; гражданская и военная служба, чиновничество, социальный статус; возможности для заведения фабрик, заводов и мануфактур; уплата налогов, податей и владение имуществом; юридический статус и судопроизводство.

Источниковой основой нашего исследования послужат материалы, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи. Конечно, общеизвестным является то обстоятельство, что вопреки названию Полному собранию не присуща исчерпывающая полнота. Тем не менее корпус включенных в Собрание актов вполне представительный, в полной мере позволяющий определить основные направления и особенности государственной политики по отношению к иностранцам, пребывающим в империи. Крайне важно подчеркнуть, что особенностью Первого собрания законов, включающего 30 920 актов за период с 1649 по 1825 гг., является то, что в нем опубликованы не только собственно законоположения, но и немалое количество подготовительных документов. Часто указам предшествуют доклады министров либо равных им по статусу государственных чиновников или же учреждений, что позволяет узнать, как проходило обсуждение той или иной законодательной инициативы.

Полное собрание законов Российской империи – источник, к которому можно обращаться снова и снова, всякий раз убеждаясь, что исследование этого огромного массива законодательных актов по-прежнему нельзя считать исчерпывающим. Несмотря на сложность определения понятия «закон» для XVIII в. [3], очевидно, что, обращаясь к данному виду источников, мы имеем дело с документами, выражающими официальную позицию государства в лице государя и высших органов управления к тому или иному явлению. Массовое привлечение иностранцев в Россию, начавшееся с эпохи Петра I, привело к появлению законодательных актов, касающихся различных сторон данного процесса. Материалы Полного собрания законов позволяют реконструировать модель отношений между российским государством и иностранцами, а также формальный правовой статус иноземцев, каким он представлялся законодателю. В то же время источник часто отсылает нас к практике, поскольку содержит описания большого количества казусов, дающихся обычно в преамбуле документа в качестве обоснования ввода в действие того или иного законодательного акта. Тот факт, что на основании этих казусов создавались законы, свидетельствует либо о систематическом, повторяющемся характере подобного рода случаев, либо об их вопиющей природе (с точки зрения законодателя), что и заставляло принимать меры для урегулирования произошедшего и предотвращения аналогичных эпизодов с помощью законодательных норм.

Обращение к Полному собранию законов позволяет выделить основные стороны жизни иноземцев, подлежавшие, по мнению законодателя, юридическому регулированию. Направления законотворческой мысли определялись исходя из некоего намерения/декларирования или же создавались на основе прецедентов, в ответ на конкретное происшествие. Согласно концепции «социального контроля» Э. Росса, именно закон наряду с общественным мнением являлся первичным методом социального контроля и краеугольным камнем в системе социального порядка [22, с. 3].

Привлечение иностранцев и общие направления переселенческой политики. Ключевой комплекс законов составляют указы и манифесты, направленные на привлечение иностранцев в Россию и декларирующие условия переселения и организации службы иноземцев. Такие законодательные акты задавали направления политики в отношении иностранцев и устанавливали рамки правового положения иноземцев. Первым законом подобного рода является указ великих государей Ивана V и Петра I от 7 мая 1695 г. «О посылке в Германию иностранца Матвея Поппу со штуфами свинцовой и серебряной руды для учинения оным пробы,

и о приглашении в российскую службу иностранцев, знающих горное искусство». М. Поппу было приказано найти специалистов, которые могли бы дать заключение о качестве представленных образцов руды, содержании в ней металлов и их цене на зарубежных рынках, а также дать рекомендации, прибыльно ли будет на месте обнаружения этой руды строить большой завод. Кроме того, ему поручалось пригласить иностранцев, знающих горное искусство, в российскую службу и узнать, на сколько лет они готовы наняться на работу и какое запросят месячное жалованье [18, т. 3. № 1512].

Навыки иностранных мастеров в сфере горного дела использовались и ранее [9, с. 47–48]. Однако в XVII в. въезд в Россию, а тем более выезд из страны иноземцев были сопряжены со многими трудностями, а сроки службы едва ли могли ограничиться определенным количеством лет. Тот факт, что М. Попп должен был «разведать», на каких условиях иноземцы согласны служить российским государям, свидетельствовал о готовности русского правительства вести переговоры и учитывать пожелания специалистов в процессе найма. Следует все же отметить, что в начале XVIII в. были распространены случаи, когда иностранцы «договаривались» о службе с российскими посредниками, но конкретные условия устанавливались уже по прибытии в Россию. Например, несколько иностранных каменщиков, приехавших вместе с командой архитектора Д. Трезини, были приняты на российскую службу без «договорных писем», удовольствовавшись лишь устным обещанием русского посла в Копенгагене Андрея Измайлова выплачивать им определенную сумму жалованья [19, ф. 150, оп. 1, д. 12, л. 10–11].

Следующий акт подобного рода появляется после «Великого посольства», когда Петр I разворачивает активную политику по приглашению иностранных специалистов в Россию. 16 апреля 1702 г. утвержден манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания», в котором царь призвал иностранцев приезжать в Россию на постоянное жительство, «дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться, поныне им неизвестным познаниям, и тем искуснее становиться во всех делах», объявив при этом об отмене всех существовавших ранее запретов на въезд иностранцев в страну. Не случайно даже в названии манифеста подчеркнуто даруемое иноземцам право свободы вероисповедания. Ведь в предшествующий период господствовала практика «перекрещивания» иностранцев, поселяющихся в России, тогда как не принявшие православие иммигранты существенно ограничивались в правах [15]. Теперь же всем решившимся на переезд даровалось право исповедовать свою религию, строить храмы в столице и крупных торговых городах. В документе подчеркивалось, что в первую очередь Россия нуждается в военных специалистах и торговцах, а также людях, знающих различные «художества». Иностранцы, следовавшие на службу в российское войско, бесплатно снабжались подводами, им гарантировалась всяческая поддержка и обеспечение безопасности в пути [18, т. 4. № 1910].

Согласно тому же манифесту, предполагалось судить иностранцев за провинности в специально создаваемой Тайной военной коллегии, которая правосудие «чинила бы, в первых, по законам Божеским, а потом по Римскому гражданскому праву и другим народным обычаям», но при этом «наши царские преимущества, права и принадлежности всегда соблюдаемы будут». Юрисдикция нового органа включала разбирательства по судебным делам с участием всех офицеров и рядовых, входивших в «иноземный военный штат», вместе со всеми их челядниками, а также прочих иноземцев, которые каким-либо образом зависели от военного ведомства. После окончания службы по контракту всем специалистам гарантировалось свободное возвращение на родину [18, т. 4. № 1910]. На практике же оказывалось, что в петровскую эпоху иностранцам вовсе не легко было покинуть Россию после окончания контрактов. В сущности, иностранец в этот период полностью находился в зависимости от воли государя. Независимо от условий, оговоренных в контрактах, иноземца даже без его согласия могли отправлять на другие места службы, а после завершения срока договора всячески удерживать от выезда из страны. Показателен пример бергмейстера И. Гейденрейха, силой отправленного для обзора серебряных рудников в Нерчинск [19, ф. 271, оп. 1, кн. 169, л. 40 об.]. Кроме того, в первой половине XVIII в. специалисты нередко оставались на службе, не продлевая контракт [2, ф. 24, оп. 1, д. 1253, л. 24–28].

Наряду с общими «призывами» к иностранцам появляются специальные указы, адресованные представителям конкретных профессий. Так, 20 августа 1715 г. генерал А. А. Вейде представил Петру I доклад «О призыве в Россию ученых и в правоведении искусных людей». Петр I распорядился платить каждому специалисту по 500 руб. в год, обеспечивать бесплатно готовым домом, предоставлять переводчиков. Чины предполагалось давать ассессорские, а

если иноземец служил за границей выше чином, то принимать тем же чином, но с платой как асессору, «а когда дело свое исполнит, сверх того награждаем будет» [18, т. 5. № 2928].

Следующий этап целенаправленной иммиграционной политики и привлечения иностранцев, характеризующийся гораздо более крупными масштабами, пришелся на период правления Екатерины II. 4 декабря 1762 г. был опубликован Манифест «О позволении иностранцам выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» [18, т. 16. № 11720]. Через год после вступления Екатерины II на престол, 22 июля 1763 г., издается ключевой манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» [18, т. 16. № 11880], до конца века являвшийся основополагающим документом о статусе иностранных переселенцев, приезжавших в Россию и положивший начало серии законов об иностранных колонистах.

Согласно Манифесту, всем иностранцам разрешалось въезжать в империю и селиться в любой губернии. Для управления процессом переселения иностранцев, распределения их по отдельным районам страны и обустройством на местах создавалась специальная «Канцелярия опекунства иностранных», президентом которой стал граф Г. Г. Орлов. Тем иностранцам, которые желали переехать в Россию, но не имели для проезда достаточно средств, выдавались деньги на проезд и пропитание. По прибытии в Россию они должны были явиться в Канцелярию опекунства или в управу приграничного города (Киев, Смоленск, Псков), чтобы «объявить решительно свое намерение», желают ли они записываться в купечество или в цехи, быть мещанином и в котором городе, или поселиться колониями и местечками на свободных и выгодных для хлебопашества и других занятий землях, на которых разрешено селиться. Тем, кто изъявит желание ехать на поселение внутрь России, выдавались кормовые деньги и бесплатные подводки до выбранного ими места. При этом они обязывались сразу же принести «по вере своей и обрядам» присягу о подданстве и верности.

Всем прибывшим в Россию на поселение предоставлялась свобода вероисповедания. Разрешалось в колониях и местечках строить церкви и колокольни, иметь потребное число пасторов и других церковнослужителей, но запрещалось создавать монастыри и заниматься миссионерской деятельностью среди местного населения.

Вновь приехавшие в Россию освобождались от платы в казну налогов и податей, от выполнения обыкновенных или чрезвычайных служб и содержания постоев на следующих условиях: поселившиеся семьями в колониях на «праздных местах» получали такую льготу на 30 лет; пожелавшие жить в городах, записавшись в цехи и купечество, осевшие в Санкт-Петербурге, Москве, Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, Карелии и Финляндии – на 5 лет; в остальных губернских, провинциальных и уездных городах – на 10 лет. Кроме того, новым горожанам предоставлялась квартира на полгода. Предполагалось, что только по истечении срока действия льгот чужестранцы начнут платить налоги и подати и нести все земские повинности, как российские подданные.

Согласно манифесту, разрешалось заниматься хлебопашеством и ремеслами, заводить мануфактуры, фабрики и заводы, особенно специализированные, «наипаче такие, коих ныне в России еще не учреждено». К таким фабрикам и заводам разрешалось покупать «надлежащее число крепостных людей и крестьян». Товары с новых предприятий разрешалось продавать внутри империи и за границу в течение 10 лет без уплаты портовой и пограничной пошлины. На постройку домов, заведение скота, покупку необходимых инструментов, припасов и материалов предполагалось выдавать из казны необходимую беспроцентную ссуду, которую заемщик должен был погасить через десять лет в три года равными частями. Поселившимся особыми колониями и местечками разрешалось внутреннюю жизнь строить на основе своих традиций и обычаев, а по всем «внешним» вопросам колонисты обязаны были повиноваться российскому гражданскому праву. В местах компактного поселения иностранцев разрешалось проводить торги и ярмарки без платежа пошлин в казну.

Иностранцам разрешалось провозить имущество беспошлинно, но только если оно предназначалось для собственного употребления, а не на продажу. Если же семья переселенцев везла с собой товары, которые предполагала продать в России, то их также разрешалось провозить беспошлинно, но только если их стоимость не превышала 300 руб. Такая семья обязывалась прожить в России не менее 10 лет. Если бы они решили покинуть страну раньше этого срока, то при обратном проезде через границу с них взыскивали бы ввозные и вывозные пошлины за этот товар.

Переселенцы освобождались от военной и гражданской службы, но если кто-нибудь из них пожелал бы добровольно вступить в военную службу солдатом, то ему при определении в полк полагалась награда в 30 руб. сверх обыкновенного жалованья. Все названные права и привилегии предоставлялись не только приехавшим иностранцам, но и их детям, как прибывшим с родителями, так и тем, которые родятся в России. Манифест гарантировал, что при желании любой переселенец может в любое время выехать из империи, уплатив в казну определенную долю от нажитого в России имущества: от 10 до 20%, в зависимости от времени проживания.

К манифесту прилагался реестр свободным и удобным к поселению землям. Перспективными для заселения считались земли в Тобольской губернии – близ Тобольска, в Барабинской степи, в районе Усть-Каменогорской крепости, по реке Иртыш и ее притокам; в Астраханской губернии от Саратова вверх по реке Волге и ее притокам; в Оренбургской губернии по реке Сакмаре, до реки Кинели и ниже города Самары, по Волге; в Белгородской губернии в Валуйском уезде. Предполагалось расширить этот перечень по мере приезда поселенцев. В дальнейшем колонистами стали заселять свободные земли в Причерноморье, Крыму и на Северном Кавказе.

22 июля 1763 г. была опубликована «Инструкция Канцелярии опекунства иностранных» [18, т. 16. № 11881]. В последующие годы последовало несколько уточняющих указов. 17 ноября 1764 г. утверждена форма соглашения с частными «вызывателями», которые брали на себя обязательства по формированию за границей организованных групп иностранцев, желающих переехать [18, т. 16. № 12283]. 9 декабря 1764 г. был опубликован указ Правительствующего Сената, регламентировавший порядок выдачи денежного пособия поселенцам, решившим жить в городах и записавшимся в ремесленные цеха. Денежное пособие они получали от Канцелярии опекунства иностранных, но, «чтобы выдаваемые в ссуду казенные деньги без возвращения не оставить», было решено не выдавать всю сумму на руки, а отсылать средства в Магистратскую контору «для выдачи оным, смотря по надобности и по рассмотрению той конторы». Магистратская контора пересылала деньги в гильдейский дом, а уже потом цеховой староста (алтерман) решал, кому, сколько и на покупку каких материалов и вещей необходимо выдать средств под расписку [18, т. 16. № 12290]. 11 октября 1765 г. утвержден Сенатский доклад «О дозволении выезжающим в Россию на поселение иностранцам привозить с собой беспошлинно товары на сумму до 300 рублей» [18, т. 17. № 12491], «дабы сим преимуществом особливо подать способ имеющим собственный достаток, приумножить оный». Данное правило удавалось обойти «вызывателям», которые записывали свои товары, превышающие сумму в 300 руб., на счет колонистов. Подобные ухищрения одного из «приватных наборщиков», Кано де Борегарда, были раскрыты Канцелярией опекунства иностранных [19, ф. 283, оп. 1, д. 56, л. 357 об.].

Иностранная иммиграция, инициированная Манифестом 1763 г., оказалась намного масштабнее, чем ожидалось. В результате, помимо огромных казенных расходов, убытки и неудобства испытывали сами колонисты, для которых не успевали строить дома, и на местах поселения случались длительные замешательства. В связи с этим в ноябре 1766 г. желающим переселиться в Россию иностранцам было высочайше объявлено о том, что прием колонистов остановлен до тех пор, пока не будут созданы необходимые условия для проживания и обустройства хозяйства уже приехавших и потенциальных переселенцев [18, т. 17. № 12793].

Наряду с общими манифестами законодательно утверждались правила поселения отдельных групп и категорий иностранцев. Например, 28 февраля 1767 г. высочайше утвержденным докладом президента Канцелярии опекунства иностранных графа Г. Г. Орлова были приняты «Правила для поселения вызываемых полковником Филиповичем и собою выходящих чрез Киев иностранцев». Данный документ положил начало серии законодательных актов, принятых в связи с переселением иностранных колонистов на территорию Малороссии. Среди вызванных полковником И. Филиповичем переселенцев числилось немало выходцев из Восточной Европы [19, ф. 248, оп. 43, кн. 3762, л. 54–82]. Между тем названный доклад Г. Г. Орлова содержал не только правила для поселения колонистов, набранных Иваном Филиповичем, но и «Постановлении о желающих селиться на особых привилегиях», созданные на основе прошения поверенных от «ромунского народа» (выходцев из Молдавии, Валахии и Трансильвании) Кука и Телебуца и утвержденные на особых условиях. Дарованные «ромунским» колонистам привилегии предполагали высокую степень автономии их поселения [18, т. 17. № 12793]. 17 ноября 1767 г. при Малороссийской коллегии была учреждена специаль-

ная Экспедиция «для надзирания над вышедшими чрез Киев и поселившимися там колонистами» [18, т. 18. № 13015].

По прошествии льготных лет, установленных Манифестом 1763 г. для иностранных колонистов, оказалось, что далеко не все из поселившихся близ Саратова иностранцев выполнили свои обязательства перед российским государством. По мнению Канцелярии опекунов иностранных, часть колонистов проявила себя способными к хлебопашеству и усердно исполняющими свои обязанности, в том числе по выплате ссудных денег. Другие же, напротив, «от лености, нерадения и развратной жизни» [18, т. 20. № 14302] впали в разорительное состояние, набрали новых долгов, а в земледелии оказались совершенно не искусны. В связи с открывшимися обстоятельствами именным императорским указом 1775 г. предписывалось принять ряд мер в отношении саратовских колонистов. Не исполнившие обязательства переселенцы в последний раз снабжались всем потребным к земледелию до следующей жатвы. Если же и в будущем они окажутся «нерадивыми и в лености обращающимися», то впредь никакой ссуды им уже дано не будет. Следующий пункт указа предусматривал учинение «разбора о способных и неспособных к хлебопашеству», «дабы избавить трудолюбивых поселенцев от развращающих оных дурными примерами товарищей» и лучшего присмотра за последними. Предполагалось собрать письменные «одобрения» о каждом переселенце. Не получившим одобрение колонистам следовало объявить, что, если они отдадут долги, то смогут свободно выехать из России. В противном случае им надлежало отправляться в города и заработанные там деньги отдавать государству в счет долга или же поступить на военную службу. Кроме того, на уплату долгов давалась пятилетняя отсрочка в связи с «произошедшим замешательством» при заселении колонистов. Наблюдение за порядком в колониях поручалось окружающим комиссарам. Особым пунктом указа оговаривалось право «вызывателей», ставших к тому моменту директорами колоний, участвовать в «разборе» поселенцев [18, т. 20. № 14302]. Как представляется из практики, причины неудач колонистов могли состоять не только в их лености и нерадении. Многие иностранцы плохо представляли, куда они направляются и какие их ожидают условия [1, с. 29]. Вербовщики использовали всевозможные способы и уловки, чтобы привлечь как можно больше переселенцев, уверяя, например, что климат Саратова схож с климатом Лиона, и тому подобные вещи. Между тем климатические условия не благоприятствовали ряду отраслей земледелия, в частности развитию шелководства, которое так стремились ввести власти [17, с. 168].

После проведения «разбора» саратовских колонистов, указом от 9 февраля 1776 г., подтверждалось право признанных неспособными к хлебопашеству иностранцев переезжать в города с паспортами сроком не более одного года и обязательством выплаты казенных долгов из средств, заработанных какими-либо ремеслами или поденными работами. Все переезды фиксировались в местных административных органах. Выехать из России бывшие колонисты могли только при наличии соответствующего разрешения от Канцелярии опекунов иностранных. Учитывая, что многие иностранцы, не уплатив долгов, выехали из колоний как с паспортами, так и без таковых, а впоследствии никак о себе не объявляли, было принято решение послать во все губернские, провинциальные и городские канцелярии указы о не задержании на местах иностранцев по истечении сроков их паспортов под страхом штрафов, как за укрывательство беглых [18, т. 20. № 14432].

По указу от 20 апреля 1782 г. упразднились Канцелярия опекунов иностранных и ее контора в Саратове. Дела о долгах переселенцев передавались в Казенную палату Саратовского наместничества [18, т. 21. № 15383]. Колонисты, отпущенные в города после учинения «разбора», переводились в ведомство тех наместнических и губернских правлений, где они находились [18, т. 21. № 15411]. По указу Павла I 1797 г. была создана Экспедиция государственного хозяйства опекунов иностранных и сельского домоводства при Сенате. Ее ведомству подлежали иностранцы, занимавшиеся различными ремеслами и промыслами, земледелием, устройством фабрик и мануфактур [18, т. 24. № 17865, № 17866]. В том же году под ведомством новой Экспедиции была восстановлена Саратовская контора опекунов иностранных [18, т. 24. № 18021, № 18022].

В течение правления Екатерины II продолжали выходить законы, призывавшие иностранцев селиться на определенных территориях. Манифест от 14 июля 1785 г. разрешал иностранцам переселяться в города и селения Кавказской губернии и отправлять беспрепятственно торги, промыслы и ремесла. Властью гарантировались «защита и пособие», свобода вероисповедания, а также увольнение от податей на шесть лет. Если по прошествии льготных

лет иностранцы пожелают выехать из России, то будут иметь на это право с условием выплаты трехлетней подати [18, т. 22. № 16226].

Условия въезда, выезда и перемещения внутри России. Обширный комплекс составляют законы, регулирующие правила въезда иностранцев в Россию, выезда за ее пределы, а также перемещений внутри страны. Появление и трансформации такого рода законодательных норм происходили во многом под влиянием международной конъюнктуры. Условиям и возможности проникновения иностранцев в Россию традиционно уделялось повышенное внимание. Контроль за въездом иноземцев в пределы Российского государства, особенно в столичные города, осуществлялся на уровне административных структур пограничных территорий, специальных полицейских органов, а некоторые законы предписывали пропускать иностранцев только с разрешения государя. Так, в 1689 г., в самом начале правления Петра I и Ивана V, новгородскому воеводе была дана грамота, согласно которой приезжих иноземцев следовало особенно тщательно «расспрашивать» и вне зависимости от того, покажут ли они, что «едут в службу, или для повидания с сородичи, или для иных каких дел к Москве», задерживать в Великом Новгороде и до царского указа к Москве не пускать. Поводом для создания грамоты послужило обнаружение еретика, иноземца Квирина Кульмана, ехавшего из Голландии якобы для свидания с родственниками [18, т. 3. № 1358].

Перемещения иностранцев внутри государства разрешались в уведомительном порядке. Контроль за въезжающими в Санкт-Петербург иноземцами, по именному указу Петра I от 31 августа 1719 г., осуществляла Канцелярия полицмейстерских дел. Все иностранцы, прибывшие в Петербург, обязаны были явиться в канцелярию, где их расспрашивали о том, откуда они приехали и чем намерены заниматься. Далее иноземцев отсылали в Адмиралтейскую, Военную или Коммерц-коллегию, в зависимости от избранного рода службы. В свою очередь, вышеперечисленные коллегии должны были извещать о поступивших в их распоряжение иноземцах Коллегию иностранных дел. Выехать из России иностранцы имели право только при наличии абшида (документа об отпуске иностранца, от нем. Abschied – расставание, отставка, увольнение) с государственной печатью. Абшид выдавался в коллегии, соответствующей месту службы иноземца, а «для запечатывания государственной печатью» посылался в Коллегию иностранных дел [18, т. 7. № 4284].

Для выезда иностранцев из России устанавливались определенные сроки. Сенатским указом 1720 г. предписывалось, чтобы в паспортах, выдаваемых иноземцам для выезда за границу, указывались сроки, в течение которых необходимо покинуть Россию. Продолжительность действия паспортов зависела от того, каким путем следовали иностранцы: «выезд из Санкт-Петербурга две недели, а за рубеж через Ригу и Смоленск в месяц, а чрез Киев два месяца, а чрез другие места смотря по расстоянию дальности». Если же иностранец задерживался в России дольше обозначенного в паспорте срока, ему предстояло дать объяснения и просить о новом паспорте [18, т. 6. № 3674].

Дополнительные меры контроля за перемещениями иностранцев вновь возлагались на Канцелярию полицмейстерских дел по указу от 16 августа 1721 г. в связи с тем, что «известно учинилось», будто приезжающие и отъезжающие иноземцы берут в Санкт-Петербурге у обывателей заимообразно «деньги и прочее» и, не возвратив долги, уезжают. Дабы пресечь подобные недоразумения, указ предписывал пропускать иноземцев на заставах только при наличии в паспортах отметки Канцелярии полицмейстерских дел. Отметка делалась не сразу. Когда иноземцы обращались в канцелярию, о них следовало сначала объявлять «по публице конечно в три дни». За это время местные жители должны были известить канцелярию, если на перечисленных иноземцах имеются долги. При условии, что в течение трех дней никаких заимодавцев не объявлялось, иностранец получал подпись Канцелярии полицмейстерских дел и мог свободно выезжать из Санкт-Петербурга [18, т. 6. № 3812].

Спустя два года появился именной указ, защищавший теперь уже отъезжающих иноземцев, поскольку «Его Императорскому Величеству известно учинилось, что де от вышеозначенной публицы [обыватели, объявляющие о долгах иноземцев. – *Авт.*], оным отъезжим иноземцам бывает оскорбление, а шкиперам остановка» [18, т. 7. № 4354]. Согласно новому указу от 8 ноября 1723 г., иностранцев разрешалось отпускать без публикации о них сведений на случай объявления заимодавцев, если отъезжающий подтверждал, что долгов не имеет и давал письменные поручения. Если же поручителей у иноземца не имелось, то с ним следовало поступать сообразно предыдущему указу 1721 г. [18, т. 6. № 3812]. С поручителями у иностранцев возникали трудности. Так, рудокопный мастер И. Риттер, приехавший на рос-

сийскую службу из Швеции в конце 1737 г. и уже в июле 1738 г. пожелавший вернуться на родину, сетовал, что «порутчиков де здесь яко в чужой земле где ево никто не знает обыскать ему невозможно» [19, ф. 271, оп. 1, кн. 194, л. 186 об.]. Тем не менее, иностранного мастера отпустили без порук, приняв во внимание, что он пробыл в России совсем недолго и подписался в отсутствии долгов, и к тому же имел на руках все необходимые паспорта. К проблеме поручительства законодатель вернется в 1762 г.: по указу «О наблюдении, чтобы поручители отъезжающих за границу были люди благонадежные», поручители обязывались представлять «от своей команды или где кто в ведомстве состоит» письменное свидетельство, «и один подписавшийся уже порукою по других более не ручался» [18, т. 16. № 11663].

С августа 1723 г. паспорта уезжающим иноземцам выдавались не теми коллегиями, к которым они относились в соответствии с родом занятий, а Коллегией иностранных дел. Иностранцев, отъезжающих морем и явившихся с паспортами в Адмиралтейств-коллегию, надлежало «свидетельствовать, подлинно ли тот, кто отпущен, не подменной ли» [18, т. 7. № 4284]. Следовательно, случаи «подмены» имели место.

31 августа 1732 г. был издан Сенатский указ «О незадержании в России художников и мастеровых людей из иностранцев, сверх определенных по контрактам их сроков», который предписывал незамедлительно выдавать иностранцам паспорта для отъезда на родину после окончания срока действия их договоров, если с ними не заключено новых контрактов. Причина состояла в том, что «задержавшиеся» иностранцы требовали продолжения выплаты жалованья по прежним контрактам [18, т. 6. № 3812].

Не все указы, касающиеся перемещений иноземцев, вошли в Полное собрание законов Российской империи. Так, например, несмотря на существование довольно строгих законов и весьма суровой практики в отношении иностранных специалистов в петровскую эпоху, в этот же период создавались указы, направленные на формирование положительного образа России в глазах иноземцев. В материалах архива Берг-коллегии неоднократно встречаются отсылки к именному указу от 13 июня 1722 г., по которому «велено вывезенных из других государств мастеровых людей содержать во всяком довольстве, а при отъезде в их отечество спрашивать, волею ли отъезжают, и нет ли или не было ль ему какой тесноты, и доволен ли отъезжает, и буде скажет доволен – оного отпускать с совершенным довольством, дабы приехав, жалобы не имел, что их худо трактуют и впредь бы тем вывоз мастерам не пресечен был» [19, ф. 271, оп. 1, кн. 197, л. 326-326 об.].

Не вошел в Полное собрание законов и именной указ Анны Иоанновны 1737 г. о том, что всем отъезжающим из России сухим путем через Нарву и Ригу, «какого бы чина и звания люди ни были», сверх паспортов, которые даны им в тех местах, откуда они выехали, иметь особый паспорт за подписью всех сенаторов. В Сенат же заблаговременно требовалось предоставлять сведения о том, кто и куда выезжает, и не имеется ли на нем государственных или частных долгов [19, ф. 271, оп. 1, кн. 194, л. 186]. Однако именным указом от 31 декабря 1740 г. отменялся порядок подписания паспортов выезжающим иностранцам в Сенате. Поскольку от этого происходила «немалая остановка и замедление», было принято решение вернуться к практике выдачи паспортов Коллегией иностранных дел [18, т. 11. № 8307].

В 1738 г. вышел Сенатский указ, уточняющий правила въезда и выезда иноземцев, приезжающих через Кронштадт. Вновь подчеркивалась роль полицейского контроля над иноземцами: все приезжающие и отъезжающие через Кронштадт иноземцы должны были являться и отмечать паспорта в Кронштадтской полицмейстерской конторе [18, т. 10. № 7668].

Политика в отношении пропуска иностранцев на территорию Российской империи менялась в зависимости от внешнеполитической ситуации. В условиях Русско-шведской войны 1741–1743 гг. законодательство предписывало пропускать только тех иностранных офицеров, которые имеют паспорта «за королевскими руками с подлинным о том освидетельствованием». Шведов же «всякого чина и достоинства», в том числе и тех, кто уже несколько лет жил не в Швеции, вообще запрещалось пропускать в Россию [18, т. 11. № 8749].

Сенатский указ от 30 октября 1744 г. возвратил порядок въезда иностранцев, установленный указом Петра I в 1719 г., по которому иноземцев следовало записывать в Канцелярии полицмейстерских дел, а затем отправлять в ведомство по месту их службы, посылая при этом в Коллегию иностранных дел рапорты [18, т. 12. № 9055].

С конца 1780-х гг. процедура въезда иностранцев в Россию усложняется в связи с нестабильной военно-политической обстановкой в Европе. В 1790-е гг. усиливается контроль и надзор за иностранными подданными в Российской империи. С 1789 г. и до начала 20-х гг.

XIX в. был затруднен въезд иностранцев в Россию, ужесточались правила пропуска их в империю [20, с. 126–134].

По именному указу Екатерины II от 8 февраля 1793 г. прекращались торговые сношения с Францией, из России высылались французские дипломатические представители, а также в трехнедельный срок следовало выехать всем французам (купцам, ремесленникам, учителям и пр.), «признающих нынешнее в земле их правление». Однако если находящиеся в России французы принимали присягу в том, что не признают новой власти в их отечестве, а также обязуются не иметь никаких сношений с «односельцами», «повинующимися нынешнему незаконному и неистовому правлению», они имели право остаться. Впускались в Россию только французы, преданные королю и принцам крови, при условии принятия соответствующей присяги, форма которой прилагалась к указу [18, т. 23. № 17101]. Подобная же форма присяги была утверждена в апреле 1798 г. для живущих в России и въезжающих в ее пределы швейцарцев [18, т. 25. № 18467].

В конце XVIII в. выходит ряд законодательных актов «о наблюдении за иностранцами». Законы предписывали вести «наиприлежнейшее наблюдение» за приезжающими иностранцами относительно их поведения, а если какие-либо из них окажутся подозрительными, немедленно высылают их обратно за границу [18, т. 23. № 17201, т. 24. № 17683, № 17689]. 28 июня 1798 г. Павел I издал именной указ «О правилах, кои наблюдать следует при пропуске в Россию иностранцев». Все чужеземцы, пересекающие границу для торговли, должны были иметь при себе рекомендательные или поручительные письма от торговых домов того города или государства, где они жительствоуют, «к кому-либо из наших подданных, или же из иностранных, под покровительством в державе нашей поселившихся» и пропускное свидетельство от российских дипломатических представительств, с подробным описанием: кто именно, откуда, с какой целью и куда следует и по каким дорогам предполагает проехать. Пограничной страже вменялось в обязанность проверять такие свидетельства и рекомендательные письма, а «сомнительных» чужеземцев «задерживать на самой границе под присмотром» до получения высочайшего распоряжения [18, т. 25. № 18565]. Что же касается иностранцев, живших в России постоянно, то указ от 26 октября 1797 г. предписывал, чтобы «всякий пребывающий в России избирал непременно какой-либо известный род состояния, и чтобы каждый неотъемлемо по званию своему нес повинности, законом определенные» [18, т. 24. № 18223].

Вероисповедание. Важное место в законодательстве об иностранцах в России занимают вопросы религии и вероисповедания. Как уже отмечалось, Петр I узаконил право иноземцев, принятых на службу в России, исповедовать свои религии и строить церкви. Но оставался еще один аспект, касающийся вероисповедания, – браки между иностранными специалистами и православными российскими подданными. Поводом к смягчению норм в отношении смешанных браков послужило обращение Берг-коллегии к Синоду в связи с тем, что у многих шведских пленников, поступивших на российскую службу по горному делу и женившихся на русских девушках, «за разность веры жен поотняли, и отданы другим в супружество». По мнению Берг-коллегии, обретающимся при рудных промыслах шведским пленным следовало разрешить жениться на православных без перемены веры, поскольку «в чужих краях в рудных делах гораздо искусных людей достать трудно, и мало таких сыскать можно, дабы кто, тамо оставя свои дома и промыслы, и в Россию пошли в службы». В результате было издано «Послание Святейшего Синода к православным о беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами» [18, т. 6. № 3814].

9 июня 1763 г. состоялось утверждение Сенатского указа, подтверждавшего разрешение иностранцам, приехавшим в Россию на постоянное жительство, строить и содержать по их законам церкви в тех местах, где они селиться пожелают [18, т. 16. № 11853]. В 1765 г. специально для обеспечения свободы вероисповедания и отправления богослужения иностранными колонистами, поселившимися в Саратове, президентом Канцелярии опекунов иностранных были выписаны два патера из Рима [18, т. 17. № 12303]. Кроме того, в январе 1765 г. граф Г. Г. Орлов предложил строить в каждом иностранном селении на порожних землях церкви за казенный счет, поскольку только что приехавшие колонисты «по бедности своей» еще долгое время не смогли бы осилить строительство и содержание церквей. Было решено взыскивать с колонистов деньги за устройство церквей постепенно, в течение последующих лет [18, т. 17. № 12322]. 12 февраля 1769 г. был принят Регламент Санкт-Петербургской римско-католической церкви [18, т. 18. № 13252].

Именной указ Екатерины II от 28 февраля 1784 г. разрешал Могилевскому архиепископу определять в должности римско-католических церквей выходцев из иностранцев при условии принятия ими российского подданства, из которого они, однако, могли в любое время выйти, если пожелают выехать из страны [18, т. 22. № 15943].

Подданство и условия пребывания. Вопрос подданства по-разному решался для различных категорий иноземцев. Специалисты, приезжавшие на ограниченный срок, оставались в статусе иностранцев. Для тех же, кто намеревался осесть в России, стать колонистом или вступить в службу, принятие подданства являлось обязательным условием полноправного существования. Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г., содержащий ряд пунктов об иностранцах, отсылает к проблеме подданства, статуса и вообще понятия «иноземец». Пункт 61 гласит: «Иноземцы считаются те, которые приехали из иных государств и вступили в службу. А которые породились в России, и приняли службу, те яко россияне почтены имеют быть». Обучать детей иноземцев в Адмиралтействе разрешалось только при условии принятия ими присяги на вечное подданство [18, т. 6. № 3937]. Такое же определение иноземцам дано и в более позднем, екатерининском Регламенте об управлении Адмиралтейств и флотов 1765 г. [18, т. 17. № 12459].

Поскольку в законодательстве об иностранцах особое внимание уделялось выходцам из Швеции, 23 сентября 1741 г. был издан Сенатский указ о шведских подданных, желающих остаться на жительство в России. Приказывалось шведов, которые «прежде показали, что желают ехать в отечество, а ныне при высылке их объявили, что они в отечество ехать не хотят, а желают, как и прочие шведские подданные, остаться в России и присягу учинить» не высылать, а присягой в верности обязать, как и других шведских подданных, оставшихся в России [18, т. 11. № 8452].

Сенатским указом от 27 августа 1747 г. утверждалась форма присяги иностранцев на вечное подданство России. Законом предписывалось напечатать до 500 экземпляров присяги на русском и немецком языках и разослать их в Военную, Адмиралтейскую коллегии и в Коллегию иностранных дел, а также в Рижскую, Ревельскую и Выборгскую губернии. Текст «Клятвенного обещания» практически полностью совпадал с общей формой присяги на верность службы [18, т. 11. № 8780], за исключением специфических обязательств иноземцев. Бывший иностранный подданный обещал без императорского соизволения и указа не выезжать за границу и не вступать в чужестранную службу. Также, принимая вечное подданство, иностранец обязывался «с неприятельми Ея Императорскаго Величества вредительной откровенности не иметь, ниже какую заповедную корреспонденцию внутрь и вне Российскаго Государства содержать» [18, т. 12. № 9434]. Данная форма была вновь опубликована и утверждена Петром III в марте 1762 г. [18, т. 15. № 11466].

Встречающееся в источниках понятие «временного подданства» использовалось в законах о торговых иноземцах. Например, согласно Сенатскому указу 1744 г., персидских купцов, добровольно пожелавших выезжать в Россию селениями для торговых целей, надлежало принимать в Астраханской губернской канцелярии, записывая «во временное подданство, а не вечно». С таких персидских торговцев предписывалось «вместо всех податей брать по рассмотрению тамошняго Магистрата, а с товаров надлежащую пошлину». Как только кто-либо из купцов больше не захочет жить в России, следовало его отпустить, взяв с них положенное число податей [18, т. 12. № 8919]. Для иностранных купцов различия временного и вечного подданства означали разницу в правах, по сравнению с русскими подданными. В соответствии с Торговым уставом 1755 г., иностранные купцы, вступившие во временное подданство, получали только право розничной торговли. Пошлины они платили наравне с «незаписавшимися» иностранными купцами, а также уплачивали подати за освобождение от служб. При возвращении на родину с них удерживалась десятая доля капитала. Только те иностранцы, которые вступали в вечное подданство и записывались в местное купечество, получали все права русских купцов, включая пошлинные льготы [8, с. 357–359].

Различия между временным и вечным подданством ликвидировались именными указами Екатерины II 1782–1783 гг. Отныне временное подданство ничем не отличалось от вечного, кроме собственно срока действия, «ибо всяк из таковых иностранцев вписывается во оное до тех пор, покуда собственную для себя выгоду находит» [18, т. 21. № 15322, № 15854].

Форма присяги иностранцев на вечное подданство оставалась неизменной до конца XVIII в. Сенатский указ от 6 июля 1793 г. «О приводе к присяге служащих в армии чужестранцев, желающих вступить навсегда в Российское Подданство...» предписывал принимать при-

сягу по форме, изданной 27 августа 1747 г., которая «составлена из прежней 1721 года присяги, и пополнена вновь» [18, т. 23, № 17138].

Гражданская и военная служба, чинопроизводство и социальный статус. В петровскую эпоху законодательно закреплялся порядок чинопроизводства иноземцев при их вступлении в российскую службу. По именному указу 1722 г. о производстве в чины сухопутных офицеров по Морскому регламенту, иностранцев, поступающих на русскую службу, следовало «рангами унизить», за исключением обязавшихся в вечной службе [18, т. 6, № 3913].

В 1730 г. устанавливалось отдельное правило в отношении иностранных офицеров Инженерного корпуса. Таковых, по мнению Военной коллегии, следовало принимать «теми же чинами, освидетельствовав их искусство». Причиной издания указа послужило недовольство иностранных офицеров, которые «служили в знатных иностранных регулярных войсках, при инженерных делах» и пожелали вступить в российскую службу временно или вечно. Однако те офицеры, которые служили в войсках иного рода, но объявляли, что искусны в инженерном деле, принимались на службу «унизия одним рангом» [18, т. 8, № 5504]. 2 ноября 1731 г. был дан императорский указ Сенату о принятии на русскую службу «инженер-офицеров» иноземцев из Пруссии и из других стран для укомплектования артиллерийских и «фортификационных» частей армии [18, т. 8, № 5865].

В первые годы правления Анны Иоанновны иноземцы принимались в обер-офицеры русской армии только после получения на то императорского указа (согласно указу от 15 мая 1733 г.) [18, т. 9, № 6404]. Однако в 1736 г. именным указом, данным генерал-майору Л. А. фон Бисмарку, разрешалось определять иностранцев на вакантные места до штаб-офицерских чинов без особого императорского разрешения, но не чина при этом притеснения русским офицерам [18, т. 9, № 6866].

Правила приема в службу иностранных офицеров, как следует из резолюции Кабинета министров на доклад Военной коллегии об офицерах Бутлере и Албрехте от 16 мая 1737 г., предполагали «для принятия службы приезжающих, чужестранных офицеров напрасно не волочить, но по надлежащем освидетельствовании достоинства их, о принятии или непринятии, без малейшаго замедления определение учинить» и тех, кто определен, тут же отправлять к месту службы. Непринятым в службу предписывалось без задержания отказать и «чтоб напрасными прошениями не докучали, им объявить» [18, т. 10, № 7255].

Указом 1739 г., со ссылкой на Регламент о кадетском корпусе, запрещалось принимать на обучение в кадеты детей иностранцев, не принявших присягу на верность в российской службе. Допускались лишь исключительные случаи – по особому Ее императорского величества дозволению [18, т. 10, № 7787].

В 1764 г. Екатериной II был утвержден порядок принятия в российскую службу иностранных штаб- и обер-офицеров с понижением одного чина, а младших офицеров – прапорщиков и корнетов следовало оставлять в тех же чинах [18, т. 18, № 12836].

Один из разделов именного указа Павла I от 20 ноября 1796 г. гласил, что «желающих вступить в службу Его Императорского Величества из иностранных, кои служили у Королевских Глав, принимать теми же чинами», а служивших в других местах принимать с понижением чина [18, т. 24, № 17570].

20 октября 1783 г. указом Сената иностранцам разрешалось записываться в купцы с уплатой пошлины наравне с русским купечеством, в зависимости от того, в какую гильдию они определены [18, т. 21, № 15854].

В конце 1785 г., вскоре после опубликования Жалованной грамоты городам, законодательно была установлена необходимость записи иностранцев, «пользующихся мещанским промыслом и выгодами», в мещанство. По сути, данный документ разъяснял положения Жалованной грамоты в отношении иностранных гостей, делая исключение для тех, кто действовал на основании специально заключенных «торжественных торговых договоров» с определенными государствами [18, т. 22, № 16187, № 16303].

Указами начала 1792 г. подтверждалось ранее установленное право иностранцев записываться в казенные селения, а также предписывалось набранных в рекруты иноземцев распределять по разным военным командам, дабы предотвратить побег [18, т. 23, № 17021, № 17022].

Возможности для заведения фабрик, заводов и мануфактур. Ряд законов определял права и обязанности иностранцев при устройстве ими мануфактур, фабрик и заводов. 30 июля 1720 г. Петр I издает манифест «О допущении иностранцев к строению и размножению рудопных заводов» [18, т. 6, № 3621], согласно которому на иностранцев распространялось дей-

ствие Берг-привилегии, утвержденной 10 декабря 1719 г. [18, т. 5. № 3420]. Всем «чужестранным охотникам, какого бы народа ни были», давались такие же права и привилегии, как и русским подданным, разрешалось добывать руды, строить заводы, создавать компании. Десятую часть прибыли (деньгами или металлом) они должны были платить в казну в качестве налога. Государство обязывалось оказывать им «милостивою протекцию» и получало право первого покупателя на остальную продукцию их предприятий.

Специальные пункты Регламента Мануфактур-коллегии 1723 г. посвящены правам иностранцев, касающимся заведения в России мануфактур и фабрик. Предполагалось, что российские дипломатические представители за рубежом будут «объявлять» иностранным ремесленникам и фабрикантам о вольностях, которые дарует русский император. Привилегии включали свободный приезд и выезд в любое время, беспошлинное приобретение необходимых материалов и инструментов (как в России, так и за границей), снабжение мануфактурщиков квартирами, освобождение от налогов и повинностей, протекция Мануфактур-коллегии, вспоможение из казны при устройстве фабрик. Регламент предусматривал обучение иностранными мастерами русских учеников за особое вознаграждение [18, т. 7. № 4354].

Уплата налогов, податей и владение имуществом. Для иноземцев существовали ограничения в приобретении земельной собственности. Например, по ряду указов конца 1730-х гг. не натурализовавшимся иноземцам запрещалось без особого императорского разрешения покупать деревни и земли в Малороссии [18, т. 10. № 7909].

В ходе переселения иностранных колонистов в Россию при Екатерине II наряду с ключевым Манифестом 1763 г. вводились уточняющие законодательные акты относительно выплаты разного рода пошлин. 5 мая 1765 г. был утвержден доклад Г. Г. Орлова, в котором предлагалось не брать с переселенцев пошлин при покупке ими дворов и прочего, потребного для их обзаведения, а записывать их на казенный счет. Потребность в специальном законодательном регулировании данного аспекта возникла в связи с тем, что Саратовская воеводская канцелярия взыскивала с колонистов пошлины за приобретение дворов, что противоречило положениям Манифеста 1763 г. об освобождении поселенцев от податей и обязательных служб [18, т. 17. № 12394].

18 июня 1772 г. Сенатским указом еще раз подтверждалось, что иностранцы, желающие выехать из России, обязаны заплатить десятую часть своего имущества, даже если до этого они не проживали в России, а приехали только для того, чтобы получить наследство своих умерших родственников из числа переселенцев. В тексте указа подчеркивалось, что подобная практика характерна для многих других государств [18, т. 19. № 13824].

Особые условия выплаты податей существовали для колонистов, поселившихся в Лифляндской губернии. В 1766 г. с ними были заключены контракты о том, что по истечении 10 льготных лет с каждой семьи будет взиматься по 30 талеров. Однако по прошествии указанного срока колонисты оказались не в состоянии выплачивать означенные суммы. В результате им были даны послабления в виде снижения налога до 10 талеров, а по сенатскому указу 1785 г. Рижской казенной палате вновь было велено собирать с колонистов по 30 талеров, однако в случае очевидной неспособности иностранцев к уплате названной суммы решение об уменьшении подати отдавалось на откуп Казенной палате [18, т. 22. № 16136].

Жалованная грамота городам 1785 г. устанавливала для иностранцев особые условия выплаты податей при выезде из города. Иноземцы обязывались уведомить городовой магистрат, возратить все долги заимодавцам и уплатить трехгодичную городовую подать [18, т. 22. № 16187]. Данное правило распространялось, в том числе, на города с особым статусом, такие как Рига и Ревель (покидая которые иноземцы выплачивали десятую долю капитала), о чем были даны специальные сенатские указы. В случае, если иностранец приезжал только для того, чтобы получить в России наследство, то при выезде он должен был отдать десятую часть обретенного имения [18, т. 23. № 16891].

Юридический статус и судопроизводство. Помимо общих правил подсудности иностранцев, обозначенных в ключевых манифестах о вызове иностранцев, был создан ряд дополнительных законодательных норм, касающихся судопроизводства. Вот некоторые из них. Иноземцы, находившиеся на гражданской службе (коллежские вице-президенты, советники, асессоры и пр.), согласно сенатскому указу 1720 г., попадали под юрисдикцию Юстиц-коллегии [18, т. 6. № 3658].

В 1744 г. было введено особое положение английских купцов, которые подлежали юрисдикции Коммерц-коллегии, в то время как других иностранных купцов следовало судить

в Главном магистрате. Если же у английских купцов случались тяжбы с другими иностранными или русскими торговцами, то дела надлежало разбирать Главному магистрату [18, т. 12. № 8854]. Указ Екатерины II от 13 мая 1775 г., отсылая к трактату, заключенному в 1766 г. между Англией и Россией, предписывал, что тяжбы с участием английских и русских купцов следует разбирать по законам той земли, на которой они ведут торговлю. Дела рассматривала Коммерц-коллегия [18, т. 20. № 14323].

Выявленный и проанализированный комплекс нормативно-законодательных актов показывает основные тенденции правового регулирования жизни иностранцев в России, вписывает их в социальную модель, дополняет представления о функционале различных административных структур XVIII в. Законодательство предстает как живой и подвижный материал. Законы об иностранцах создавались в режиме ответов на конкретные практические вызовы. Законодательство являлось базовым, рамочным регулятором социально-правового положения иностранцев. В большей степени в нем отразились нормы, применявшиеся в отношении иностранных колонистов, купцов, а также тех иноземцев, кто поступал на военную и гражданскую службу, *приняв российское подданство*. В то время как для наемных специалистов ключевым юридическим документом, закреплявшим их статус, служил *контракт*, а общими законодательными нормами в их отношении могли и пренебрегать. Законодательство об иностранцах представляло собой модель взаимодействия российского государства с иноземцами, во многом основанную на практике, а также с учетом опыта зарубежных европейских стран.

Список литературы

1. Голомбиевский А. А. Биография князя Г. Г. Орлова. М., 1904.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
3. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники российской истории. М., 2004.
4. Ермакова О. К. И. Гейденрейх и его представления о правах иностранца в России (1722–1731 гг.) // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 102–107.
5. Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России в XVIII – первой половине XIX в.: эволюция формы и содержания // Историческая русистика в XXI веке : материалы X Междунар. науч. конф. Будапештского центра русистики, 18–19 мая 2015 г. Будапешт : Russica Pannonica, 2017. С. 177–186.
6. Ермакова О. К. Контрактование иностранцев в начальный период реализации политики по переселению колонистов в Россию (1760-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 4. С. 505–518.
7. Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России начала XVIII в.: происхождение источника и формирование разновидности актов // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 52–59.
8. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005.
9. Курлаев Е. А., Корепанов Н. С., Побережников И. В. Техно-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2011.
10. Мулюкин А. С. О свободе приезда иностранцев в Московское государство // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Май. С. 58–81.
11. Мулюкин А. С. Иностранцы свободных профессий в Московском государстве // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Октябрь. С. 307–352.
12. Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Древнюю Русь. СПб., 1907. 35 с.
13. Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909. 292 с.
14. Николаева Т. Б. Паспортная система России: формирование и механизм функционирования во второй половине XVII – начале XX в. (Историко-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 221 с.
15. Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007.
16. Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М., 2004. 344 с.
17. Плеве И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (ПСЗРИ-1). СПб., 1830.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
20. Смирнова Е. С. Регулирование правового статуса иностранцев в России до начала XIX в. // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 142–151.
21. Тесленко А. М. Правовой статус иностранцев в России: Вторая половина XVII – начало XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 20 с.
22. Social control in Europe. Vol. 1, 1500–1800 / ed. by Herman Roodenburg and Pieter Spierenburg. Columbus : Ohio State University Press, 2004.

Foreign immigrants and specialists in Russia in the XVIII century: legislative regulation of stay (based on the materials of the Full Collection of Laws of the Russian Empire)

O. K. Ermakova¹, E. Yu. Rukosuev²

¹PhD of Historical Sciences, researcher, Institute of history and archaeology
of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: ermakovaok@mail.ru

²Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of history and archaeology
of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: rukosuev@mail.ru

Abstract. On the basis of the materials of the Full Collection of Laws of the Russian Empire, the article discusses the legislative basis for the arrival and stay of foreign immigrants and specialists in Russia. Special attention is paid to the main directions of the state policy on attraction of foreigners, conditions of their entry, departure and movement within Russia, attitude to religion, acceptance of citizenship, conditions of service, social and legal status, ownership of property, creation of industrial enterprises, taxation.

Keywords: Russian legislation of the XVIII century, foreigners in Russia, settlers, colonists, technical and military specialists.

References

1. Golombievskij A. A. *Biografiya knyazya G. G. Orlova* [Biography of Prince G. G. Orlov]. M. 1904.
2. The state archive of Sverdlovsk region.
3. Danilevskij I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumyantseva M. F. *Istochnikovedenie. Teoriya, istoriya, metod. Istochniki rossijskoj istorii* [Source Studies. Theory, history, method. Sources of Russian history]. M. 2004.
4. Ermakova O. K. I. *Gejdenrejh i ego predstavleniya o pravah inostranca v Rossii (1722–1731 gg.)* [I. Heydenreich and his ideas about the rights of a foreigner in Russia (1722–1731)] // *Chelovek v usloviyah modernizacii XVIII–XX vv. : sb. nauch. st. – Man in the conditions of modernization of the XVIII–XX centuries : coll. scient. articles*. Ekaterinburg. 2015. Pp. 102–107.
5. Ermakova O. K. *Kontrakty s inostrannymi specialistami v Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v.: evolyuciya formy i soderzhaniya* [Contracts with foreign specialists in Russia in the XVIII–first half of the XIX century: evolution of form and content] // *Istoricheskaya rusistika v XXI veke : materialy X Mezhdunar. nauch. konf. Budapeshtskogo centra rusistiki, 18–19 maya 2015 g. – Historical Rusistics in the XXI century : materials of X international scient. conf. of the Budapest centre for Russian studies, May 18–19, 2015*. Budapest. Russica Pannonicana. 2017. Pp. 177–186.
6. Ermakova O. K. *Kontraktovanie inostrancev v nachal'nyj period realizacii politiki po pereseleniyu kolonistov v Rossiyu (1760-e gg.)* [Contracting of foreigners in the initial period of implementation of the policy of resettlement of colonists in Russia (1760s)] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya : Istorija Rossii – Herald of People's Friendship Russian University. Series : History of Russia*. 2017. No. 4. Pp. 505–518.
7. Ermakova O. K. *Kontrakty s inostrannymi specialistami v Rossii nachala XVIII v.: proiskhozhdenie istochnika i formirovanie raznovidnosti aktov* [Contracts with foreign specialists in Russia of the beginning of the XVIII century: origin of the source and formation of the variety of acts] // *Istorija: fakty i simvol'y – History: facts and symbols*. 2018. No. 4 (17). Pp. 52–59.
8. Zaharov V. N. *Zapadnoevropejskie kupcy v rossijskoj torgovle XVIII veka* [Western European merchants in Russian trade of the XVIII century]. M. 2005.
9. Kurlaev E. A., Korepanov N. S., Poberezhnikov I. V. *Tekhniko-tehnologicheskie innovacii v gorno-metallurgicheskom proizvodstve Urala v XVII–XVIII vv.* [Technical and technological innovations in mining and metallurgical production of the Urals in the XVII–XVIII centuries]. Yekaterinburg. 2011.
10. Mulyukin A. S. *O svobode priezda inostrancev v Moskovskoe gosudarstvo* [About freedom of arrival of foreigners in the Moscow state] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya – Journal of the Ministry of national education*. 1908, May. Pp. 58–81.
11. Mulyukin A. S. *Inostrancy svobodnyh professij v Moskovskom gosudarstve* [Foreigners of free professions in the Moscow state] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya – Journal of the Ministry of national education*. 1908, October. Pp. 307–352.
12. Mulyukin A. S. *Priezd inostrancev v Drevnyuyu Rus'* [Arrival of foreigners in Ancient Russia]. SPb. 1907. 35 p.
13. Mulyukin A. S. *Priezd inostrancev v Moskovskoe gosudarstvo. Iz istorii russkogo prava XVI i XVII vekov* [Arrival of foreigners in the Moscow state. From the history of Russian law XVI and XVII centuries]. SPb. 1909. 292 p.

14. Nikolaeva T. B. *Pasportnaya sistema Rossii: formirovanie i mekhanizm funkcionirovaniya vo vtoroj polovine XVII–nachale XX v. (Istoriko-pravovoj analiz) : dis. ... kand. yurid. nauk* [Passport system of Russia: formation and mechanism of functioning in the second half of XVII–beginning of XX century (Historical and legal analysis) : dis. ... PhD of Legal sciences]. Nizhny Novgorod. 2003. 221 p.
15. Oparina T. A. *Inozemcy v Rossii XVI–XVII vv* [Foreigners in Russia in XVI–XVII centuries]. M. 2007.
16. Orlenko S. P. *Vyhodcy iz Zapadnoj Evropy v Rossii XVII v. (pravovoj status i real'noe polozhenie)* [Natives of Western Europe in Russia XVII century (legal status and real situation)]. M. 2004. 344 p.
17. Pleve I. R. *Nemeckie kolonii na Volge vo vtoroj polovine XVIII veka* [German colonies on the Volga in the second half of the XVIII century]. M. 2008.
18. Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1st (PSZRI-1). SPb. 1830. (in Russ.)
19. Russian state archive of ancient acts.
20. Smirnova E. S. *Regulirovanie pravovogo statusa inostrancev v Rossii do nachala XIX v.* [Regulation of the legal status of foreigners in Russia before the beginning of the XIX century] // *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian law*. 2004. No. 9. Pp. 142–151.
21. Teslenko A. M. *Pravovoj status inostrancev v Rossii: vtoraya polovina XVII–nachalo XX veka : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal status of foreigners in Russia: the Second half of XVII–beginning of XX century : abstract of dis. ... PhD of Legal Sciences]. Ekaterinburg. 2000. 20 p.
22. Social control in Europe. Vol. 1, 1500–1800 / ed. by Herman Roodenburg and Pieter Spierenburg. Columbus : Ohio State University Press, 2004.

Новые подходы китайских историков к изучению событий 1917 г. в России: «Русская революция» Яо Хая

Ван Чао

доктор исторических наук, младший научный сотрудник, Институт изучения России,
Хэйлунцзянская академия общественных наук. КНР, г. Харбин. E-mail: eluosi66@126.com

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные и новые подходы китайских историков к изучению русской революции 1917 года. Отмечается, что китайская историография развивалась под сильным влиянием советской, восприняв все ее основные концептуальные положения. Традиционно китайские историки, подобно советским, делили революционный процесс 1917 г. в России на две революции: Февральскую буржуазно-демократическую Великую Октябрьскую социалистическую. Подчеркивается, что результатом новых подходов стало рассмотрение событий 1917 года как единой революции, состоящей из двух этапов: февральского и октябрьского. Рассматриваются новые подходы, предложенные профессором Яо Хаем, автором монографии «Русская революция». Проблема неизбежности революции в октябре и прихода власти трудящихся объясняется особенностями развития исторического процесса в России и международным контекстом Первой мировой войны.

Ключевые слова: русская революция 1917 г., марксизм-ленинизм, большевики, китайские историки, традиционные и новые подходы.

1917 год стал важным поворотным моментом в истории России. Февральская революция положила конец царской России, а Октябрьская революция стала логической отправной точкой советской истории. Поэтому революция 1917 года в России привлекает широкое внимание как восточных, так и западных академических кругов. Для китайского народа глубокое влияние революции 1917 года в России выходит далеко за рамки академического поля. Создание Китайской Народной Республики рассматривается как следствие победы марксизма-ленинизма в Китае. Марксистско-ленинская идеология была воспринята и распространена прогрессивными интеллектуалами Китая после победы Октябрьской революции, которая долгое время была самым главным вопросом при изучении мировой истории в Китае.

Традиционные взгляды китайских ученых на Русскую революцию 1917 года. За прошедшее столетие китайские ученые с точки зрения различных отраслей знания всесторонне изучили Февральскую и Октябрьскую революции достигли ряда важных результатов. Были проведены более существенные исследования исторической рациональности, политической легитимности и исторического значения Октябрьской революции, в то же время исследования Февральской революции представлены сравнительно слабее. Ученые провели плодотворные исследования по историческому процессу и значению Октябрьской революции, появились монографии и сборники статей. Самым представительным результатом является «История Октябрьской революции», опубликованная в 1980 году Сунь Чэнму, Ли Сяньжуном и Кан Чуньлинем. Эта работа является первой монографией в исторических кругах Китая, посвященной изучению Октябрьской революции и гражданской войны. Данная работа заложила основы для изучения Октябрьской революции другими китайскими учеными, а также задала общий тон для последующих исследований. Основные публикации зарубежных ученых об Октябрьской революции также переведены на китайский язык. Например, в 1997 году вышел в свет коллективный сборник ученых Бюро переводов при ЦК КПК «Выбор “Октября” – труды зарубежных ученых 1990-х годов, посвященные Октябрьской революции», в котором отражено понимание и противоречия между восточными и западными политиками и историками. Китайские исследователи тщательно изучили историческую неизбежность, предмет, природу, исторический процесс, характеристики, историческое значение и влияние Октябрьской революции, борьбу большевиков и лозунги в процессе захвата власти, крестьянский вопрос, а также многие другие проблемы.

Китайские академические круги полностью подтверждают справедливость и историческую необходимость Октябрьской революции. Общая точка зрения заключается в том, что

Октябрьская революция явилась неизбежным результатом борьбы русского рабочего класса с буржуазией. Опубликованная в 1995 «Всемирная история: современная летопись» под редакцией У Юйцзинь, Ци Шижун является важным учебником для студентов старших курсов по истории. В первом томе издания указано, что правильное руководство Ленина и большевистской партии, зрелость российского пролетариата являлись ключевыми факторами победы Октябрьской революции.

Перед лицом восходящей революции «реакционный лагерь готовился к бою, а лагерь мелкой буржуазии был ограничен состоянием паники и раскола» [13, с. 65].

Повествование об историческом процессе с февраля по октябрь главным образом вращается вокруг Ленина и большевистской партии. Ленин и большевистская партия под его руководством сыграли ключевую роль в теоретической подготовке революции и мобилизации сил и средств для победы октябре. В ходе революции «для ускорения организационной работы вооруженного восстания и подготовки общественного мнения различные партийные организации на всех уровнях и местные Советы последовательно проводили различные виды собраний. Резолюции, принятые на этих собраниях, полностью отражают политическое настроение трудящихся и их решимость бороться за политическую власть» [11, с. 116]. В «Истории Октябрьской революции» авторы описывают состояние других социальных групп, помимо большевиков, стоявших перед лицом революции: «Капиталисты через военные заказы правительства получали огромные сверхприбыли и жестоко подавляли трудящихся» [11, с. 114]; «Меньшевики и эсеры воспользовались возможностью узурпировать руководство Советами» [11, с. 25], «Керенский был авантюристом и амбициозным человеком, который смешался с революционным лагерем» [11, с. 26]. Подобные исторические повествования несут в себе глубокий след времени. В традиционных исследованиях кажется, что с февраля по октябрь большевики действовали в одиночку на исторической сцене. С одной стороны, этот вид исторического повествования отражает деятельность одних участников критические моменты, большевиков, и в то же время ослабляет или даже пренебрегает действиями и функциями других участников. Очевидно, что такого рода повествованиям не хватает объективности. «Истории Октябрьской революции» Сунь Чэнму революция 1917 года России была разделена на Февральскую буржуазно-демократическую революцию и Октябрьскую социалистическую революцию. Из этого следует, что это две абсолютно разные революции. Подобное разделение двух революций и определение их природы соответствует суждениям марксистских историков о теории общественно-экономических формаций. В 1938 году И. В. Сталин опубликовал свою статью «О диалектическом материализме и историческом материализме». Историки-марксисты в целом согласились со сталинской трактовкой общественно-экономической формации, а именно с тем, что «в истории существует пять основных типов производственных отношений: первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм социализм» [10, с. 866]. С тех пор этот вывод стал основной методологической установкой для советской академической исторической науки. Историки использовали эту теорию для объяснения хода истории [1–9], и только после распада Советского Союза в российских исторических кругах появились и другие подходы. Разделение китайскими учеными буржуазно-демократической революции в феврале и социалистической революции в октябре находится под влиянием данной теории общественно-экономических формаций.

Что касается всемирно-исторического значения Октябрьской революции, то китайские ученые считают, что она имеет как теоретическое, так и практическое значение. Некоторые исследователи полагают, что Октябрьская революция способствовала инновациям в марксистской теории. В ходе подготовки Октябрьской революции Ленин выдвинул теорию империализма, теорию победы социалистической революции в одной стране, теорию создания пролетарской партии нового типа, стратегию и тактику пролетарской революции и развил марксизм в марксизм-ленинизм. Исследователь Китайской академии общественных наук У Эньюань считает, что значение Октябрьской революции для России заключается в сохранении национальной независимости территориальной целостности, освобождении рабочих и крестьян, составлявших большинство населения России, которые из положения эксплуатируемых стали хозяевами страны. В то же время революция ускорила процесс модернизации России, за короткое время превратив ее в мировую промышленную державу [12]. Эти положения, несомненно, представляют собой основную точку зрения в традиционных исследованиях революции в России.

Новые исследования китайских ученых о русской революции 1917 года. новом столетии в связи с непрерывным рассекречиванием советских архивов китайские ученые начали сосредотачиваться на эмпирических исследованиях, основанных на документах и архивах, чтобы узнать историческую правду о революции в России и как можно более объективно объяснить революционный процесс и влияние революции. В исторических кругах постоянно появляются публикации о революции в России, расширяются перспективы, а мышление становится более рациональным. В 2012 году была опубликована книга профессора Чэнь Чжихуа «Октябрьская Социалистическая революция России», 2010 году опубликована монография «Октябрьская революция: страдания и потрясения» профессора Вэнь И.

Серия работ «История Советского Союза» под редакцией Чжэна Ифана, известного специалиста по советской истории, планируется к опубликованию в девяти томах. «Русская революция», первый том этой серии, была издана издательством «Жэньминь» в 2013 году. Профессор Яо Хай, автор книги «Русская революция», в настоящее время преподает в Сучжоуском научно-техническом университете, а также является председателем общества исследования истории Восточной Европы и Советского Союза в Китае. Эта книга является первой исторической монографией в Китае, которая с новых методологических позиций систематически и всесторонне изучает революцию 1917 года в России. В книге было использовано большое количество российских материалов. Исторический процесс революции 1917 года в России воспроизведен посредством описания исторических деталей, которые вернули мифической революции ее первоначальный облик и подняли изучение в Китае революции в России на новую высоту. Эта работа вызвала большой резонанс после публикации и была названа «шедевром революционной истории России с китайскими характеристиками». «Русская революция» отражает новые достижения в изучении русской революционной истории в китайских академических кругах в новую эпоху и является выдающимся символом в изучении революции в России.

Возвращаясь к корням восстания, автор считает, что революция 1917 года в России явилась результатом сочетания трех факторов: «долгосрочных структурных проблем в российской истории, социально-политической ситуации среднесрочной перспективе и краткосрочного развития событий». Автор рассматривает эту революцию в более широком историческом контексте, он включает сюда и Февральскую, и Октябрьскую революцию, поэтому последняя – лишь этап революции 1917 года в России. Эта точка зрения отличается от предыдущего мнения ученых о том, что Февральская и Октябрьская революции полностью разделены.

В традиционном историческом повествовании о революции 1917 года в России изучение Февральской революции представлено достаточно слабо. Яо Хай тщательно изучает Февральскую революцию на основе большого количества новых документальных материалов. В книге «Русская революция» автор утверждает, что игнорирование социальных требований, отказ от фундаментальных реформ, широко распространенная коррупция, очевидная неэффективность и игнорирование нехватки средств к существованию людей подорвали основы системы [14, с. 17]. Фактически успех Февральской революции связан с проблемами самого царского режима. Автор считает, что Февральская революция началась стихийно. После начала либеральная оппозиция, меньшевики и эсеры доминировали в революционном процессе, в то время как малочисленная большевистская партия не могла влиять на развитие переворота. В книге «Русская революция» автор использует яркие исторические детали, чтобы объяснить сложный процесс борьбы политических партий на фоне массового стихийного движения. Автор в своем исследовании объективно объясняет и оценивает деятельность российской промышленной и торговой буржуазии, меньшевиков и эсеров в ходе возникновения и развития Февральской революции. «Во время Февральской революционной бури Государственная Дума, контролируемая буржуазными либералами, и ее Временный комитет участвовали в революции, в определенной степени возглавили восстание и революционное насилие, быстро захватили центральную власть, возглавив политические структуры. Петроградский Совет, инициированный меньшевиками и эсерами, также начал активно влиять на ход событий. Разрушая институциональные опоры старой русской системы, он также фундаментально разрушил русскую армию». Можно сказать, что авторское воспроизведение истории Февральской революции на основе материалов из первых рук на русском языке компенсировало слабые звенья предыдущих научных исследований о Февральской революции и ее основных событиях.

После Февральской революции, пишет Яо Хай, анархизм в российском обществе был беспрецедентным, и феномен двоевластия был лишь его проявлением. В течение февраля-

октября общее ухудшение российского социального менталитета стало огромной негативной силой, которая привела к различным видам политического радикализма. Ленин, находившийся за границей, прекрасно осознавал, что это была уникальная возможность захватить власть. Когда он узнал о революции в стране, он завершил полную теоретическую подготовку к Октябрьской революции. Профессор Яо Хай считает, что Октябрьская революция как последний этап имеет свою историческую неизбежность, но историю революции 1917 года нельзя просто интерпретировать как победный марш большевиков, ведущий народ к захвату власти. «Путь с февраля по октябрь – это не плавный путь для энергичного продвижения большевистской партии, а извилистый процесс сложной борьбы различных общественных и политических сил на фоне стихийного подъема русского народа, прежде всего рабочих и солдат Петрограда». Автор книги считает, что в Октябрьской революции 1917 года в России приняли участие не только большевики, хотя именно большевики сыграли важную ведущую роль в ключевой момент революции. «Русская революция» показывает образ Ленина как прагматичного революционера и объективно воспроизводит, как большевики под руководством Ленина превратились из слабых в сильных, преодолевая трудности и мобилизуя рабочих и крестьян для победы революции октябре.

В книге изучается иностранное влияние на русскую революцию с точки зрения Первой мировой войны и международной обстановки. Среди них наиболее важным вопросом являются отношения между большевиками и Германией, что также является одной из тем международных научных дискуссий в последние годы. Какую роль сыграл немецкий фактор в революции России? Отвечая на этот вопрос, согласно опубликованным в настоящее время архивам, автор полагает, что «немцы пытались использовать большевиков, потому что они считали, что проводимая ими политика объективно выгодна им самим, в то же время Ленин, как решительный революционер и социалист, безусловно, не мог быть куплен Германией. Но Ленин тоже являлся мастером стратегии, и вполне возможно себе представить, что для достижения своей главной цели он не исключал возможности в определенный период занять гибкие позиции. Для большевиков же деньги, предоставленные Германией, являлись лишь инструментом для организации революции в России и даже в Европе, прежде всего в Германии» [14, с. 408]. Эта точка зрения основана на объективном анализе внешних факторов революции 1917 года в России.

Новые подходы в научных исследованиях китайских ученых о русской революции 1917 года. Книга профессора Яо Хая является отличным примером для современных исследований о русской революции 1917 года, а также представляет новое направление в изучении в Китае истории России. Сравнивая анализируя теоретические интерпретации и исторические рассказы китайских ученых о перевороте в разные периоды, мы можем суммировать новые изменения.

До распада Советского Союза под влиянием советской историографии изучение Октябрьской революции китайскими учеными демонстрировало отчетливый идеологический колорит. До 1978 года при описании и оценке революции 1917 в России основные тезисы были унаследованы в основном из «Краткого курса истории ВКП(б)». Эта книга является не столько историческим трудом, сколько идеологическим учебником. Сложные исторические процессы были упрощены, враждебные силы были очернены, а некоторые ключевые фигуры были полностью скрыты. Эта ситуация улучшилась после 1978 года.

Китайские исследователи, изучающие историю России, описывая ход революции 1917, особенно Октябрьской, хотя и по-прежнему исходили из большевистской концепции, но сумели в основном избавиться от влияния «Краткого курса истории ВКП(б)» и добиться более объективной реконструкции исторического процесса. После распада Советского Союза в научный оборот было введено большое количество оригинальных архивных материалов. Историки использовали архивы и новые исторические методы, чтобы исследовать историю революции 1917 года, обосновав новые точки зрения, отличные от традиционного исторического повествования, показывая таким образом глубокое изменение методологических подходов. Китайские ученые, руководствуясь марксизмом и опираясь на результаты исследований большого числа российских и западных ученых, использовали эмпирические методы, чтобы более рационально и объективно дать объяснение и оценку революции 1917 года, а восстановленный процесс истории сделать более красочным. Как упоминалось ранее, все больше внимания уделяется изучению причин и исторического значения Февральской революции. Сравнение сил всех социальных классов и их отношение к революции стали важной темой для изучения начала Октябрьской революции. Были специально изучены стратегии, принятые различными политическими силами в ходе революции, и влияние международных факторов.

В целом, наиболее фундаментальным фактором изменения исторического изложения фактов является изменение концепции. Традиционное исследование Октябрьской революции подчеркивает ее историческую неизбежность. Она включает в себя два тесно связанных аспекта: один – неизбежность исторических законов, другой – неизбежность Октябрьской революции. В традиционных исследованиях Октябрьская революция вместе с последующим социалистическим строительством Советского Союза представляется неотъемлемой частью грандиозного, поэтапного исторического процесса, а не человеческой воли. Человеческая история имеет свою внутреннюю движущую силу и законы развития, но как только они приравниваются к законам природы, они будут двигаться к историческому детерминизму с сильным богословским колоритом. Согласно этим законам или детерминизму, Октябрьская революция не могла не начаться. В этой интерпретации неизбежности исследователи часто рассматривают деградацию царского самодержавного правительства, а также слабость и некомпетентность русской буржуазии как свидетельство вымирания капиталистического общества. Напротив, большевики во главе с Лениным действовали в соответствии с тенденциями времени и законами исторического развития, они выражали интересы передовых производственных отношений и в конечном итоге добились победы революции. Таким образом, для грядущего социалистического общества была создана прочная надстройка.

Когда современные китайские ученые изучают революцию 1917 года в России, они больше не связаны подобным историческим детерминизмом. Вместо этого они исходят из основных исторических фактов и применяют различные методы исследования, руководствуясь историческим материализмом. Исследователи по-прежнему считают, что возникновение революции в России было неизбежным, но эта неизбежность определяется внутренними противоречиями длительного развития российского общества, контекстом Первой мировой войны и тесно связана с централизацией, сложившейся в России. В то же время полностью признаются такие непредвиденные факторы, как историческая роль отдельных лиц и эффективность принятия организационных решений. Это более объективный исторический подход, более рациональный и убедительный.

История представляет собой диалог между историками и прошлым. Поскольку ученые живут в разное время, тема и содержание диалога меняются. Изучение русской истории в Китае вместе с китайским обществом претерпело огромные изменения за последние 40 лет, которые проявляется не только в содержании, но и в более разнообразных подходах, более открытом видении и более глубоком понимании истории. Как мировое историческое событие, революция 1917 года в России должна стать прочной и обновленной темой диалога в истории. Китайские и российские историки продолжают вносить свой вклад в изучение этой темы.

Список литературы

1. Гражданская война в СССР : в 2 т. Т. 1. М. : Воениздат, 1980. 367 с.
2. История Великой Октябрьской социалистической революции. М. : Наука, 1967. 671 с.
3. История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. Т. 3. М. : Политиздат. Кн. 1. 1967. 607 с. ; Кн. 2. 1968. 607 с.
4. Кувшинов В. А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февр.-окт. 1917 г.). М. : Изд-во МГУ, 1982. 239 с.
5. Минц И. И. История Великого Октября : в 3 т. 2-е изд. М. : Наука, 1967–1973.
6. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде : в 2 кн. Л. : Наука (Ленингр. отд-е), 1967.
7. Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917 – 1918 гг.). М. : Политиздат, 1968. 400 с.
8. Смирнов А. С. Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М. : Политиздат, 1976. 232 с.
9. Соболева П. И. Октябрьская революция и крах социал-соглашательских партий. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 351 с.
10. Сталин И. В. Ленинизм. Пекин : Жэньминь, 1961. (На китайском языке).
11. Сунь Чэнму, Ли Сяньжун, Кан Чуньлинь. История Октябрьской революции. Пекин : Саньянь, 1980. (На китайском языке).
12. У Энъюань. Октябрьская революция: необходимость, историческое значение и вдохновение // Всемирная история. 1997. № 5. (На китайском языке).
13. У Юйцзинь, Ци Шижун. Современная история. Т. I. Пекин : Высшее образование, 1985. (На китайском языке).
14. Яо Хай. Советская история. Т. I: Русская революция. Пекин : Жэньминь, 2013. (На китайском языке).

New approaches of Chinese historians to the study of the events of 1917 in Russia: "Russian revolution" by Yao Hai

Wang Chao

Doctor of Historical Sciences, junior researcher, Institute of Russian studies,
Heilongjiang Academy of Social Sciences. China, Harbin. E-mail: eluosi66@126.com

Abstract. The article considers traditional and new approaches of Chinese historians to the study of the Russian revolution of 1917. It is noted that Chinese historiography developed under the strong influence of the Soviet one, having accepted all its basic conceptual provisions. Traditionally, Chinese historians, like the Soviets, divided the revolutionary process of 1917 in Russia into two revolutions: the February bourgeois-democratic revolution and the Great October socialist revolution. It is emphasized that the result of new approaches was the consideration of the events of 1917 as a single revolution consisting of two stages: February and October. The new approaches proposed by Professor Yao Hai, author of the monograph "Russian revolution" are considered. The problem of inevitability of revolution in October and coming to power of workers is explained by features of development of historical process in Russia and the international context of the First World War.

Keywords: Russian revolution of 1917, Marxism-Leninism, Bolsheviks, Chinese historians, traditional and new approaches.

References

1. *Grazhdanskaya vojna v SSSR : v 2 t.* – The civil war in the USSR : in 2 vols. Vol. 1. M. Military Publishing. 1980. 367 p.
2. *Istoriya Velikoy Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii* – History of the Great October socialist revolution. M. Nauka. 1967. 671 p.
3. *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza : v 6 t.* – History of the Communist party of the Soviet Union : in 6 vols. M. Politizdat. Book 1. 1967. 607 p.; Book 2. 1968. 607 p.
4. *Kuvshinov V. A. Razoblachenie partiej bol'shevikov ideologii i taktiki kadetov (fevr.– okt. 1917 g.)* [Exposure of ideology and tactics of cadets by the Bolshevik party (Feb.– Oct. 1917)]. M. Moscow State University. 1982. 239 p.
5. *Minc I. I. Istoriya Velikogo Oktyabrya : v 3 t.* [History of the Great October : in 3 vols.] 2nd ed. M. Nauka. 1967–1973.
6. *Oktyabr'skoe vooruzhennoe vosstanie. Semnadcatyj god v Petrograde : v 2 kn.* – October armed uprising. The seventeenth year in Petrograd : in 2 books. Leningrad. Nauka (Leningrad department). 1967.
7. *Ruban N. V. Oktyabr'skaya revolyuciya i krah men'shevizma (mart 1917–1918 gg.)* [October revolution and the collapse of Menshevism (March 1917–1918)]. M. Politizdat. 1968. 400 p.
8. *Smirnov A. S. Bol'sheviki i krest'yanstvo v Oktyabr'skoj revolyucii* [Bolsheviks and the peasants in the October revolution]. M. Politizdat. 1976. 232 p.
9. *Soboleva P. I. Oktyabr'skaya revolyuciya i krah social-soglasatel'skih partij* [October revolution and the collapse of the social-conciliatory parties]. M. Moscow University. 1968. 351 p.
10. *Stalin I. V. Leninizm* [Leninism]. Beijing: Renmin. 1961. (in Chinese).
11. *Sun Chenmo, Li Sanjun, Kan Chunling. Istoriya Oktyabr'skoj revolyucii* [History of the October revolution]. Beijing. Sanlian. 1980. (in Chinese).
12. *U Anuani. Oktyabr'skaya revolyuciya: neobhodimost', istoricheskoe znachenie i vdohnovenie* [October revolution: the necessity of historical significance and inspiration] // *Vsemirnaya istoriya* – The history of the world. 1997. No. 5. (in Chinese).
13. *Wu Yujin, Qi Shizhong.* [Modern history. T. I.] Beijing. Higher education. 1985. (in Chinese).
14. *Yao Hai. Sovetskaya istoriya T. I: Russkaya revolyuciya* [Soviet history. Vol. I: the Russian revolution]. Beijing. Renmin. 2013. (in Chinese).

УДК 342(091)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.017

Подготовка к первым выборам в Верховный Совет СССР и проблема их альтернативности (год 1937-й)

В. И. Бакулин

доктор исторических наук, профессор.

Россия, г. Сочи. ORCID: 0000-0002-8648-0011. E-mail: vla20190220@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена весьма актуальной проблеме изучения и учета исторического опыта, который может быть полезен на современном этапе в деле совершенствования политико-государственной системы Российской Федерации. Этим же, наряду с решением задачи уточнения наших представлений об избранном периоде отечественной истории, определяется цель исследования, предметом которого выступает охватываемый хронологическими рамками 1937 года процесс подготовки, принятия и реализации в центре, в том числе в конкретном регионе страны, каковым являлась Кировская область, Положения о выборах в Верховный Совет СССР.

В статье поэтапно рассматривается, как во время подготовки страны к назначенным на конец указанного года в соответствии с принятой год назад Конституцией Советского Союза выборам в Верховный Совет происходила формализация предстоящих, а затем и начавшихся выборов, превращения их, по сути, в безальтернативные; как у демократического по своей изначальной сущности процесса выхолащивалась его сущность, какие ухищрения имели при этом место. Отмечена особая роль в нагнетании напряженности в обществе возглавляемой Н. С. Хрущевым московской партийной организации, а также редакции газеты «Правда». В ходе исследования выявлена тесная связь между всеми этими процессами и развязанной в середине года кампанией массовых репрессий. Политика центральной власти конкретизируется на региональном уровне. Показано, что политическое поведение партийных властей Кировской области не отличалось существенными особенностями от общесоюзного мейнстрима.

Полученные результаты могут быть использованы в преподавательской деятельности и дальнейших научных изысканиях.

Ключевые слова: выборы в СССР, репрессии, Верховный Совет, номенклатура, Сталинская конституция.

Последний месяц 1936 года в жизни советского государства и общества был отмечен политическим событием исторического масштаба – 5 декабря проект новой конституции СССР приобрел силу основного закона страны. Принятию этого документа предшествовал довольно длительный период его подготовки, сменившийся временем борьбы в правительственных «верхах» по поводу содержания положения о конкретном механизме выборного процесса, охватившей большую часть следующего, 1937-го, года. Но если историография политических репрессий этого года впечатляет количеством публикаций и имен их авторов [2; 3; 5; 6; 10; 12; 13 и др.], то история подготовки Положения о выборах в Верховный Совет СССР теряется в ее тени. Серьезное внимание этой проблеме уделил, по существу, лишь Ю. Н. Жуков. В его монографии «Иной Сталин. Политические реформы 1933–1937 гг.» обосновывается концепция противостояния сталинской группировки в партийно-государственных «верхах» (условно «узкое руководство») номенклатурному большинству в том числе и по указанному вопросу [4]. Но автор книги затрагивает тему альтернативности/безальтернативности выборного процесса в контексте гораздо более широкой и многоаспектной проблематики. Между тем она, по причине ее политической значимости и неувядающей актуальности, заслуживает отдельного рассмотрения. В том числе и с привлечением материалов регионального уровня.

После утверждения 8-м всесоюзным съездом Советов новой конституции СССР вопрос о «переформатировании» в соответствии с ее содержанием органов власти и управления всех уровней закономерно встал в повестку дня. В правящих кругах вынашивался проект положения о порядке выборов депутатов Советов, который был призван предопределить реальную (а не только формальную) степень демократизации государственной и общественной жизни страны и, соответственно, мог сказаться на перспективах дальнейшего пребывания на выборных должностях чиновников разных рангов. Поэтому борьба в номенклатурной среде по поводу его содержания и механизма практического применения была неизбежной.

Тема предстоящих выборов оказалась одной из двух основных (параллельно обсуждались промежуточные итоги и задачи дальнейшей борьбы с «врагами народа») на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б). Доклад под названием «Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы» делал один из секретарей ЦК А. А. Жданов. В докладе и резолюции пленума по нему утверждалось, что практическая реализация положений новой избирательной системы означает поворот к демократизации жизни страны и его следует осуществлять под непосредственным руководством правящей партии. Ему должна предшествовать глубокая перестройка жизнедеятельности самой ВКП(б), ибо она, по признанию докладчика, вопреки ее уставу в реальной практике сплошь и рядом руководствовалась принципами не демократического, а бюрократического централизма [9; 27 февраля, вечернее заседание, с. 16]. Исходя из этого участники пленума предписали всем партийным организациям преодолевать указанные недостатки и в срок до 20 мая, с соблюдением всех положенных формальностей, провести выборы соответствующих руководящих органов [9; 27 февраля, вечернее заседание, с. 21–22].

В целях ослабления бюрократического давления чиновников на партийные коллективы при выдвижении кандидатов в эти органы А. Жданов и И. Сталин предложили оригинальный подход (отчасти опробованный еще в годы большевистского подполья), сочетающий открытое и тайное голосование [9; 27 февраля, вечернее заседание, с. 17–18]. Однако в постановлениях пленума эта идея отражения не нашла. Тревожным звонком для номенклатуры прозвучали сталинские высказывания (также в унисон со Ждановым) о необходимости омоложения и качественного улучшения элиты, предложение руководителям любого ранга обзавестись парой заместителей, способных подменить своего начальника в случае необходимости, и особенно – предупреждение о том, что для многих серьезным испытанием станут грядущие выборы в Советы по новой системе [9; 27 февраля, вечернее заседание, с. 17–18; 3 марта, вечернее заседание, с. 13; 5 марта, вечернее заседание, с. 17]. Понятно, что роль кадрового фильтра таковые могли сыграть лишь в том случае, если в их основу закладывалась состязательность, наличие альтернативных претендентов на должность. В конституции СССР 1936 г. этот принцип не декларировался, тем более присутствие его в электоральном процессе не гарантировалось, хотя за партией и общественными организациями закреплялось право выдвижения кандидатов в ходе предвыборной кампании.

Февральско-мартовский пленум ЦК также оставил открытым вопрос об альтернативности. Важная деталь: во время работы форума много говорилось о необходимости тщательного отбора кандидатов в депутаты от ВКП(б), дабы они не потерпели фиаско, будучи отвергнутыми избирателями. Однако вероятность того, что такой кандидат рискует потерпеть поражение от соперников на выборах, делегатами даже не упоминалась. Вот довольно типичные рассуждения на сей счет. В докладе А. А. Жданова говорилось: «...тайное и персональное голосование в отличие от голосования открытого и по спискам будет означать повышение ответственности партии за каждую выдвигаемую кандидатуру. Для того чтобы быть избранным, наши кандидаты должны быть хорошо известны избирателям того округа, где они будут выдвинуты, их деятельность должна быть хорошо знакома избирателям. Проверка тайным голосованием будет самой основательной проверкой наших работников, потому что тайное голосование представляет гораздо более широкие возможности отвода нежелательных и негодных, с точки зрения масс, кандидатур, чем это было до сих пор. Это надо отчетливо представлять» [9; 26 февраля, вечернее заседание, с. 4].

В конце июня 1937 г. проект Положения о выборах в Верховный Совет СССР был одобрен пленумом ЦК ВКП(б), затем президиумом ЦИК СССР, 2 июля опубликован в прессе, после чего был передан на утверждение сессии ЦИК. На ней 7 июля с докладом о проекте выступил заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) и первый заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК Я. А. Яковлев. Обосновывая утверждение о высокой степени демократичности вводимой в стране избирательной системы, докладчик заочно вступил в полемику с германо-нацистским официозом «Фелькишер Беобахтер», на страницах которого утверждалось, что альтернативность предстоящих в Советском Союзе выборов сомнительна, поскольку правом выдвижения кандидатов наделяются только правящая партия и подчиненные ей организации. Оспаривая это утверждение, докладчик апеллировал к статьям 56 и 57 конституции, в соответствии с которыми право выдвигать кандидатов в депутаты было дано не только организациям ВКП(б), но и профсоюзам, кооперативам, комсомолу, культурным

обществам и другим объединениям, зарегистрированным в установленном законом порядке, а также общим собраниям рабочих, служащих, красноармейцев [11; 8 июля, с. 2].

Аргументация Яковлева, надо сказать, выглядела недостаточно убедительной по той причине, что он обходил вопрос о фактической подконтрольности всех общественных объединений партийным комитетам, а также то обстоятельство, что любое из них не имело шансов законно зарегистрироваться, будучи нелояльным по отношению к действующей власти. Варианты отказа могли быть различными. Так, пару месяцев спустя Ем. Ярославский разъяснял читателям партийного официоза: *«Одно дело предоставить служителям культа ... избирательные права, а другое дело – предоставить религиозным обществам право выдвигать кандидатуры в Советы трудящихся. Это значило бы нарушить советский закон об отделении церкви от государства»* [11; 15 сент., с. 2].

Внесенный на сессию ЦИК проект Положения о выборах был утвержден без принципиальных изменений его содержания. При сложившейся в стране политической системе он не представлял опасности для монопольной власти ВКП(б). Но сохранявшаяся, хотя бы теоретически, возможность выдвижения альтернативных кандидатур (в первую очередь на общих собраниях в трудовых коллективах и по месту жительства) таила в себе опасность утраты номенклатурных (и, как следствие, партийных) должностей в индивидуальном порядке. В новой конституции, в Положении о выборах был заложен немалый демократический потенциал, и гарантированно нейтрализовать его могла лишь волна массовых репрессий.

Тактика нейтрализации угрозы номенклатурному всевластию начала зарождаться еще во время работы февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б). В ее основу закладывалось усиленное педалирование тезиса о том, что новой выборной системой в своих интересах смогут воспользоваться «враги народа». Он настойчиво обосновывался, например, в выступлениях первого секретаря Западно-Сибирского обкома партии Р. И. Эйхе, который, правда, воздержался от вывода о необходимости усиления репрессий в преддверии более демократичных, чем прежде, выборов, но логика его рассуждений к тому подталкивала [9; 1 марта, вечернее заседание, с. 1–5; 27 февр., утреннее заседание, с. 1–5]. Дело в том, что массовые репрессии могли оказаться эффективным средством отсека от выборов (в роли избирателей и избираемых) любых потенциальных конкурентов, как номенклатурного слоя в целом, так и его конкретных представителей. С их помощью можно было также запугать и сделать управляемыми предвыборные собрания и избирательные комиссии. В решениях пленума эта тактика откровенно заявлена не была, но установка на «выкорчевывание до конца», подавление «малейших проявлений» активности «банды троцкистов и иных двурушников» (в резолюциях по докладам Н. И. Ежова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича) создавала необходимые для этого политические предпосылки.

В последующие месяцы тематика борьбы с «врагами народа» неизменно сопровождала обсуждение вопросов предвыборной кампании на любом партийном, советском, хозяйственном форуме, а также в средствах массовой информации в центре и на местах. Одним из редких исключений из этого правила в рассматриваемый период был выше упомянутый доклад А. А. Жданова на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК, посвященный предвыборной тематике и задачам партийных организаций в этом контексте. Докладчик строго придерживался заданной темы и к «охоте на ведьм» не призывал. Не злоупотреблял воинственными призывами и представлявший на сессии ЦИК СССР проект Положения о выборах Я. А. Яковлев. Правда, последний все же не забыл вставить в свой доклад краткий пассаж на эту тему, заявив: *«... весь народ стоит стеной за Советы – в этом лишний раз недавно убедились германо-японские фашисты в троцкистской или бухаринской личине»*, но при этом достаточно прозрачно намекнул, что не жаждет новой крови, поскольку «наша рабоче-крестьянская страна [уже. – Авт.] раздавила их как клопов» [11; 8 июля, с. 3].

Однако господствующая тенденция оставалась иной. Большую (если не исключительную) роль в создании напряженной общественной атмосферы играл рупор ЦК и Политбюро – газета «Правда», на чьи публикации ориентировались и реагировали партийные организации, комитеты и их руководители в регионах. Ограничимся двумя примерами из бесчисленного множества подобных. 28 февраля 1937 г., во время работы февральско-мартовского пленума ЦК, в ней была помещена статья «Социализм и диктатура рабочего класса», автор которой Ф. Чернов писал: *«Нет сомнения, что развитие советской демократии... будут пытаться использовать враги народа во вред социализму. Необходимы максимальная бдительность и гибкость, чтобы суметь вовремя разоблачать и подавлять врага»* [11; 28 февр., с. 2]. Оконча-

ние пленума «Правда» отметила радикальной и грубой по содержанию статьей, где находился призыв удешевить бдительность в отношении «всяких антисоветских шпионских и террористических групп...» [11; 6 марта, с. 1].

В условиях развернувшейся с начала июля 1937 г. полосы массовых репрессий контуры номенклатурной предвыборной стратегии стали прорисовываться более определенно. С одной стороны, шло нагнетание политической истерии, с другой – совершенствовался сценарий безальтернативных выборов. Ярким примером истеричности может служить резолюция собрания актива московской партийной организации «Об итогах июньского пленума ЦК ВКП(б), принятая по докладу первого секретаря МГК Н. С. Хрущева. В относительно небольшом по объему тексте, наряду с обсуждавшимися на недавно завершившемся пленуме Центрального комитета вопросами о подготовке к выборам в Верховный Совет и задачами улучшения зернового хозяйства, а также – славословиями в адрес И. В. Сталина, неоднократно возникала тема борьбы с «врагами народа». Составители резолюции, не стеснялись в выражениях («враги народа», «подонки», японо-германские фашистские агенты», «шпионы, диверсанты и убийцы») и, коль скоро это становилось уже традиционной мантрой, назвали первоочередной задачей предстоящих выборов «не допустить проникновение врагов народа в советские органы» [11; 6 июля, с. 2].

Двуединая тактика «центра» (нагнетание политической истерии в контексте разворачиваемой предвыборной кампании) была воспринята и неукоснительно проводилась на местах. Так, в Кирове 9 июля 1937 г. состоялось собрание городского партийного актива, где с докладом об итогах июньского пленума ЦК выступил первый секретарь обкома М. Н. Родин. Докладчик, озвучив уже устоявшуюся к тому времени в политическом лексиконе оценку предстоящих выборов (выражение «последовательного, до конца развернутого советского демократизма»), четко и недвусмысленно обозначил **главную** задачу областной партийной организации: «Надо так построить партийно-политическую работу, работу Советов и всех общественных организаций, чтобы ни один враг не проник на выборах в Советы» [7; 10 июля, с. 1]. Выразительна расстановка акцентов: речь идет не о действительном развитии демократического начала в жизни страны и региона, а о недопущении нежелательных руководству соискателей депутатских мандатов в органы власти и управления.

Впрочем, определенные подвижки в сторону устранения наиболее одиозных проявлений авторитаризма в региональном управлении здесь все же наблюдались. Месяцем ранее обком партии отменил результаты выборов первого и второго секретарей Малмыжского райкома ВКП(б) на том основании, что на пленуме районного комитета они избирались, хотя и тайным голосованием, но «по одному списку», без индивидуального обсуждения каждой выставленной кандидатуры [15, д. 30, л. 113]. В том же июне в связи с отчетно-выборной кампанией в местных профсоюзах обком ВКП(б) потребовал от их руководителей «обеспечить строжайшее соблюдение профсоюзной демократии, тайного голосования при выборах профорганов».

Но в том же документе (протоколе заседания бюро обкома) поползновения к совершенствованию профсоюзной демократии легко перечеркивались категорическими директивными указаниями региональных партийных лидеров по тому же адресу. Областной профсоюзной «верхушке» настоятельным образом предлагалось «на основе критики и самокритики и широкой активности профсоюзных масс добиться разоблачения и изгнания из профсоюзного аппарата остатков тред-юнионизма, троцкистов, правых врагов народа и бюрократившихся элементов». Кроме того, предписывалось «сохраняя... преданные и проверенные кадры профсоюзников, обеспечить выдвижение новых людей в руководство профорганов» [15, д. 30, л. 120 об.].

На этом этапе подготовка к выборам в Верховный Совет заняла видное место в деятельности Кировского обкома ВКП(б). В частности, его решением на вторую половину июня было запланировано проведение в районах области пятидневных курсов-семинаров по изучению положения о выборах в целях массовой подготовки кадров агитаторов и руководителей соответствующих кружков в колхозах. В сентябре-октябре намечалось чтение цикла лекций учителям области по темам истории партии, а также изучение ими Положения о выборах [15, д. 34, л. 42, 43, 45]. 13 сентября было принято специальное постановление бюро обкома о работе Даровского райкома партии по разъяснению населению Положения о выборах. Проводимая райкомом работа была признана неудовлетворительной по ряду причин: запоздалая и не повсеместная организация кружков по изучению Положения в колхозах, нехватка «тщательного инструктажа агитаторов, чтецов и беседчиков»; хотя в коллективах проводятся доклады и читки этого документа, но нет «повседневного глубокого разъяснения».

Перечислив допущенные районной партийной организацией недостатки, бюро обкома предписало ей конкретные мероприятия по их устранению (провести семинар агитаторов,

все культурно-просветительные учреждения превратить в центры работы «по разъяснению сталинской конституции и избирательного закона» и т. д.), поручив секретарям райкома Савельеву и Сергееву лично возглавить их реализацию. Но завершался этот вполне демократичный по форме документ все тем же истеричным и по форме, и по содержанию призывом к «охоте на ведьм». Даровскому райкому и всей районной партийной организации предписывалось во всей проводимой работе разоблачать «коварные приемы и методы контрреволюционной деятельности японо-германо-троцкистско-бухаринских шпионов и вредителей и других врагов народа», усиливать бдительность партийной и комсомольской организаций, рабочих, колхозников и служащих района к врагам народа (троцкистско-бухаринским бандитам, шпионам, церковникам, сектантам и др.), вести решительную борьбу «по окончательному и полному их уничтожению» [15, д. 34, л. 60–61].

Начавшийся в Москве 12 октября и посвященный предстоящим выборам в Верховный Совет СССР пленум ЦК ВКП(б) еще раз подтвердил теснейшую связь предвыборного процесса с кампанией политических репрессий: он не только рассмотрел в качестве основного вопроса повестки ход подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, но и ввел в состав Политбюро одного из главных застрельщиков и рьяного организатора репрессивных действий – наркома внутренних дел Н. И. Ежова. Хотя накануне и во время работы пленума Сталину удалось нанести удар по своим оппонентам, существенно изменив состав Центрального комитета, радикально поменять ход событий было уже не в его силах. «С надеждой провести альтернативные выборы приходилось окончательно распрощаться. Их просто не позволили бы провести» [4, с. 489] на фоне продолжавшегося нагнетания атмосферы и состоявшегося сплочения номенклатуры («широкого руководства» по Ю. Жукову).

Уже 13 октября «Правда» разместила на своих страницах более десятка материалов коллективного характера (резолуций, отчетов о собраниях рабочих и служащих) и индивидуальных посланий. По крайней мере, в половине из них к теме предстоящих выборов «пристигивались» проклятия в адрес «врагов народа» [11; 13 окт., с. 1–2]. Руководство московской организации ВКП(б) постаралось придать предвыборной кампании характер кампанийщины и рекордомании, благодаря чему формально демократическое действие приобретало черты абсурда и гротеска. От него шла инициатива в Москве и области «обеспечить участие в выборах **всех до единого** [выделено мною. – Авт.] трудящихся избирательных участков района». Так это было сформулировано (наряду с ритуальным «выше поднять революционную бдительность») в резолюции митинга, состоявшегося на автозаводе имени Сталина, по итогам выступления Н. С. Хрущева и секретаря партийного комитета завода Крюнделя [11; 14 окт., с. 1].

В агрессивном стиле соответствующий сегмент партийного руководства страны настраивал агитационно-пропагандистские кадры и местную прессу. Редакция «Правды» внушала работникам «идеологического фронта»: «Агитатор – это боец, который учит массу распознавать врага и вовремя срывать с него маску, который умеет... на месте разоблачить врага, дать отпор враждебным слухам, воспитывает чувство безграничной преданности социалистической родине и ненависть к врагу» [11; 19 июля, с. 1]. Она же на протяжении лета и осени 1937 г. неоднократно ревизировала эффективность борьбы с проявлениями оппозиционности местной периодики, радиосети под лозунгом наведения в них «большевистского порядка». В начале октября секретарям обкомов ВКП(б) было категорически предписано «в течение нескольких дней тщательно проверить и утвердить редакторов и секретарей редакций районных газет, выходивших в центрах избирательных округов [11; 5 окт., с. 1].

Через полторы недели после окончания октябрьского пленума ЦК в стране, начиная с Москвы и Ленинграда, открылась полоса предвыборных совещаний, на которых намечались и обсуждались кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР, а за 50 дней до выборов (они были назначены на 12 декабря) стали формироваться избирательные комиссии из представителей трудовых коллективов и общественности. Идею выдвижения кандидатов на предвыборных совещаниях можно рассматривать и как уловку номенклатуры в борьбе за депутатские мандаты. Совещания гораздо легче поддавались манипулированию и управлению, нежели общие собрания в трудовых коллективах, будучи более узкими по составу участников. Последние теряли уверенность, «почву под ногами», будучи оторванными от своих коллективов, да и местная власть в той или иной мере могла влиять на подбор этих участников.

В конечном счете такая схема позволяла предварить **тайное** голосование избирателей в день выборов за предложенных им кандидатов **открытым** голосованием за этих кандидатов участников предвыборных совещаний. Трюк этот был отнюдь не новым и, по существу, от-

вергался в резолюции по докладу А. А. Жданова на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б). Правда, там речь шла о выборах партийных органов по несколько иному сценарию, но проблема, в сущности своей, воспроизводилась та же самая. Тогда пленум осудил такую практику, при которой списки кандидатов обсуждались лишь «на предварительных совещаниях, советах старейшин, собраниях делегаций», а на пленумах и конференциях голосования проводились списками, без обсуждения и прений, в результате чего выборная процедура превращалась «в пустую формальность» [9; 27 февраля, вечернее заседание, с. 22]. Ту самую формальность, которая закрывала дорогу к альтернативным выборам и в партийной среде, и за ее пределами. Зато предстоящим выборам создавался благоприятный социально-экономический фон: 2 ноября было опубликовано правительственное постановление «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим фабрично-заводской промышленности и транспорта», улучшающее материальное положение значительной категории советских граждан.

Таким образом, ключевым гарантом безальтернативности выборов выступали партийные органы соответствующего уровня и задействованная ими тактика избирательного блока коммунистов и беспартийных. 30 октября «Правда» поместила на видном месте броский призыв: «Коммунисты! Крепите связь с беспартийными массами! **Главное в избирательной кампании** (выделено мною. – Авт.)... действовать сообща с беспартийными и совместно с ними выдвигать кандидатов» [11; 30 окт., с. 3]. Соответствующий опыт был уже наработан в обеих столицах, где 22 октября прошли предвыборные совещания «с участием представителей общих собраний трудовых коллективов, общественных организаций и обществ трудящихся». На этих совещаниях, где, без сомнения, тон задавали партийные функционеры, проходило обсуждение кандидатур избранников в ВС СССР [11; 22 окт., с. 1].

Тот факт, что тезис «не пропустить врагов» в политической жизни страны на этом этапе приобрел особенно накаленный характер, подтверждается и материалами регионального уровня. В Кирове 19–21 октября состоялся пленум областного комитета партии, участники которого заслушали доклад М. Н. Родина на тему «О решениях Октябрьского пленума ЦК ВКП(б)». Щедро используя ставшие уже традиционными риторичку и перечень эпитетов в адрес левой оппозиции (находящаяся внутри Советского Союза фашистская агентура, оголтелые бандиты, убийцы и т. п.), докладчик вновь призвал слушателей не только разоблачить, но и уничтожить «врагов народа» [15, д. 24, л. 1–2].

В этом же докладе довольно откровенно раскрывался выработанный партийными верхами механизм отсекающего от выборного процесса неугодных номенклатуре кандидатов в депутаты, превращения этого процесса в безальтернативное действо. Как было отмечено выше, ключевым звеном его становилось выдвижение на совместных районных совещаниях партийных чиновников с представителями трудовых коллективов общих кандидатов, причем обком партии обязал районные партийные структуры добиться поддержки таковых «общим собранием рабочих и служащих по всем заводам и совхозам района, общим собранием крестьян по всем колхозам и селам района».

Это мероприятие формально обосновывалось заботой о сохранении связи партии с народными массами («Отделение от беспартийных, выступление коммунистических организаций со своими кандидатами только оттолкнуло бы беспартийных от коммунистов», – утверждал Родин), но суть явления раскрывалась продолжением фразы: отсутствие общих кандидатов не только «оттолкнуло бы и отделило беспартийных от коммунистов», но и **«побудило бы их к выставлению конкурирующих кандидатов** (выделено мною. – Авт.), разбilo бы голоса, что на руку только врагам трудящихся» [15, д. 24, л. 4–5]. Приведенный текст, помимо прочего, свидетельствует о том, что существовавшие в тот момент законодательство и соответствующие инструкции формально действительно допускали выдвижение альтернативных кандидатов, но трюк с «блоком коммунистов и беспартийных» нейтрализовывал эту угрозу номенклатурным интересам.

В дополнение к нему в необходимых случаях включался также механизм репрессий, чему способствовала созданная в стране атмосфера. Показателен в этом случае пример с достаточно популярным в Кировской области с времен Гражданской войны членом большевистской партии с 1918 г. Николаем Гурьяновичем Сормахом [30]. В конце лета – начале осени 1937 г. он был исключен из ВКП(б) за попытку самостоятельно выдвинуть свою кандидатуру на выборах в Верховный Совет СССР. В протоколе заседания бюро обкома партии за 8 сентября, где и состоялось данное исключение, эта причина называлась совершенно недвусмыслен-

но. Но при этом утверждалось (впрочем, совершенно голословно), что Сормах в этом деле «опирался на классово-враждебные элементы и содействовал им в развертывании подрывной деятельности против партии». Кроме того, ему в вину ставилось «сокрытие от партии своей принадлежности к троцкистам в период 1923–1924 гг.» [15, д. 34, л. 42].

Следует заметить, что в упомянутый период позицию Л. Д. Троцкого какое-то время разделяло большинство членов партийной организации Вятской губернии [1] и, соответственно, теперь, спустя годы, наклеить ярлык троцкиста было нетрудно на любого из них. Поддержка троцкистской платформы вятскими коммунистами 14 лет назад выражалась главным образом в открытых голосованиях на партийных собраниях и конференциях, поэтому их позиция ни для кого секретом не являлась. Н. Сормах был арестован и репрессирован в 1938 г. Человека, который внес огромный вклад в дело становления, организации и упрочения Советской власти в Вятской губернии, осудили по статье 58-й УК РСФСР и посадили на пять лет за «антисоветскую пропаганду» [14]. Велика вероятность, что это была месть со стороны местных властей именно за его предвыборную инициативу и активность в предшествующем году.

В. П. Журавлев и В. В. Фортунатов в целом одобряют идею выдвижения в каждом избирательном округе одного кандидата как представителя блока коммунистов и беспартийных на том основании, что «членов ВКП(б) в стране к 1937 году было не так уж много. Заполнять все депутатские места в Советах всех уровней было бы совсем не умно» [5]. Приведенная ими аргументация представляется сомнительной. Действительно, не было необходимости заполнять все депутатские места исключительно коммунистами, и даже избирательный блок коммунистов и беспартийных сам по себе не представлял угрозы для советской демократии. Но только в том случае, если бы он не использовался (как это было в реальности) для исключения состязательного начала в выборном процессе. Впрочем, и сами цитируемые авторы признают: «Фактически выборы превращались в плебисцит или референдум. Выборы перестали быть выборами, так как не предоставляли возможности выбора из нескольких кандидатов наилучшего представителя для работы в советах разного уровня» [5].

С самого начала предвыборная кампания приобрела ритуальный характер. На первых совещаниях в Москве и Ленинграде их участники выдвинули кандидатами руководителей партии и страны (Сталина, Молотова, Кагановича и др.) и лишь в виде редких исключений своих сослуживцев – рабочих и служащих. На собраниях в Москве, естественно, не был забыт и Хрущев [11; 23 окт., с. 1]. В Кирове кандидатуры проходили первичное утверждение на бюро обкома партии. Члены бюро на своем заседании 9 ноября 1937 г. предложили оставить свои кандидатуры уже выдвинутым на собраниях в трудовых коллективах М. Н. Родину (по Кировскому городскому избирательному округу), председателю облисполкома С. Г. Пасынкову (Советский и. о.), а также А. И. Птицыну, Г. Ф. Семушиной, Н. П. Шипулину и Ф. А. Кольцову [15, д. 36, л. 32].

10 ноября началась регистрация кандидатов в депутаты Верховного Совета. При этом центр тяжести в деятельности «верхов» сдвинулся на качественный подбор кадров агитпропа, задействованных в выборной кампании доверенных лиц кандидатов и на общее руководство ими (как и средствами массовой информации) со стороны партийных районных комитетов. Их предупредили о том, что все они «без исключения... несут одинаковую ответственность за ход избирательной кампании». Ответственность не снималась и с краевых/областных комитетов ВКП(б) [11; 4 нояб., с. 1].

В целом, на протяжении второй половины 1937 г. в стране была выстроена тщательно продуманная система отбора кандидатов в депутаты органов власти и управления, всех причастных к проведению выборов и контролю за ходом избирательного процесса лиц. Возможно, этим обстоятельством объясняется некоторое снижение накала (по крайней мере, в средствах массовой информации) борьбы с «врагами народа» по мере того, как первые результаты тактики, исключающей состязательность выборного процесса, принесли желаемый результат и внесли некоторое успокоение в номенклатурную среду.

Показательна в этой связи передовица партийного официоза за 15 ноября, где отмечалось: «Сейчас повсеместно закончена регистрация выдвинутых кандидатов в депутаты Верховного Совета». Здесь же присутствовало напоминание о том, что враги «еще будут пытаться всячески пакостить нам в избирательной кампании», но делалось это без азарта, мимоходом, «в рабочем порядке» [11; 15 нояб., с. 1]. С этим текстом перекликалось содержание передовой статьи «Правды» в номере, вышедшем в свет накануне юбилейной, 20-й, годовщины Октября-

ской революции. Хотя ее составители и утверждали, что избирательная кампания «проходит в условиях активизации враждебных элементов», однако и здесь в подтверждение тезиса об «активизации» был приведен лишь один малосодержательный и малоубедительный пример: «В Конотопе... пользуясь беспечностью местной партийной организации подняли голову баптисты» [11; 4 нояб., с. 1].

Разумеется, ситуацию нельзя назвать совершенно однозначной. Так, никак не желало уgomониться руководство столичной партийной организации. 11 ноября было опубликовано обращение (понятно, организованное партийными функционерами) 45-тысячного митинга трудящихся Краснопресненского избирательного округа Москвы к Н. С. Хрущеву, как и прежде, истеричное по тону и содержанию. «Величие наших побед, – говорилось в нем, – с каждым днем вызывает все большую ненависть к нам фашистских разбойников. Они пытались и пытаются отнять у нас завоевания Октябрьской социалистической революции. Пусть помнят фашистские ублюдки – троцкистско-бухаринские шпионы, эти заклятые враги всего трудового человечества, что мы, сплоченные вокруг партии большевиков, великого вождя народа товарища Сталина, будем беспощадно уничтожать всех врагов народа и неуклонно двигаться вперед к победе коммунизма» [11; 11 нояб., с. 3].

Однако это обращение уже несколько диссонировало с наметившейся тенденцией определенного успокоения общественного сознания. Тенденции, которая спустя пару месяцев зримо проявится в решениях январского 1938 г. пленума ЦК ВКП(б) – первой серьезной попытке, если не остановить, то хотя бы притормозить набравший обороты маховик репрессий.

Список литературы

1. Бакулин В. И. Аппарат разладился и разлагается: Ход и итоги борьбы левой оппозиции за внутрипартийную демократию в Вятской губернии (осень 1923 – весна 1924 года) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 96–115.
2. Елисеев А. 1937: Не верьте лжи о сталинских репрессиях! URL: https://www.litres.ru/aleksandr-eliseev/1937-ne-verte-lzhi-o-stalinskih-repressiyah/?track=from_my_books_my.
3. Глумная М. Н. Население Вологодской области в избирательной кампании 1937 года по выборам в Верховный Совет СССР. URL: https://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_30/Glumnaya%20M.N.%20.pdf
4. Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. 510 с.
5. Журавлев В. П., Фортунатов В. В. Избирательное законодательство и выборы в 1937–1987 гг. URL: <http://www.rcoit.ru/lib/history/1918-1990/17084>.
6. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Т. I. От начала до великой победы. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/25436/Kara-Murza_-_Sovetskaya_civilizaciya_t.1.html.
7. Кировская правда. 1937 г.
8. Ключкин В., Болдырев И. Николай Сормах. Киров, 1978. 104 с.
9. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года (23.02.1937–05.03.1937). URL: <http://захаров.net/static/upload/books/file/9975.pdf>.
10. Миронин С. С. Сталинский порядок. М., 2007. 272 с.
11. Правда. 1937 г.
12. Пыхалов И. В. 1937. Как врут о «сталинских репрессиях»: Все было не так. М., 2013. 256 с.
13. Роговин В. З. 1937. Т. 4. Б. и., 1996. URL: <https://history.wikireading.ru/244167>.
14. Fra Евгений. Легенда о шашке знатного большевика Николая Сормаха. URL: <https://tornado-84.livejournal.com/128066.html>.
15. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. П-1290. Оп. 1.
16. Шубин А. В. АнтиТеррор Сталина. М. : Эксмо, 2010. URL: <https://history.wikireading.ru/32547>.

Preparation for the first elections to the Supreme Soviet of the USSR and problem of their alternatives (year 1937)

V. I. Bakulin

Doctor of Historical Sciences, professor.

Russia, Sochi. ORCID: 0000-0002-8648-0011. E-mail: vla20190220@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a very topical problem of studying and taking into account historical experience, which can be useful at the present stage in improving the political and state system of the Russian Federation. This, along with the solution of the problem of clarifying our ideas about the selected period of national history, determines the purpose of the study, the subject of which is covered by the chronological framework of 1937,

the process of preparation, adoption and implementation in the center, including in a particular region of the country, which was the Kirov region, the Provisions on elections to the Supreme Soviet of the USSR.

The article examines step by step how during the preparation of the country for the elections to the Supreme Soviet scheduled for the end of this year in accordance with the Constitution of the Soviet Union adopted a year ago, the formalization of the upcoming, and then the elections began, turning them, in fact, into uncontested; how the democratic process in its original essence emasculated its essence, what tricks took place in this case. The special role of the Moscow party organization headed by N. S. Khrushchev, as well as the editorial office of the Pravda newspaper in fueling tensions in society was noted. The study revealed a close link between all these processes and the campaign of mass repression unleashed in the middle of the year. The policy of the Central government is concretized at the regional level. It is shown that the political behavior of the party authorities of the Kirov region did not differ in essential features from the all-Union mainstream.

The results obtained can be used in teaching and further research.

Keywords: elections in the USSR, repression, the Supreme Council, the nomenclature of the Stalinist Constitution.

References

1. Bakulin V. I. *Apparat razladilsya i razlagaetsya: Hod i itogi bor'by levoj oppozicii za vnutripartijnuyu demokratiyu v Vyatskoj gubernii (osen' 1923 – vesna 1924 goda)* [Apparatus has disintegrated and is decomposing: Course and results of the struggle of the left opposition for intra-party democracy in the Vyatka province (autumn 1923–spring 1924)] // *Novyj istoricheskij vestnik* – New historical herald. 2017. No. 3. Pp. 96–115.
2. Eliseev A. *1937: Ne ver'te lzhi o stalinskih repressiyah!* [1937: do not believe the lies about Stalin's repressions!] Available at: https://www.litres.ru/aleksandr-eliseev/1937-ne-verte-lzhi-o-stalinskih-repressiyah/?track=from_my_books_my.
3. Glumnaya M. N. *Naselenie Vologodskoj oblasti v izbiratel'noj kampanii 1937 goda po vyboram v Verhovnyj Sovet SSSR* [Population of the Vologda region in the election campaign of 1937 for elections to the Supreme Soviet of the USSR]. Available at: [https://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_30/Glumnaya%20M.N.%20\(.pdf](https://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_30/Glumnaya%20M.N.%20(.pdf)
4. Zhukov Yu. N. *Inoj Stalin. Politicheskie reformy v SSSR v 1933–1937 gg.* [The other Stalin. Political reforms in the USSR in 1933–1937]. M. 2003. 510 p.
5. Zhuravlev V. P., Fortunatov V. V. *Izбирatel'noe zakonodatel'stvo i vybory v 1937–1987 gg.* [Electoral legislation and elections in 1937–1987]. Available at: <http://www.rcoit.ru/lib/history/1918-1990/17084>.
6. Kara-Murza S. G. *Sovetskaya civilizaciya. T. I. Ot nachala do velikoj pobedy* [Soviet civilization. Vol. I. From the beginning to the great victory]. Available at: https://www.e-reading.club/bookreader.php/25436/Kara-Murza_-_Sovetskaya_civilizaciya_t.1.html.
7. *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1937.
8. Klyukin V., Boldyrev I. *Nikolaj Sormah* [Nicholay Sormah]. Kirov. 1978. 104 p.
9. *Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma CK VKP(b) 1937 goda (23.02.1937–05.03.1937)* – Materials of the February-March Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) 1937 (23.02.1937–05.03.1937). Available at: <http://захаров.net/static/upload/books/file/9975.pdf>.
10. Mironin S. S. *Stalinskij poryadok* [Stalin's order]. M. 2007. 272 p.
11. Truth. 1937.
12. Pyhalov I. V. *1937. Kak vrut o "stalinskih repressiyah": Vse bylo ne tak* [1937. As lie about "Stalin's repressions": Everything was not so]. M. 2013. 256 p.
13. Rogovin V. Z. *1937. T. 4.* [1937]. Vol. 4. Without ill. 1996. Available at: <https://history.wikireading.ru/244167>.
14. Fra Evgenij. *Legenda o shashke znatnogo bol'shevika Nikolaya Sormaha* [Legend about the sword of a noble Bolshevik Nikolai Sormah]. Available at: <https://tornado-84.livejournal.com/128066.html>.
15. Central state archive of Kirov region. F. P-1290. Inv. 1.
16. Shubin A. V. *AntiTerror Stalina* [Stalin's Anti-Terror]. M. Eksmo. 2010. Available at: <https://history.wikireading.ru/32547>.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 940(4)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.018

Мюнхенский сговор: реакция прессы США

С. О. Буранок¹, М. И. Тулузакова²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения,
Самарский государственный социально-педагогический университет.
Россия, г. Самара. E-mail: witch-king-1@mail.ru

²аспирант кафедры всеобщей истории, права и методики обучения,
Самарский государственный социально-педагогический университет.
Россия, г. Самара. E-mail: tuluz-pearl@rambler.ru

Аннотация. На основе изучения прессы США, Великобритании и Франции в статье представлен анализ того, как американские СМИ воспринимали растущую угрозу со стороны нацистской Германии в 1938 г. и реагировали на результаты конференции в Мюнхене. Отмечается, что материалы американской прессы 1938 г. указывали на главные направления поиска наиболее эффективной стратегии построения отношений как с Германией, так и с СССР. Публикации периодических изданий США демонстрируют устойчивый интерес американской общественности к европейской политике. Анализируя американскую прессу с этой позиции, очень важно определить конкретное содержание каждой из «военных тем», общее настроение редакторов и репортеров в отношении перспектив войны в 1938 г. Делается вывод о том, что возобладавшие в США осенью 1938 г. информационные доминанты существенно искажали представления граждан США об угрозе войны, о реальных фактах нарушения международных договоров Германией, о целях внешней политики нацизма.

Ключевые слова: Мюнхенская конференция 1938 г., политика умиротворения, пресса США, имагология, президент Ф. Д. Рузвельт.

Внешней политике нацистского режима в Германии посвящено большое количество научных работ. В них тщательно исследованы причины агрессивности третьего рейха, его отношения с государствами Европы, Азии и Америки, в первую очередь с США. Тем не менее, вплоть до настоящего времени остаются малоизученными некоторые проблемы. Одной из них является восприятие общественностью западных демократий ключевых событий мировой политики предвоенных лет. Разработка этой проблемы дает возможность прояснить степень осознанности элитами запада, ответственными за формирование массового сознания, «угрозы войны».

Тема исследования – относительно новая для российской исторической имагологии. Она предполагает детализацию образа Германии, утвердившегося в американском обществе накануне войны, а также изучение конкретных практик и методик его формирования в контексте нагнетания алармистских настроений («угроза войны»). Кристаллизация образа врага происходила не сразу. Это был довольно длительный и многомерный процесс, в ходе которого у общественности США актуализировались приоритетные черты восприятия нацизма и Германии.

Исследуемая проблема важна для аналитического осмысления информационных процессов, протекавших в американском социуме, поскольку многие сформировавшиеся в 1938–1939 гг. стереотипы восприятия Германии и нацизма, продолжали функционировать и на следующем историческом этапе – во время Второй Мировой войны, оставаясь важной частью американского общественного сознания, проявляясь, в том числе, в качестве одного из активных элементов социальной мифологии [1, с. 229–259; 2, с. 48–49]. Следовательно, требуется всестороннее изучение особенностей восприятия нацизма в конкретной исторической обстановке межвоенного периода. Тема подразумевает реконструкцию процесса формирова-

ния образа Гитлера, который создавался в США в переломную эпоху. Важно определить, какие новые черты и элементы появились в традиционном образе Германии в США в связи с формированием новой власти, новой идеологии, новой угрозы. С другой стороны – образ нацизма и ощущение угрозы войны в Европе служили для американцев инструментом корректировки собственного образа, своей идентичности и Я-концепции. Германия становилась важным элементом в системе самовосприятия американского общества – через сравнение процессов в Германии и США неизменно доказывалось экономическое, социально-политическое и духовное превосходство Америки и демократии в целом. Уточнение характеристик образа нацизма, сформировавшегося в американской прессе в 1938–1939 гг. важно не только для более точного и глубокого понимания информационных процессов в американском обществе по вопросам внешней политики, но и для осмысления дальнейшей эволюции такой политической метафоры как «угроза война» и ее актуализации в прессе США в различные исторические периоды.

Американская пресса с большим вниманием отнеслась к сентябрьскому кризису 1938 г., особенно к позициям заинтересованных сторон. В частности, «Milwaukee Journal» от 23 сентября 1938 г. писал о миротворческой позиции Великобритании, сопротивленческих настроениях во Франции и агрессивных намерениях Польши и СССР, которые стремятся под предлогом чехословацкого кризиса развязать войну [28, р. 1]. «New York Times» занимала похожую позицию, сконцентрировавшись не на шантаже Гитлера, а на польском ультиматуме и претензиях Польши к Чехословакии [34, р. 3], призывая «...решить проблему на территориях, населенных поляками в том же порядке, как и на территориях с немецким населением» [33, р. 1]. «Pittsburgh Press» от 23 сентября писала, что СССР угрожает Польше разорвать пакт о ненападении [38, р. 3].

Во второй половине сентября 1938 г. пресса США сообщала (со ссылками на газеты Франции), что из-за нового шантажа Гитлера в правительстве Франции оформились «сопротивленцы», «умиротворители», «пацифисты» и сторонники невмешательства. Особенно значимым был конфликт между «умиротворителями» (Ж. Боннэ, П. Маршандо, Ги ля Шамбур, К. Шотан, Г. Помаре) и «сопротивленцами» (П. Рейно, А. Карро, Ж. Мандель, Ж. Зей) [7, р. 1].

Общественные силы США также разделились по очень похожему предпочтениям. Однако в самом начале дискуссии сильное влияние на общественно-политический климат Соединенных Штатов и на характер восприятия угрозы войны оказала позиция Даладье и Чемберлена, которые 19 сентября заявили, что сохранить Чехословакию очень важно, но нельзя следовать лишь за внушениями из Праги, нельзя забывать о военном превосходстве ВВС Германии, нельзя действовать без поддержки Великобритании [49, р. 5–6]. Американские СМИ по этому поводу отмечали, что Франция признает необходимость, даже жизненную важность соблюдения соглашений с чехами, но Даладье своими тезисами фактически свел к нулю все усилия сопротивленцев [9, р. 1].

Газеты США уточняли, что сторонники умиротворения агрессора в правительстве Франции сразу же дополнили идеи Даладье новыми мыслями. Шотан заявил, что «нельзя начинать войну, идя на поводу у Праги» [46, р. 5]; Боннэ, как министр иностранных дел, подчеркивал: «Мы не можем позволить себе быть втянутыми в войну, не проанализировав возможные последствия и без учета состояния наших вооруженных сил» [6, р. 210]; министр авиации Ги ля Шамбр назвал безумием возможное вмешательство в конфликт из-за Судетской области [27, р. 69]. В результате полноценного обсуждения ситуации с Чехословакией в правительстве Франции не получилось: особое мнение «сопротивленцев» учтено не было, и Даладье заговорил о необходимости убедить чехов пойти на уступки Гитлеру [40, р. 39].

Подобная позиция кабинета Даладье и Чемберлена вызвала в общественном мнении США серьезный раскол. Пресса очень четко и рельефно выражала интересы обозначенных выше четырех группировок. Сторонники невмешательства, ссылаясь на французское издание «Action française», выражали мнение об отстраненном наблюдении за чехословацким кризисом [8, р. 1; 5, р. 1]. «Modesto Bee and News-Herald» цитировала риторический вопрос французской «Grigore»: столь ли необходимо французам снова за кого-то умирать, особенно за немцев в Чехии [29, р. 2; 16, р. 1]. Журналисты «Newburgh News» ссылались на «Je suis partout» и не видели в действиях Германии никакой угрозы войны, если только правительство не втянется в чужой конфликт [35, р. 1; 19, р. 1].

Американская пресса отмечала, что «умиротворители» во главе с Ж. Боннэ воздействовали на общественность со страниц «Le republic», убеждая граждан, что урегулировать кри-

зис может не война, а только мир, пусть даже в жертву будет принесена Чехословакия. Обще-европейская стабильность, подчеркивали журналисты «Le republic», намного важнее независимости одной страны [22, р. 1].

Как сообщали периодические издания США, «сопротивленцы» в СМИ и обществе Франции выражали в сентябрьские дни 1938 г. солидарность с представителями Народного фронта и прямо указывали, что идти на очередной шантаж Гитлера – это одобрить фашизацию всей Европы, поставить не на мир, а на новую большую войну. А 17 сентября главная газета коммунистической партии Франции «L'Humanité» вышла с размашистым заголовком, занявшим почти треть всей первой страницы – «За Чехословакию!» [20, р. 1]. «Пацифисты» призывали к миру любой ценой, доказывая, как и сторонники невмешательства, что нет необходимости в данный момент французам умирать за чехов [21, р. 1].

В самые напряженные дни кризиса пресса США создавала следующую картину: Германия выступает с вполне понятными и обоснованными требованиями о защите прав немцев в Чехословакии, но этим желают воспользоваться Польша и Советский Союз, провоцируя в своих интересах, полномасштабную войну в Европе. Причем, газеты США часто писали в сентябре 1938 г., что Сталин использует политику Гитлера для попытки сокрушения «мирового империализма». При таких акцентах полностью изменялись и искажались представления граждан США об истинной угрозе войны, о нарушении международных договоров Германией, о целях внешней политики фашизма.

Перед самым заключением Мюнхенского договора СМИ США, Великобритании, Франции, Канады настойчиво обращали внимание на формируемую ими же «проблему Украины». Так, «Milwaukee Journal» писал, что «Украина – это не часть России, ее население никогда не говорило по-русски, зато Украина дает СССР 80% угля, 60% железной руды, 65% зерна, 95% марганца» [28, р. 2]. У американских читателей создавалось впечатление, что Украина – это угнетаемая колония Советского Союза и ее «освобождение» Польшей и Германией будет логичным и правильным шагом – такие мысли высказывались в американских периодических изданиях на протяжении всего сентября 1938 г.

В этом свете очень важным является пресс-релиз госдепартамента США от 26 сентября, подписанный президентом Рузвельтом. В нем Рузвельт обращался к президенту Чехословакии и канцлеру Германии с призывом к миру и приводил многочисленные аргументы против войны: «Ткань мира на европейском континенте, если не всего мира, в непосредственной опасности. Последствия ее разрыва неисчислимы. Если начнутся военные действия, то прервутся жизни миллионов мужчин, женщин и детей в каждой вовлеченной стране. Несомненно, наступит невообразимый ужас. Экономика стран может быть разрушена. Социальная структура каждого государства может быть полностью разрушена» [41, р. 530]. Это явный намек на возможные выгоды СССР в результате европейской войны, о чем так настойчиво писала американская пресса.

Еще один аргумент Рузвельта: «Очень важно, чтобы все народы вспомнили, что каждое цивилизованное государство в мире добровольно приняло на себя торжественные обязательства пакта Келлога-Бриана 1928 года – решать споры только мирными методами» [37, р. 425]. Это уже не намек, а прямой призыв к Чехословакии прекратить сопротивление и принять ультиматум Германии, а Англии и Франции – не вмешиваться (как раз в СМИ США в период с 24 по 26 сентября появились опасения по поводу мобилизации «западных демократий» [43, р. 1]). Завершался пресс-релиз словами о том, что «во время нынешнего кризиса народ Соединенных Штатов и правительство искренне надеются, что переговоры по корректровке тех противоречий, которые сейчас возникли в Европе, могут достичь успешного завершения» [37, р. 426].

Такая позиция президента, госдепартамента и общественности США облегчила налаживание переговорного процесса и способствовала заключению мюнхенских соглашений, которые были встречены в США с почти полным одобрением. Газеты разместили на передовицах крупные заголовки: «Чешский кризис закончился подписанием четырехстороннего соглашения» [17, р. 1]; «Нацистские требования приняты. Война в Европе предотвращена» [34, р. 1]; «Большая четверка приняла мирный план» [23, р. 1]. И неизменно указывалось, что только Советский Союз выступил против данных соглашений, а это воспринималось общественностью США как доказательство тому, что «СССР против мира». Следует отметить, что в канун подписания «пакта четырех» и британская пресса расценивала подобный политический ход как «чудо, возможно, спасшее Европу» [36, р. 1]. Такой же тон сохранился и в период

с 29 по 30 сентября 1938 г.: «Manchester Guardian», «Times» и «North Devon Journal» называли переговоры Италии, Франции, Великобритании и Германии «чудом, которое может предотвратить катастрофу в последнюю минуту» [25, р. 1; 42, р. 1; 36, р. 1].

Американские карикатуристы отреагировали на Мюнхен в более резких и эмоциональных тонах, чем пресса в целом. В карикатурах можно встретить как мотивы одобрения мюнхенского сговора, так и его критики. Так, в «Pittsburgh Press» 29 сентября опубликован рисунок «Невинные наблюдатели», на котором Даладье, Чемберлен, Гитлер и Муссолини изображены перед тенями простых граждан, рабочих, солдат, стариков и детей [39, р. 6]. Лица политиков обращены к Чемберлену, который протягивает Гитлеру бумаги. «Наблюдатели» с огромным вниманием и почтением следят за переговорами. Так формировался образ судьбоносной конференции, от которой зависели мир и безопасность простых людей. Карикатура подчеркивала настроения части английского и американского общества – «мир любой ценой».

Другая, очень похожая по смыслу карикатура в «The News-Sentinel» от 30 сентября 1938 г.: на переднем плане изображены немецкий и чехословацкий солдаты, готовые вступить в бой. А за ними огромная улыбающаяся фигура «Мировой войны» с распростертыми объятиями, перед которой нищая старуха, символизирующая послевоенных политиков, отдает последние деньги. Так образно в «The News-Sentinel» подчеркивали не только бесперспективность войны, но и называли виновных – Гитлера и Чехословакию, упорствовавших в своем нежелании достичь согласия.

Советский фактор в карикатуристике также появлялся. Дэвид Лоу поместил на центральный план карикатуры Сталина, приходящего на Мюнхенский саммит с вопросом: «А что, для меня места нет?». Здесь показательными являлись лица заседающих: Даладье и Чемберлен удивленно смотрят на Сталина, тогда как Гитлер и Муссолини надменно отвернулись и закрыли глаза (причем под стулом Гитлера уже лежит «Пакт 4-х»). Этим подчеркивалось не только единство Европейских держав, но и опасность неожиданного советского вмешательства.

Как видно, карикатуры, одобряющие мюнхенский договор, делали акцент на тех же аргументах, что и текстуальные СМИ: важность европейского мира и единства, страх перед ужасами войны, боязнь «красной угрозы». Например, известный художник Доктор Сьюз опубликовал в октябре 1938 г. карикатуру, где маленький улыбающийся миротворец (с леденцами в руках) окружен выплывающими из моря огромными змеями с нацистской символикой. На рисунке приведены его слова: «Запомните, еще одна конфетка и вы идете домой». Только конфет у него всего четыре, а змей вокруг – пятнадцать. Другая карикатура Сьюза изображает американских граждан, выстроившихся в очередь за страусиными шеями (когда уже большая часть общества данные шеи получила и спрятала голову в песок). Подпись: «Страусиная шея. Лекарство от головной боли из-за Гитлера. Забудьте плохие новости». Данный рисунок был направлен на критику политики изоляционизма, которую Сьюз считал неприемлемой.

Это отражает ситуацию в обществе: стремление отгородиться не только от войны, но и от военных новостей. Однако руководство США уже делало шаги по подготовке страны к новой мировой войне. В 1938 г. в Конгрессе (и в обществе США в целом) проходили ожесточенные дебаты по поводу программы усиления армии и флота, которую предложил президент Рузвельт. Она носила ярко выраженный антияпонский характер, и с этого времени главным источником стабильности и безопасности мира в США воспринималась Япония. Это отмечает в своем письме и К. А. Уманский: республиканцы в Конгрессе могут выступать с антияпонскими речами, но поддерживают мюнхенские соглашения, а ведущие послы США в европейских странах их полностью одобряют.

В 1938–1939 г., когда ситуация в Европе стала кризисной, Рузвельт сильно сомневается в успехе политики умиротворения [2, с. 12–13, 51–52]. Старые стратегические расчеты уже не вписывались в изменение геополитической ситуации в Старом Свете, поэтому был разработан комплекс планов на случай войны США и стран «оси». Он получил название «Радуга». Разработка планов такого рода началась в 1938 г. Предполагалось, что теперь, после заключения Тройственного союза, война будет не только с Японией, но и с Германией и Италией. Всего было создано пять вариантов «Радуги» [30, р. 926; 31, р. 985].

Самый первый, «Радуга-1», был утвержден 30 июня 1939 г. на совещании начальников штабов армии и военно-морских сил. Суть плана – оборона Западного полушария, а «в Тихом океане – оборона треугольника Аляска – Гавайи – Панама до тех пор, пока не будут созданы

условия для наступления на Японию» [26, р. 6]. В этом варианте инициатива отдавалась Японии, причем как в открытии военных действий, так и в их ведении. Фраза «пока не будут созданы условия для наступления» означает удержание Филиппин до прибытия подкреплений с Тихоокеанским флотом. План «Радуга-2» предполагал выполнение задач первоначальной версии, а также устанавливал, что «США не принимают активных действий на европейском континенте», поскольку их главный вклад в общие усилия будет состоять «в охране интересов демократических держав на Тихом океане» [30, р. 930]. Оборонные действия не планировались ни на одном из океанов. Контроль над Атлантикой закреплялся за англо-французскими ВМС, тогда как американские могли полностью сосредоточиться на наступлении в Тихом океане. По плану «Радуга-3» предполагалось решить те же задачи, что и в первом варианте, но (вместо стратегической обороны против Японии) армия и флот США должны были сразу наступать. При этом, как и в «Радуге-1», подразумевалось, что США вступят в войну с Японией без союзников. Главные усилия, естественно, отводились борьбе на Тихоокеанском театре военных действий. В «Радуге-4» планировалась оборона на Тихом океане и отправка воинского контингента в станы Южной Америки. Флот США должен был осуществлять господство в обоих океанах. Согласно «Радуге-5» Соединенные Штаты должны были вступить в войну в союзе с Великобританией и Францией. На Тихом океане США предстояло перейти к долгосрочной стратегической обороне, а главным противником признавалась Германия. Переход к активным действиям против Японии американские стратеги считали целесообразным только после достижения победы на европейском континенте [30, р. 942]. Так был сформулирован важнейший стратегический принцип: «Германия – прежде всего».

Можно заключить, что в конце 1938 г. в вопросе об угрозе войны американское общество различало угрозу со стороны Японии и угрозу со стороны Германии и Италии, но сохранялась вера, что каждую из указанных опасностей удастся скорректировать и направить агрессию в направлении СССР. И в этом свете Мюнхен выглядел в прессе США реальным шагом спасения ситуации в Европе. Однако уже в октябре 1938 г. в американском обществе четко формулируется вопрос: предотвратили ли мюнхенские соглашения войну или же сделали ее неизбежной? Ответы на этот вопрос существенно зависели от информационной ситуации в Великобритании. Позиция редакций многих периодических изданий США и политических обозревателей сводилась к тому, что решение проблемы угрозы войны находилось в сфере компетенций политиков Великобритании и Германии. Материалы британской прессы по этому поводу демонстрировали разброс мнений. В частности, в «Derby Daily Telegraph» доказывалось, что Мюнхен нанес серьезный удар по тоталитаризму, уничтожив угрозу в самый момент зарождения [12, р. 5; 13, р. 3]. С этим была солидарна и газета «Western Morning News» (Девон), указывая, что после Мюнхена налачился переговорный процесс в Европе [45, р. 2; 46, р. 4; 47, р. 1]. А «Cornishman» (Корнуэлл) в доказательство победы западных демократий в Мюнхене приводила материалы французской прессы [11, р. 2].

Пресса США активно приводила эти мнения и добавляла к ним своих авторитетных авторов. В «New York Times», например, 10 октября 1938 г. было опубликовано заявление епископа Уильяма Мэннинга с призывом молиться за мир, который принес Мюнхен [32, р. 1]. Редакторы «Lowell Sun» также выразили надежду на длительный мир, который последует за соглашением [24, р. 3]. Однако большинство американских периодических изданий к середине октября 1938 г. прямо ставили вопрос о нежизнеспособности достигнутых в Мюнхене договоренностей. Причем, для доказательства такого взгляда «Chicago Daily Tribune» привлекала многочисленные свидетельства, позаимствованные также из британской и французской прессы [10, р. 1].

Другая часть периодических изданий сконцентрировалась на проблеме ратификации соглашений в английском парламенте и, самое главное, на аргументах оппозиции Чемберлена. «Aberdeen Journal» от 4 октября 1938 г. писала, что «позиция премьера в вопросе о политике в области мира в Европе была подвергнута критике. Дебаты в Палате общин о Мюнхенском пакте вылились не столько в столкновение мнений ... , сколько в подробный анализ принципов и фактов соглашения, проведенный оппозицией» [1, р. 2]. «Western Morning News» употребляет выражение «чудо в Мюнхене», но исключительно в кавычках, доказывая, что это чудо только для Гитлера и означает капитуляцию стран Запада перед угрозой войны [42, р. 4].

С середины октября по декабрь 1938 г. американская пресса (как и британская) характеризовала мюнхенские соглашения уже в пессимистическом тоне. Сделка с Гитлером сейчас расценивалась журналистами как капитуляция перед агрессором и важнейший шаг на пути к

новой общеевропейской войне [44, р. 2; 48, р. 3; 13, р. 1]. «Hull Daily Mail» на первой полосе охарактеризовала договор как «поворотный пункт в европейской истории, но не к миру, а к новой гонке вооружения и агрессии» [18, р. 1], а газета «Western Morning News» в большой статье «Цена Мюнхена» подвергла всесторонней критике политику умиротворения Чемберлена и подробно остановилась на нарушениях Гитлером данного договора [47, р. 5].

Материалы прессы показывают, что критическая часть общественно-политических сил США считала, что «мюнхенская сделка» не только ослабляла всю систему безопасности в Центральной и Восточной Европе, но и наносила существенный удар по безопасности Англии и Франции [15, р. 1]. Некоторые издания (например, газета «Dundee Courier») намекали, что подобное соглашение, идущее в разрез с политикой Великобритании на континенте и прямо противоположное интересам Франции, заключено потому, что Мюнхен позволит направить Гитлера не против «демократий Запада», а на «освобождение» Украины [14, р. 1].

В период судетского кризиса и Мюнхенской конференции 1938 г. в большинстве периодических изданий США последовательно проводилась линия, согласно которой Германия выступала с вполне понятными и обоснованными требованиями защиты прав немцев в Чехословакии. Отмечалось, что возникшей кризисной ситуацией пытались воспользоваться Польша и Советский Союз, провоцируя в своих интересах полномасштабную войну в Европе. Причем, в сентябре 1938 г. газеты США часто писали, что Сталин использует политику Гитлера для подрыва «мирового империализма». Расставленные таким образом информационные доминанты существенно искажали представления граждан США об угрозе войны, о реальных фактах нарушения международных договоров Германией, о целях внешней политики нацизма.

Список литературы

1. Юнгблуд В. Т., Ильин Д. В. Развитие законодательства о ленд-лизе в контексте восприятия СССР западными законодателями // Американский ежегодник. 2013. № 2013. С. 229–259.
2. Юнгблуд В. Т. Официальный Вашингтон, пресса и общественное мнение США о «великом сопротивлении» 1941 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4–1. С. 48–52.
3. Юнгблуд В. Т. Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб. : Образование, 1996. 222 с.
4. Aberdeen Journal. 1938.10.04.
5. Action française. 1938.09.19.
6. Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War 1936–1939. London, 1977.
7. Amarillo Globe. 18.09.1938.
8. Capital Times. 1938.09.19.
9. Charleston Daily Mail. 19.09.1938.
10. Chicago Daily Tribune. 1938. 10.13.
11. Cornishman. 1938.10.6.
12. Derby Daily Telegraph. 1938.10.20.
13. Derby Daily Telegraph. 1938.11.18.
14. Dundee Courier. 1938.10.20.
15. Gloucester Citizen. 1938.10.20.
16. Grigore. 1938.09.15.
17. Herald-Journal. 30.09.1938.
18. Hull Daily Mail. 1938.09.30.
19. Je suis partout. 1938.09.15.
20. L'Humanité. 1938.09.17.
21. Le populaire du centre. 1938.09.17.
22. Le republic. 1938.09.19.
23. Lewiston Daily Sun. 30.09.1938.
24. Lowell Sun. 1938.10.10.
25. Manchester Guardian. 1938.09.29.
26. Matloff M., Snell E. Strategic Planning for Coalition Warfare 1941–1942. Washington, 1990.
27. Michel de Ladoucette. Guy La Chambre: un Malouin illustre, homme de cœur et de devoir, Dieppe, La Vigie, 1979.
28. Milwaukee Journal. 23.09.1938.
29. Modesto Bee and News-Herald. 1938.09.15.
30. Navy Court of Inquiry Proceedings // Pearl Harbor Attack. Pt., 33. Washington, 1946. P. 926–980.
31. Report of Navy Court of Inquiry Proceedings // Pearl Harbor Attack. Pt., 33. Washington, 1946. P. 980–985.
32. New York Times. 1938.10.10.

33. New York Times. 23.09.1938.
34. New York Times. 24.09.1938.
35. Newburgh News. 1938.09.15.
36. North Devon Journal. 1938.09.29.
37. Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941. Washington, 1983. P. 426.
38. Pittsburgh Press. 23.09.1938.
39. Pittsburgh Press. 29.09.1938.
40. Shirer W. The Collapse Of The Third Republic: An Inquiry into the Fall of France in 1940. Chicago, 1969.
41. The public papers and addresses of Franklin D. Roosevelt. New York, 1941.
42. Times. 1938.09.30.
43. Washington Times-Herald. 24.09.1938.
44. Western Gazette. 1938.10.07.
45. Western Morning News. 1938.10.04.
46. Western Morning News. 1938.11.20.
47. Western Morning News. 1938.12.27.
48. Western Times. 1938.10.07.
49. Zay J. Carnets secrets. Paris, 1942.

Munich agreement: the reaction of the US media

S. O. Buranok¹, M. I. Tuluzakova²

¹Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of general history, law and teaching methods, Samara State Socio-Pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: witch-king-1@mail.ru

²postgraduate student of the Department of universal history, law and teaching methods, Samara State Socio-Pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: tuluz-pearl@rambler.ru

Abstract. Based on the study of the US, UK and French press, the article presents an analysis of how the American media perceived the growing threat from Nazi Germany in 1938 and reacted to the results of the conference in Munich. It is noted that the materials of the American press in 1938 pointed to the main directions of the search for the most effective strategy for building relations with both Germany and the USSR. The publications of us periodicals demonstrate the sustained interest of the American public in European politics. Analyzing the American press from this position, it is very important to determine the specific content of each of the "military order", the general mood of the editors and reporters about prospects for war in 1938. It was concluded that dominant information prevailing in the United States in the autumn of 1938 significantly distorted view of US citizens about the threat of war, about the real facts of violation of treaties by Germany, the foreign policy objectives of Nazism.

Keywords: Munich conference 1938, appeasement policy, USA press, imagology, President F. D. Roosevelt.

References

1. Yungblud V. T., Il'in D. V. Razvitie zakonodatel'stva o lend-lize v kontekste vospriyatiya SSSR zapadnymi zakonodatelyami [Development of the law on lend-lease in the context of the perception of the Soviet Union by Western legislators] // *Amerikanskij ezhegodnik* – American Yearbook. 2013. No. 2013. Pp. 229–259.
2. Yungblud V. T. *Oficial'nyj Vashington, pressa i obshchestvennoe mnenie SShA o "velikom soprotivlenii" 1941 g.* [Official Washington, the press and public opinion of the USA about the "great resistance" of 1941] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanitarian University. 2010. No. 4–1. Pp. 48–52.
3. Yungblud V. T. *Era Ruzvel'ta: diplomaty i diplomatiya* [Roosevelt Era: diplomats and diplomacy]. SPb. Prosveshcheniye. 1996. 222 p.
4. Aberdeen Journal. 1938.10.04.
5. Action française. 1938.09.19.
6. Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War 1936–1939. London, 1977.
7. Amarillo Globe. 18.09.1938.
8. Capital Times. 1938.09.19.
9. Charleston Daily Mail. 19.09.1938.
10. Chicago Daily Tribune. 1938. 10.13.
11. Cornishman. 1938.10.6.
12. Derby Daily Telegraph. 1938.10.20.
13. Derby Daily Telegraph. 1938.11.18.
14. Dundee Courier. 1938.10.20.

15. Gloucester Citizen. 1938.10.20.
16. Grigore. 1938.09.15.
17. Herald-Journal. 30.09.1938.
18. Hull Daily Mail. 1938.09.30.
19. Je suis partout. 1938.09.15.
20. L'Humanité. 1938.09.17.
21. Le populaire du centre. 1938.09.17.
22. Le republic. 1938.09.19.
23. Lewiston Daily Sun. 30.09.1938.
24. Lowell Sun. 1938.10.10.
25. Manchester Guardian. 1938.09.29.
26. Matloff M., Snell E. Strategic Planning for Coalition Warfare 1941–1942. Washington, 1990.
27. Michel de Ladoucette. Guy La Chambre: un Malouin illustre, homme de cœur et de devoir, Dieppe, La Vigie, 1979.
28. Milwaukee Journal. 23.09.1938.
29. Modesto Bee and News-Herald. 1938.09.15.
30. Navy Court of Inquiry Proceedings // Pearl Harbor Attack. Pt., 33. Washington, 1946. Pp. 926–980.
31. Report of Navy Court of Inquiry Proceedings // Pearl Harbor Attack. Pt., 33. Washington, 1946. Pp. 980–985.
32. New York Times. 1938.10.10.
33. New York Times. 23.09.1938.
34. New York Times. 24.09.1938.
35. Newburgh News. 1938.09.15.
36. North Devon Journal. 1938.09.29.
37. Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941. Washington, 1983. P. 426.
38. Pittsburgh Press. 23.09.1938.
39. Pittsburgh Press. 29.09.1938.
40. Shirer W. The Collapse Of The Third Republic: An Inquiry into the Fall of France in 1940. Chicago, 1969.
41. The public papers and addresses of Franklin D. Roosevelt. New York, 1941.
42. Times. 1938.09.30.
43. Washington Times-Herald. 24.09.1938.
44. Western Gazette. 1938.10.07.
45. Western Morning News. 1938.10.04.
46. Western Morning News. 1938.11.20.
47. Western Morning News. 1938.12.27.
48. Western Times. 1938.10.07.
49. Zay J. Carnets secrets. Paris, 1942.

УДК 940(4)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.019

История одного заседания: тактика США по срыву корейской фазы Женевской конференции 1954 г.*

Д. А. Садаков

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4308-7276. E-mail: rstk2005@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории политики США в отношении Кореи по окончании Корейской войны 1950–1953 г. Соглашение о перемирии, положившее конец войне, было подписано 27 июля 1953 г. Оно вверяло решение вопросов о будущем корейской государственности и возможном объединении страны международной политической конференции. Решение о проведении ее в Женеве было принято на Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав 1954 г. Для коммунистов данный форум являлся одной из площадок широкой кампании в пользу завершения холодной войны и легитимизации Китайской народной республики в качестве одной из великих держав. Эти факторы обусловили готовность Москвы и Пекина к определенным компромиссам по корейскому вопросу. В то же время в США со скепсисом относились к перспективам восстановления единства Кореи и предложениям стран социалистического лагеря. В итоге в ходе конференции американской делегацией была разработана и применена на практике эффективная тактика, которая с одной стороны привела к прекращению переговоров, а с другой позволила возложить ответственность за провал мероприятия на коммунистов. Сегодня США продолжают использовать сходные подходы к процессу выхода из невыгодных для себя переговоров и демонстрации мнимой недоговороспособности оппонентов Вашингтона мировому общественному мнению.

Ключевые слова: Республика Корея, КНДР, США, СССР, КНР, Женевская конференция 1954 г., Франция, Великобритания, Корейская война.

Громогласные заявления руководства США о стремлении к миру и восстановлению территориального единства страны по сей день являются важным элементом политического процесса вокруг корейской проблемы. Однако как сейчас, так и ранее реальная политика нередко входит в противоречие с этими декларациями. Именно это было одной из причин провала Женевской конференции 1954 г., созыв которой был предусмотрен условиями перемирия в Корейской войне 1950–1953 гг. Это международное мероприятие являлось одним из последних шансов повернуть развитие истории Кореи в альтернативное бесконечному балансированию на грани войны и мира русло. Инициатором срыва переговоров о Корее на этом форуме была делегация США¹. Интерес представляет тактика, которую использовали американцы для того, чтобы, с одной стороны, сохранить свое лицо, а с другой – прекратить поддерживаемый международным общественным мнением диалог о судьбе истерзанной войной страны.

Цель настоящей статьи – проследить специфику данной тактики и сценарий реагирования на непредвиденные события по ходу ее применения на примере завершившего корейскую фазу Женевской конференции заседания 15 июня 1954 г.

В отечественной и зарубежной историографии данная тема затрагивалась как в общих работах, посвященных истории внешней политики США, так и в публикациях о Женевской конференции 1954 г. [1; 2; 3; 7; 8; 9; 10; 13; 14; 17; etc.]. В то же время американская тактика завершения корейской фазы данного мероприятия не служила темой для специального исследования.

Источниковой базой работы послужили документы дипломатических ведомств США и КНР, доступные в Национальных архивах США, электронном архиве Центра Вильсона, серии Foreign Relations of the United States [11; 12; 19; 20].

Соглашение о перемирии в Корейской войне было подписано 27 июля 1953 г. Оно предусматривало прекращение огня и создание демилитаризованной зоны вдоль линии соприкосновения войск ООН с силами коммунистов. Вопрос восстановления единства страны должен был

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).

© Садаков Д. А., 2019

¹ Характерно, что США играли схожую роль и на более ранних этапах процесса определения судьбы Корейского полуострова в 1940–1950-х гг. См. подробнее: [6].

рассматриваться на следующем этапе урегулирования в ходе международной политической конференции. Первая попытка достичь соглашения о конкретных параметрах этого мероприятия была предпринята в ходе переговоров американцев с коммунистами в конце 1953 г., однако диалог быстро зашел в тупик. В итоге решение о проведении политической конференции с целью урегулирования конфликта с участием представителей США, Франции, Великобритании, СССР, КНР и обеих Корей было принято на Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав в январе-феврале 1954 г. Попытка договориться была предпринята в рамках большой советской кампании в пользу завершения холодной войны [4]. По сути, решение открыть конференцию 26 апреля 1954 г. в Женеве стало результатом советского стремления ввести КНР в круг великих держав и сформировать альтернативную систему коллективной безопасности, а также желания США воспрепятствовать осуществлению советских намерений, французских надежд использовать «корейский фон» для того, чтобы выпутаться из сложной ситуации в Индокитае, и британских попыток защитить в процессе этого этапа дальневосточного урегулирования собственные интересы в этом регионе.

Ход конференции быстро продемонстрировал всю шаткость подобного основания. Коммунисты были готовы к работе над взаимоприемлемым компромиссом, однако их главной целью оставалась легитимизация КНР в качестве одной из великих держав – для китайских коммунистов Женевская конференция была первым крупным международным мероприятием, в котором они принимали участие. Американцы, в свою очередь, разрывались между пожеланиями стремившихся к компромиссу союзников США по коалиции ООН и непримиримой, воинственной позицией президента Республики Корея Ли Сын Мана². В итоге американцами было подготовлено сразу три плана урегулирования, каждый из которых, впрочем, предусматривал ведущую роль ООН в этом процессе. ООН, которая являлась одной из сторон конфликта в Корее. Предлагаемая в качестве значительной уступки нейтрализация страны должна была стать, по сути, номинальной и воспринималась в Москве и Пекине как путь к созданию враждебного им государства [1].

Уже в начале мая в отсутствие возможности предложить на пленарных заседаниях позитивную программу из-за разногласий с южнокорейскими властями американцы были вынуждены избрать тактику критики предложений коммунистов. Американцы быстро утвердились во мнении, что в сложившихся условиях достижение согласия с коммунистами на нужных им условиях нереалистично [12, р. 300] и стали рассматривать Женевскую конференцию, в первую очередь, как пропагандистскую площадку. Также США удалось добиться и поддержки со стороны своих союзников, которые признали, что новые предложения коммунистов выглядят привлекательными, но не решают фундаментальных вопросов и могут лишь запутать мировое общественное мнение [12, р. 357–358]. К началу июня коалиции ООН оставалось лишь определиться с тактикой прекращения переговоров с коммунистами [15].

Американцы ожидали, что их оппоненты не пойдут на разрыв по обоюдному согласию, а будут вести переговоры до последнего, стремясь оказать влияние на общественное мнение стран-членов коалиции ООН. 10 июня глава делегации США в Женеве У. Смит предложил Госдепартаменту прекратить совещания с коммунистами и направить министру иностранных дел СССР В. М. Молотову меморандум от имени США, Великобритании и Франции с заявлением о бессмысленности дальнейших переговоров без признания СССР, КНР и КНДР роли ООН и при отсутствии согласованной позиции участников конференции в отношении принципов проведения свободных выборов в Корее. Проект подобного документа был подготовлен к 12 июня. Письмо Молотову планировалось дополнить совместной декларацией шестнадцати стран-членов коалиции ООН схожего содержания [12, р. 360; 369]. 14 июня госсекретарь США Дж. Ф. Даллес сообщил о своей согласии с этим планом [12, р. 374].

В тот же день В. М. Молотов обратился к своему британскому коллеге Э. Идену с предложением провести новое пленарное заседание, но это не повредило планам американцев. Сам британский министр предложил дать коммунистам выговориться, а затем в двух-трех коротких выступлениях представителей стран-членов коалиции ООН разоблачить их и продемонстрировать всему миру, что позиция СССР, КНР и КНДР по факту не претерпела изменений [12, р. 371].

До коммунистов дошла информация о планах американцев, подготовленных для заседания, которое должно было состояться 15 июня. Представители СССР, КНР и КНДР понима-

² О способах США совладать с непримиримостью Ли Сын Мана в годы Корейской войны см. подробнее: [5].

ли, что им будет сложно предотвратить саботаж конференции. Коммунисты уже не рассчитывали, что американцы примут даже самое умеренное предложение, однако именно эта умеренность должна была максимально затруднить реализацию планов США [18].

Первым выступающим на последнем заседании конференции был министр иностранных дел КНДР Нам Ир, который внес принципиально новое предложение. Шесть пунктов северокорейского министра были нацелены уже не на объединение страны, а на сохранение условий для поддержания мира на полуострове. В частности, Нам Ир предлагал осуществить вывод всех иностранных войск, сократить КНА и армию Республики Корея до 100 000 человек, разорвать любые содержащие военные обязательства договоры между корейскими государствами и иностранными державами. Одновременно следовало всячески укреплять экономические и культурные связи между Севером и Югом, а также создать специальную комиссию из представителей обеих стран, которая бы способствовала реализации вышеуказанных планов. Молотов и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай поддержали выступление северокорейского коллеги [12, р. 376–377].

Также советский министр внес на рассмотрение проект совместного заявления стран-участников конференции в Женеве, гласящего, что вплоть до создания единого и независимого корейского государства ни КНДР, ни Республика Корея, ни какая-либо третья сторона не должны предпринимать никаких действий, способных представлять угрозу миру на полуострове [12, р. 378].

Предложение Молотова застало американцев и их союзников врасплох, пленарное заседание было прервано на час, который был использован для срочного совещания членов коалиции ООН. На нем было решено не дожидаться окончания конференции и прямо на заседании зачитать декларацию шестнадцати. Также Смит был вынужден пресечь все попытки поддержать заявление Молотова, заявив, что соглашение о перемирии выступает достаточным гарантом для сохранения мира на полуострове [12, р. 379].

Вернувшись на заседание, представители стран-членов коалиции ООН стали следовать новому плану. Делегаты из Австралии, Бельгии и Филиппин разоблачили попытки коммунистов «ввести в заблуждение общественное мнение» и заявили о фундаментальном несогласии с их попытками провозгласить ООН воюющей стороной. «Мы хотим единую Корею, но не ценой уничтожения ООН», – заявил филиппинец К. Гарсия [12, р. 379]. Наконец, министр иностранных дел Таиланда принц Ван Вайтайакон зачитал заранее подготовленную декларацию шестнадцати членов коалиции ООН, в которой подтверждалась приверженность принципам легитимности ООН и необходимости проведения выборов под наблюдением этой международной организации. В документе говорилось о том, что «лучше признать разногласия, чем провоцировать появление ложных надежд и вводить людей всего мира в заблуждение», а потому «неохотно и с сожалением» признавалось, что пока коммунисты не согласятся на эти два условия, продолжение обсуждения корейского вопроса на конференции представляется нецелесообразным [12, р. 385–386].

В ответ Молотов обвинил коалицию ООН в попытке использовать конференцию для расширения власти Ли Сын Мана на всю Корею и прекращения переговоров после провала этого плана. Чжоу Эньлай, в свою очередь, выразил сожаления, что по итогам переговоров не удалось принять даже декларации об общих намерениях, и озвучил программу-минимум: выступить с заявлением о продолжении усилий по восстановлению единства Кореи, причем о времени и месте новых переговоров предлагалось договориться позднее [12, р. 381].

События снова стали развиваться не по плану американцев. Как сообщал затем в Вашингтон Смит, делегат Бельгии П.-А. Спаак «заглотил наживку Чжоу», ввязался в дискуссию, и в конечном итоге выразил фактическое согласие с предложением продолжить поиск варианта урегулирования впоследствии. Занимавший место председателя Иден, наблюдая подобное развитие событий, к неудовольствию американцев, фактически согласился со Спааком и продолжил диалог вопросом к остальным делегатам, можно ли считать, что китайское предложение выражает дух конференции. Американцы внезапно оказались перед лицом ситуации, при которой они являлись единственной делегацией, которая выступала против финальной резолюции по корейскому вопросу, предусматривающей создание профильного международного органа за рамками ООН с участием КНР [18; 12, р. 393–385, 389].

Смиту пришлось немедленно взять слово и заявить, что конференция не может взять на себя ответственность за решение корейского вопроса на постоянной основе, поскольку не является постоянно действующим органом, а в декларации шестнадцати прямо говорится о

двух условиях продолжения диалога с коммунистами на эту тему. Слова Смита поддержал министр иностранных дел Австралии Р. Кейси. На следующий день глава американской делегации сообщал в Вашингтон, что австралийца нельзя назвать самым выдающимся государственным деятелем современности, однако он грамотно в последнюю минуту закрыл собой брешь, вызванную ошибкой Идена. В итоге британский министр все же проявил изобретательность и заявил, что из-за того, что конференция не утвердила согласованную процедуру голосования, нет ни малейшей возможности достичь общего согласия ни по одному из озвученных предложений. Коммунисты постарались извлечь максимум из тактической ошибки Спаака и отразить в документах конференции его согласие на предложение КНР, однако союзники США быстро пошли на попятную и заявили о необходимости продолжения переговоров, но в рамках процедур ООН. В заключение Иден констатировал наличие непреодолимых разногласий и выразил надежду, что однажды придет день, когда «общая задача» будет выполнена и стороны придут к приемлемому для каждого участника переговоров решению [12, р. 383–385, 389].

11 ноября 1954 г. представители пятнадцати стран-членов коалиции ООН отчитались перед Генеральной Ассамблеей за исполнение условий соглашения о перемирии от 27 июля 1953 г. и Резолюции ГА ООН № 711 от 28 августа 1953 г. о переговорах в Женеве. Отчет США и их союзников был основан на завершившей корейскую фазу конференции декларации шестнадцати стран. После этого Ассамблее был представлен проект резолюции, одобряющий этот документ. Попытка британской делегации поддержать более нейтральный индийский проект резолюции, в котором отчет членов коалиции ООН упоминался лишь в преамбуле, провалилась. Результаты голосования Генеральной Ассамблеи за американский вариант резолюции, которое состоялось 15 декабря 1954 г., подтвердили опасения коммунистов о перспективах участия ООН в судьбе Кореи – при 50 голосах «за» против выступили лишь СССР, БССР, УССР, Польша и Чехословакия. Воздержались представители Бирмы, Индии, Индонезии и Сирии [11, р. 1928–1929].

Таким образом, коммунисты не сумели найти эффективного противовеса уловкам американской дипломатии и, несмотря на свою «договороспособность», не сумели извлечь значительных пропагандистских выгод из отчаянного американского противодействия попыткам достичь любого соглашения по корейской проблеме. Особенно неприятными итоги корейской фазы стали для КНР. Иден, встретившийся с Чжоу Эньлаем на следующий день после завершения переговоров, отмечал, что китаец выглядел потрясенным подобным исходом. Отказ от принятия максимально обтекаемой китайской финальной резолюции, с точки зрения последнего, закрывал дверь перед любой возможностью продолжения участия КНР в обсуждении корейского вопроса. 18 июня на встрече с Молотовым Смит был вынужден обратить внимание коммунистов на то, что действия США не направлены на исключение Китая из переговорного процесса, поскольку в Корейском конфликте КНР являлась воюющей стороной и, «по практическим соображениям, должна являться участником урегулирования» [12, р. 390, 393; 16].

Американцы, в свою очередь, сумели разработать и применить на практике эффективную тактику, которая позволила им выйти из сложного положения без репутационных потерь. Ее специфика заключалась в поддержании единства в лагере шестнадцати стран-членов коалиции ООН и умелом использовании существовавшего в нем недоверия к инициативам коммунистических стран. В ходе заседания 15 июня американцы постоянно «держали руку на пульсе» процесса переговоров и своевременно направляли своих союзников в нужную сторону. Итоговая «Декларация шестнадцати» и дальнейшая деятельность США в ООН продемонстрировали монолитность мнения стран «свободного мира» по проблеме и обнулили все усилия коммунистов по поиску компромиссного решения. Сегодня, в эпоху информационных войн, сходная тактика продолжает использоваться американцами, в том числе в отношении не теряющего свою актуальность вопроса о Корее. Все это позволило США по окончании корейской фазы Женевской конференции 1954 г. продолжить работу по включению подконтрольной им части Корейского полуострова в Тихоокеанскую систему безопасности США на своих условиях.

Список литературы

1. Волохова А. А. Переговоры о перемирии в Корее (1951–1953 гг.) (по материалам Архива внешней политики России). URL: <https://koryo-saram.ru/peregovory-o-peremirii-v-koree-1951-1953-gg-po-materialam-arhiva-vneshnej-politiki-rossii>.

2. Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2012.
3. Резолюции, принятые по докладам Первого комитета. 811 (IX). Корейский вопрос. URL: [https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/811\(IX\)](https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/811(IX)).
4. Робертс Дж. Шанс для мира? Советская кампания в пользу завершения «холодной войны». 1953–1955 годы // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 35–75.
5. Садаков Д. А. «На крайний случай»: США, Ли Сын Ман и операция «Everready» в годы Корейской войны (1952–1953 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2018. № 4 (43). С. 40–49.
6. Садаков Д. А. Американское лидерство и процесс раскола Кореи (1945–1948 гг.) // Корея перед новыми вызовами. Москва, 2017. С. 196–209.
7. Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли В. Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008.
8. Урнов А. Ю. Война в Корее // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 62–69.
9. Barnes R. The US, the UN and the Korean War: Communism in the Far East and the American Struggle for Hegemony in the Cold War. L.; N.Y., 2014.
10. Brands H. The Dwight D. Eisenhower Administration, Syngman Rhee, and the "Other" Geneva Conference of 1954 // Pacific Historical Review. 1987. February. Vol. 56. No. 1. Pp. 59–85.
11. Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV. Wash., 1984.
12. Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XVI. Wash., 1981.
13. Immerman R. The United States and the Geneva Conference of 1954: A New Look // Diplomatic History. 1990. Vol. XIV. No. 1. Pp. 43–66.
14. Lee S. H. Outposts of Empire: Korea, Vietnam and the origins of the Cold War in Asia, 1949–1954. McGill-Queen's University Press, 1995.
15. Memorandum for Undersecretary Smith. Termination of the Korean phase. U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 3805. 795.00/6–54.
16. Record of the First Meeting between Premier Zhou and Prime Minister U Nu, June 28, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, PRC FMA 203-00007-03, 37-45. Translated by Jeffrey Wang. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112438>.
17. Ruane K. Anthony Eden, British Diplomacy and the Origins of the Geneva Conference of 1954 // The Historical Journal. 1994. Vol. 37. No. 1. Pp. 153–172. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0018246X00014746>.
18. Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Regarding the Situation at the Fifteenth Plenary Session, June 17, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, PRC FMA 206-Y0050. Translated by Gao Bei. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111500>, свободный.
19. U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 3805.
20. Wilson Center Digital Archive. Geneva Conference of 1954. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/7/geneva-conference-of-1954>.

The story of one meeting: US tactics to disrupt the Korean phase of the 1954 Geneva conference

D. A. Sadakov

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4308-7276. E-mail: rstk2005@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the history of US policy towards Korea at the end of the Korean war of 1950–1953. The Armistice Agreement, which ended the war, was signed on July 27, 1953. It entrusted the decision on the future of Korean statehood and the possible unification of the country to the international political conference. The decision to hold it in Geneva was made at the Berlin meeting of the foreign Ministers of the four powers in 1954. For the Communists, this forum was one of the platforms of a broad campaign in favor of ending the cold war and legitimizing the People's Republic of China as one of the great powers. These factors have conditioned the readiness of Moscow and Beijing to certain compromises on the Korean issue. At the same time, the United States were skeptical about the prospects of restoring the unity of Korea and the proposals of the countries of the socialist camp. As a result, during the conference, the American delegation developed and put into practice an effective tactic, which on the one hand led to the termination of negotiations, and on the other allowed to lay the responsibility for the failure of the event on the Communists. Today, the United States continues to use similar approaches to the process of getting out of unprofitable negotiations and demonstrating the alleged inability of Washington's opponents to world public opinion.

Keywords: Republic of Korea, North Korea, USA, USSR, PRC, Geneva conference of 1954, France, Great Britain, Korean war.

References

1. Volohova A. A. *Peregovory o peremirii v Koree (1951–1953 gg.) (po materialam Arhiva vneshnej politiki Rossii)* [Armistice negotiations in Korea (1951–1953) (based on the archive of Russian foreign policy)]. Available at: <https://koryo-saram.ru/peregovory-o-peremirii-v-koree-1951-1953-gg-po-materialam-arhiva-vneshnej-politiki-rossii>.
2. Pechatnov V. O., Manykin A. S. *Istoriya vneshnej politiki SShA* [History of us foreign policy]. M. 2012.
3. Rezolyucii, prinyatye po dokladam Pervogo komiteta. 811 (IX). *Korejskij vopros* – Resolutions adopted on the reports of the First Committee. 811 (IX). Korean issue. Available at: [https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/811 \(IX\)](https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/811%28IX%29).
4. J. Roberts *Shans dlya mira? Sovetskaya kampaniya v pol'zu zaversheniya "holodnoj vojny". 1953–1955 gody* [A chance for peace? The Soviet campaign to end the cold war. The years 1953–1955] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and newest history. 2008. No. 6. Pp. 35–75.
5. Sadakov D. A. "Na krajnij sluchaj": SShA, Li Syn Man i operaciya "Everready" v gody Korejskoj vojny (1952–1953 gg.) ["On extreme case": the USA, Lee Seung Man and operation "Everready" during the Korean war (1952–1953)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* – Herald of Perm University. Series: History. 2018. No. 4 (43). Pp. 40–49.
6. Sadakov D. A. *Amerikanskoe liderstvo i process raskola Korei (1945–1948 gg.)* [American leadership and the process of splitting Korea (1945–1948)] // *Koreya pered novymi vyzovami* – Korea before new challenges. M. 2017. Pp. 196–209.
7. Torkunov A. V., Denisov V. I., Li V. F. *Korejskij poluostrov: metamorfozy poslevoennoj istorii* [Korean Peninsula: metamorphosis of the post-war history]. M. 2008.
8. Urnov A. Yu. *Vojna v Koree* [War in Korea] // *Aziya i Afrika segodnya* – Asia and Africa today. 2012. No. 10. Pp. 62–69.
9. Barnes R. *The US, the UN and the Korean War: Communism in the Far East and the American Struggle for Hegemony in the Cold War*. L.; N.Y., 2014.
10. Brands H. *The Dwight D. Eisenhower Administration, Syngman Rhee, and the "Other" Geneva Conference of 1954* // *Pacific Historical Review*. 1987. February. Vol. 56. No. 1. Pp. 59–85.
11. *Foreign Relations of the United States. 1952–1954*. Vol. XV. Wash., 1984.
12. *Foreign Relations of the United States. 1952–1954*. Vol. XVI. Wash., 1981.
13. Immerman R. *The United States and the Geneva Conference of 1954: A New Look* // *Diplomatic History*. 1990. Vol. XIV. No. 1. Pp. 43–66.
14. Lee S. H. *Outposts of Empire: Korea, Vietnam and the origins of the Cold War in Asia, 1949–1954*. McGill-Queen's University Press, 1995.
15. Memorandum for Undersecretary Smith. Termination of the Korean phase. U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 3805. 795.00/6–54.
16. Record of the First Meeting between Premier Zhou and Prime Minister U Nu, June 28, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, PRC FMA 203-00007-03, 37-45. Translated by Jeffrey Wang. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112438>.
17. Ruane K. Anthony Eden, British Diplomacy and the Origins of the Geneva Conference of 1954 // *The Historical Journal*. 1994. Vol. 37. No. 1. Pp. 153–172. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0018246X00014746>.
18. Telegram, Zhou Enlai to Mao Zedong and Others, Regarding the Situation at the Fifteenth Plenary Session, June 17, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, PRC FMA 206-Y0050. Translated by Gao Bei. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111500>, free.
19. U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 3805.
20. Wilson Center Digital Archive. Geneva Conference of 1954. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/7/geneva-conference-of-1954>.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 903.25:391(470.53)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.020

Перстни родановской культуры (XI–XV вв.) Пермского Предуралья*

К. В. Моряхина

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Россия, г. Пермь. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются перстни из средневековых памятников Пермского Предуралья XI–XV вв. Украшения этого периода весьма разнообразны по технике изготовления и оформлению и отражают развитие пермского ювелирного ремесла. Всего было проанализировано 112 перстней. Цель данной работы – определение историко-культурного значения перстней из средневековых памятников Пермского Предуралья XI–XV вв. Рассматриваемый материал можно разделить на три группы: местные, импортные, сделанные в подражание импортным. Основная масса изделий представлена местными вариантами, доля импортных незначительна. Импортные перстни в данный период попадают с территории Волжской Булгарии и Древней Руси (Новгород, Белозерье, Тверь). Местные варианты украшений получили распространение в XI–XII вв. и отличаются простотой формы и орнамента. Изготовлены преимущественно путем литья по восковой модели. В XIII–XIV вв. местные изделия заменяются изделиями, изготовленными в подражание импортным. Наибольшее влияние на развитие пермского ювелирного ремесла оказала Волжская Булгария, от мастеров которых была заимствована техника изготовления – появление чеканного и гравированного орнамента на перстнях, чернение фона. Но ввиду недостаточного профессионализма пермским мастерам не удавалось повторить орнамент, поэтому появились изделия с более простым узором. Контакты с Древней Русью не способствовали развитию техники изготовления. Изделия, изготовленные в подражание древнерусским, повторяли форму и орнамент, но изготавливались привычным для пермских мастеров способом – литьем по восковой модели, а не литьем в разъемные каменные формы, как оригинальные.

Ключевые слова: перстни, импорт, техника изготовления, ювелирное ремесло, средневековье.

В последние десятилетия активно ведутся археологические работы на территории Пермского Предуралья. Накопленный материал позволил расширить представления о материальной и духовной культуре средневекового населения региона, пересмотреть датировку археологических культур. По мнению ряда исследователей (А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова, А. В. Вострокнутова [3, с. 36; 6]), в конце XI в. происходит смена археологических культур – памятники XI–XV вв. ввиду общности признаков, единого хозяйственного типа, погребальной обрядности объединены в родановскую культуру. Стоит отметить, что в это время на Пермское Предуралье активное влияние оказывают соседи – Волжская Булгария и Древняя Русь. Это отразилось в том числе на развитии ювелирного ремесла, увеличении доли импортных украшений.

В данной статье рассмотрены перстни из раскопок памятников родановской археологической культуры. Перстни XI–XV вв. можно разделить на 3 группы: местные, импортные, сделанные в подражание импортным.

Местные перстни (54 экз.).

Бесщитковые (38 экз.) перстни представлены тремя типами: кольцообразные, спиралевидные и пластинчатые.

Кольцообразные перстни (8 экз.) являются простым украшением без орнамента с сомкнутыми или разомкнутыми концами. Изделия изготавливались путем отливки в разъемные формы или по восковой модели.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-49-590004 «Культурно-хронологическая идентификация средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.)».

© Моряхина К. В., 2019

Данные изделия происходят из Рождественского и Степаново Плотбище могильников, Саламатовского I, Кудымкарского и Мазунинского городищ (коллекция Теплоуховых), селища Телячий Брод. Перстни датируются XI–XII вв.

Аналогичные украшения ввиду простоты формы и изготовления получили распространение на различных территориях: в Белозерье [22, рис. 4/1], в Чезтыгском могильнике на р. Вычегде [11, рис. 2/35], в Новгороде [12, с. 50], у вятичей [9, с. 211], в Волго-Окском междуречье [8, рис. 94/16].

Спиралевидные перстни (21 экз.; рис. 1/1–2) также получили широкое распространение и, скорее всего, изготавливались на местах. В Пермском Предуралье такие украшения в единичных экземплярах встречаются еще в X в. (3 экз.; Каневский, Урынский могильники). Ранние варианты изделий изготавливались путем отливки бронзового стержня прямоугольного сечения, который закручивался в 2–3 оборота. В XI–XIV вв. для изготовления перстня использовалась как литая основа, так и волооченная проволока. В качестве материала использовали бронзу или серебро. Для данных перстней XIII в. характерна свободная уложенная спираль, согнутая в 3–5 оборотов.

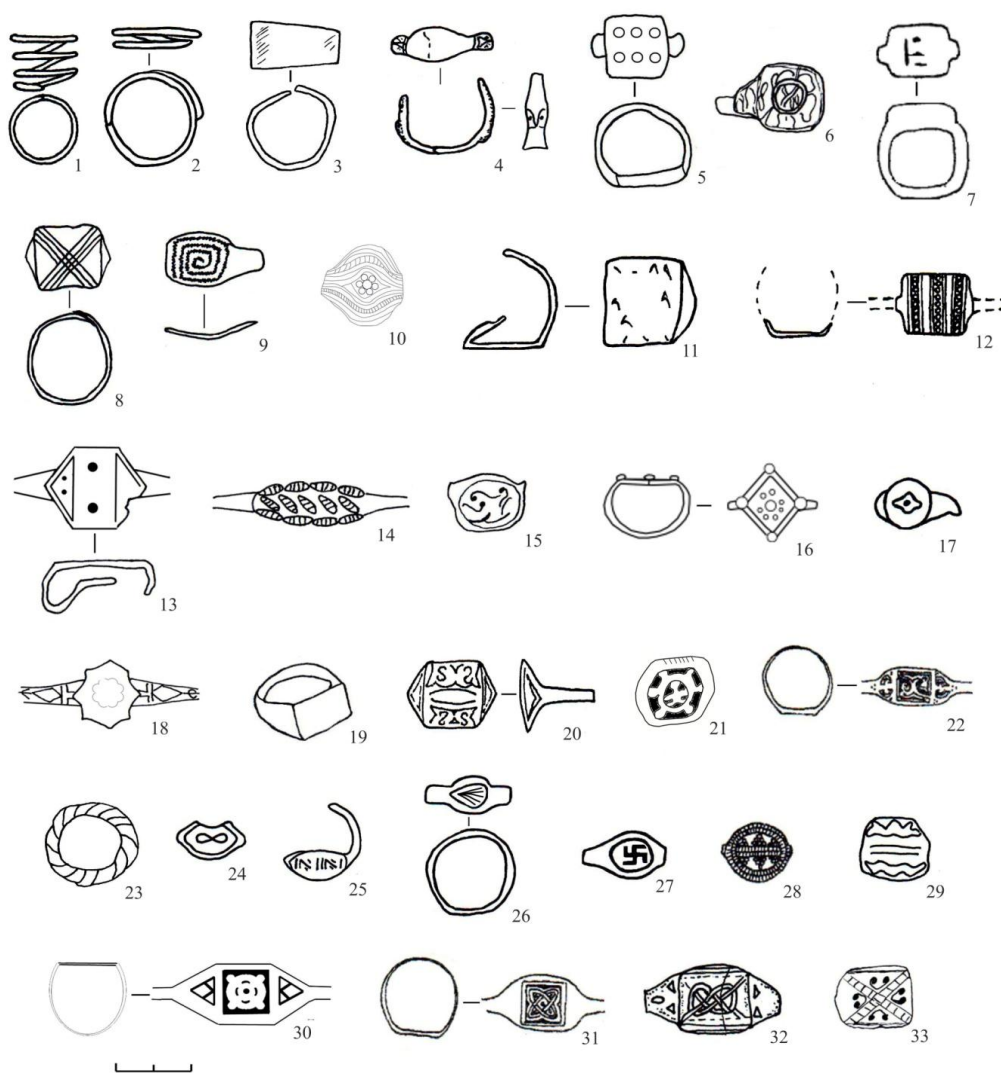

Рис. 1. Перстни XI–XV вв.

1–12 – местные; 13–22 – импортные: 13–18 – импорт из Древней Руси, 19–22 – импорт из Волжской Булгарии; 23–33 – сделанные в подражание импортным: 23–27 – в подражание древнерусским, 28–32 – в подражание болгарским. 1, 13, 14, 18, 20, 23, 30 – Саламатовское I городище; 2, 4, 29, 32 – могильник Телячий Брод; 3 – городище Аношкар; 5 – могильник Журавлик; 8, 9, 24–26 – селище Телячий Брод; 6, 19 – Вакинское селище; 7 – Семинское городище; 10, 15, 16 – Чашкинское II селище; 11 – Антыбарский могильник; 12, 22, 31 – Рождественское городище; 21, 33 – Плотниковский могильник; 28 – Рождественский могильник.

Перстни происходят из Анюшкар (Кыласовского), Рождественского, Рачевского, Саламатовского I городищ, Антыбарского, Каневского (погребение X в.), Рождественского, Телячий Брод, Плотниковского, Урынского (погребение X–XI вв.) могильников, один перстень – из коллекции Теплоуховых, место обнаружения его неизвестно.

Аналогичные перстни встречаются на Варнинском могильнике VIII–X вв. в Удмуртии [21, табл. II/37], в вымских и вычегодских могильниках кон. X–XIV вв. [17, с. 128], на Буйском городище в Кировской обл. [7, рис. 157/2], у марийцев IX–XI вв. в Юмском могильнике [2, с. 35], у мордвы на Лядинском, Кузьминском и Кошебеевском могильниках [1, табл. II/14, XXIII/10,12], в Волго-Окском междуречье на Сарском городище [8, рис. 39/8], в Новгороде в слоях XI–XIII вв. [20, с. 122], в Изборске в ранних слоях [19, с. 97], в Белозерье в X–XII вв. (особой популярностью пользовались в XI в.) [22, рис. 4/8], в Прибалтике у эстов и латышей [23, табл. III/16, табл. CVII/7].

Пластинчатые перстни (6 экз.; рис. 1/3) представляют согнутую литую или кованую платину без орнамента из бронзы или серебра. Перстни были обнаружены на Анюшкар, Саламатовском I городищах, на Чашкинском II (в слое XI–XIII вв.) селище, на Рождественском могильнике (в погребении кон. X–XI вв.).

Подобные перстни найдены на Ликинском могильнике X–XIII вв. в Зауралье [4, с. 163], в вымской культуре на Ыджыдзельском могильнике XI–XIV вв. [17, с. 128], у вятичей [9, с. 209], в Новгороде в слое 50–60-х гг. XI в. [20, с. 125].

Щитковые перстни (16 экз.).

Перстни с овальным щитком (5 экз.; рис. 1/4) имеют украшение в виде змеиных голов на боковых гранях щитка. Изделия отливались по восковой модели из оловянной бронзы.

Украшения происходят из Саламатовского I городища, могильников Степаново Плотбище, Телячий Брод, Златинского и Модоробского местонахождений и датируются XI–XII вв. Данный вариант перстней является характерным для Пермского Предуралья, за пределами региона аналогичное изделие найдено в Белозерье на Шуйгинском могильнике (1 экз.), где датируется концом XII – нач. XIII вв. [22, рис. 6/15].

Перстни с круглым щитком (1 экз.) представлены одним вариантом в виде неорнаментированного литого перстня, обнаруженного на Чашкинском II селище в слое XI–XIII вв.

Перстни с прямоугольным щитком XI–XV вв. (8 экз.) из группы «местных» изделий наиболее разнообразны по стилистическому оформлению и технике изготовления.

На Семинском городище, которое датируется XI–XII вв., был обнаружен *литой перстень с тремя продольными и одной поперечной полоской* (1 экз.; рис. 1/7). Возможно, изделие не до конца оформлено.

Литые перстни с кружковым орнаментом (2 экз.; рис. 1/5, 12) обнаружены на Рождественском городище и могильнике Журавлик. Первый украшен тремя линиями маленьких кружков (по восемь в каждом), которые разделены продольными линиями, второй – тремя рядами крупных кругов (по два в ряду).

Литой перстень с Вакинского селища украшен орнаментом в виде завитков (1 экз.; рис. 1/6).

На Антыбарском могильнике был обнаружен *серебряный кованый перстень с хаотично нанесенными насечками* (1 экз.; рис. 1/11). Данное изделие либо представляет бракованное изделие (не удалось нанести нужный орнамент), либо орнамент сильно истерся и не читается.

Своеобразным вариантом изделий из Пермского Предуралья являются *перстни, вырезанные из тонкой литой пластины* (4 экз.; рис. 1/8–9). Изделия встречаются как орнаментированные (пересекающиеся линии, проходящие по диагонали щитка; лабиринт), так и неорнаментированные. Орнамент наносился путем гравировки. Перстни были обнаружены на селище Телячий Брод и датируются XI–XII вв.

Уникальной находкой является *широкосерединный перстень, орнаментированный продольными линиями и цветочком по центру* (1 экз.; рис. 1/10), из раскопок Чашкинского II селища. Данное украшение выделяется не только своим орнаментом, не имеющим аналогий в Пермском Предуралье и других регионах, но и техникой изготовления. Перстень среди рассматриваемой категории украшений единственный изготовленный путем тиснения.

Импортные перстни (22 экз.).

В XI–XV вв. на территорию Пермского Предуралья попадают перстни, изготовленные в Древней Руси и Волжской Булгарии. Импортные и сделанные в подражание украшения будут рассмотрены в соответствии с местом происхождения.

Импортные перстни из Древней Руси (15 экз.) представлены двумя типами перстней – бесщитковые и щитковые.

Из бесщитковых перстней, получивших распространение в Древней Руси, в Пермском Предуралье встречаются *рубчатые перстни*, которые, по мнению М. В. Седовой, являются этнически определяющим признаком славян [20, с. 122]. Изделия изготавливались путем литья, после чего дополнительно углублялись рубчатые линии. Украшения отличаются от ложновитых тем, что насечки имеются только на лицевой стороне. На рассматриваемой территории такие перстни (3 экз.) были найдены на Агафоновском II могильнике, селище Телячий Брод, в местонахождении у с. Дубленово.

В XI–XII вв. в Пермское Предуралье попадают перстни с территории Белозерья [22]: с *широкосердинным щитком и орнаментом в виде плетенки* (1 экз.; рис. 1/14) найден на Саламатовском I городище, с *шестиугольным щитком* (6 экз.; рис. 1/13) – на Саламатовском I городище, Плотниковском могильнике. В XII–XIII вв. – *перстень с круглым щитком, орнаментированным завитками* (1 экз.; рис. 1/15; Чашкинское II селище).

Особое место занимают импортные изделия из Новгорода, которое поступают в XI–XIV вв. (преимущественно в XIII–XIV вв.). Разные варианты перстней [20, с. 132, 136, 137] поступают в Пермское Предуралье в единичных экземплярах: с *квадрифольным щитком* (1 экз.; рис. 1/18; Саламатовское I городище), с *круглым щитком и розеткой* (1 экз.; рис. 1/17; могильник Телячий Брод), с *ромбическим щитком и кружковым орнаментом* (1 экз.; рис. 1/16; Запосельское селище), с *вытянутым овальным щитком и геометрическим орнаментом* (1 экз.; Городищенское городище).

Все указанные украшения за исключением перстня с вытянутым овальным щитом изготовлены путем литья из сплава на основе меди или оловянно-свинцового сплава. Последний перстень кованый, орнамент нанесен при помощи чекана.

Импортные перстни из Волжской Булгарии (7 экз.) представлены в основном коваными серебряными изделиями, исключением является литой *перстень с прямоугольным неорнаментированным выступающим щитком* (рис. 1/19). Украшение относится к золотоордынскому периоду (XIV в.), в Пермском Предуралье обнаружено на Вакинском селище.

Серебряные кованые перстни являются типичными для Волжской Булгарии и получили широкое распространение в XII – начале XIII в. Изделия изготавливались путем расковки металлического бруска, после чего при помощи чекана или гравера наносился орнамент. Фон изделия после предварительного углубления заполнялся чернением. Окончательная форма изделию придавалась на финальном этапе: загибались и спаивались концы изделия.

Найденные импортные украшения в Пермском Предуралье можно разделить на три типа по форме щитка: с овальным, с прямоугольным, с шестиугольным.

Перстень с овальным щитком имеет растительный орнамент (1 экз.; рис. 1/22) с зачерненным фоном. Обнаружен на Рождественском городище.

В Пермском Предуралье (Саламатовское I городище, Калинское селище, Плотниковский могильник) были найдены три перстня с *прямоугольным щитком, орнаментированным симметрично расположенным растительным орнаментом (трилистником)*, разделенным по центру щитка насечками и точками. Боковые грани украшены «галочкой» (рис. 1/20). Орнамент наносился при помощи чекана. Такие перстни в Волжской Булгарии (22 экз.) получили наибольшее распространение среди данной категории украшений. Но, по мнению К. А. Руденко, они редко встречаются за пределами Волжской Булгарии [16, с. 57, табл. Б]. На наш взгляд, рассматриваемые перстни имеют болгарское происхождение.

Перстни с шестиугольным щитком представлены двумя вариантами: с *растительным орнаментом* (1 экз.) и с *крином, вписанным в круг* (1 экз.; рис. 1/21), боковые грани которого оформлены s-видными насечками. Последние являются одним из распространенных вариантов в Волжской Булгарии (18 экз.) [16, табл. Б]. В Пермском Предуралье оба изделия найдены на Плотниковском могильнике.

Перстни, сделанные в подражание импортным (36 экз.).

Перстни, сделанные в подражание древнерусским (13 экз.).

Ложновитые перстни получили широкое распространение в Древней Руси, в особенности у вятичей [9, с. 213]. Изделия, обнаруженные в Пермском Предуралье (8 экз.; рис. 1/23) Саламатовское I, Рождественское городище, Антыбарский, Телячий Брод могильники, Златинское, Даниловское и Елевское местонахождения), на наш взгляд, имеют местное происхождение, поскольку встречаются бракованные изделия с остатками литника, также отличается

техника изготовления. Древнерусские перстни отливались в двухсторонних формах, пермские – по восковой модели.

В XII–XIV вв. в Пермском Предуралье появляются перстни овальным щитком (3 экз.; рис. 1/24–26), изготовленные в подражание новгородским – с *орнаментом в виде расходящихся линий (в виде веера)* и с *орнаментом в виде монограмм «N»*, тверским – с *орнаментом в виде знака бесконечности*. Изделия обнаружены на селище Телячий Брод, отличаются от оригинала плохой проработанностью орнамента. Причем орнамент в виде расходящихся линий не встречается на новгородских перстнях. Вероятно, «додуман» местными мастерами. Хотя в целом форма (овальный щиток с бордюром, разомкнутые концы) соответствует.

В Новгороде в XIII–XIV вв. появляется мода на *перстни с солярным знаком* [20, с. 135], которые оттуда попадают на соседние территории – в Белоозерье [22, рис. 6/10], в Булгар [15, рис. 61/30], к марийцам [13, рис. 46/21], на памятники вымской культуры [18, рис. 152/3]. Украшения, обнаруженные в Пермском Предуралье (2 экз.; рис. 1/27; селище Телячий Брод, местонахождение у д. Златино), отличаются от оригинальных массивностью, более плавным переходом от щитка к шинке, составом металла. Перстень из могильника Телячий Брод изготовлен из оловянной бронзы, а новгородские – из меди.

Перстни, сделанные в подражание болгарским (14 экз.).

Местные пермские мастера заимствуют от болгар идею создания и технику изготовления перстней с зерно-сканым декором и кованых серебряных перстней. Вероятно, на рассматриваемой территории проживали болгарские мастера, которые передавали опыт в изготовлении украшений.

В XI в. в Волжской Булгарии появились перстни с *круглым щитком, который по краям обрамлен сканной проволокой, такая же проволока в два ряда проходит по центру щитка, от нее расходятся по три пирамидки зерни (из 6 зерен) в обе стороны* (рис. 1/28). Идею изготовления таких перстней подхватили пермские мастера, где их делали и в XII в. Местные изделия отличаются низким качеством зерни, заменой сканной проволоки на торсированную, золочением фона. Находки украшений в Пермском Предуралье численно преобладают – 8 экз., в то время как в Волжской Булгарии найдено 2 экз. [16, с. 160]. Перстни обнаружены на Аверинском II, Агафоновском II, Степаново Плотбище могильниках, Рождественском городище. Такие изделия встречаются в Удмуртском Предуралье на городище Иднакар в слое XI–XII вв. (1 экз.) [10, рис. 27/40].

Подобные популярным в Волжской Булгарии кованые серебряные перстни, но с другими орнаментальными мотивами, появились в Предуралье и Зауралье еще в XII в. параллельно с оригинальными импортными. В XIII в. после падения Волжской Булгарии пермские мастера продолжили изготавливать изделия наподобие болгарских, но еще менее на них похожие по оформлению щитка. В литературе такие перстни принято называть как перстни «болгарского типа».

К первым можно отнести перстни с *прямоугольным щитком, орнаментированным окружностью по центру и полушарными выступами* (4 экз.; рис. 1/30). Боковые грани украшены треугольником, разделенным внутри на три части. Обнаружены на Саламатовском I городище и Плотниковском могильнике. В Зауралье похожий перстень был обнаружен на Ликинском могильнике [5, рис. 45/е]. Подобный орнамент щитка и боковых граней не встречается на болгарских перстнях, отсутствуют линейное обрамление краев щитка, типичное для схожих вариантов болгарских изделий.

Также в XII в. стали изготавливать перстни с *овальным щитком, орнаментированным замкнутой плетенкой* (3 экз.; рис. 1/31). Боковые грани украшены треугольником, разделенным внутри на три части. В Пермском Предуралье найдены на Рождественском городище и Плотниковском могильнике, в Зауралье на Ликинском могильнике [5, рис. 45/б], в вымских могильниках [17, рис. 34/5]. Указанные перстни не имеют полных аналогов в Волжской Булгарии, отличаются плохо проработанным орнаментом.

На могильнике Телячий Брод обнаружен перстень с *овальным щитком и волнообразным орнаментом* (рис. 1/29). Волнообразный орнамент симметрично расположен в верхней и нижней части щитка. По центру щитка проходит две полосы. Орнамент нечеткий, отдаленно напоминает контуры трилистника. Возможно, именно его пытались повторить пермские мастера. Чернение фона не сохранилось либо первоначально отсутствовало.

Вторые представлены двумя типами перстней с *овальным щитком – с плетенкой* (5 экз.; рис. 1/32) и с *пересекающимися рубчатыми линиями, проходящими по диагонали щитка* (3 экз.; рис. 1/33). Бордюр на щитке сделан с верхнего и нижнего края (на болгарских с четырех сторон), оформлен простой или рубчатой линией. Боковые грани украшены

трем треугольниками. Основа изделия получена путемковки, узор нанесен при помощи гравировки. Орнамент, оформление бордюра и боковых граней на изделиях, а также сочетание чернения и золочения не типичны для ювелирного дела Волжской Булгарии. Данные варианты перстней являются продуктом местных мастеров, в котором сочетается болгарская ювелирная традиция (чернение, гравировка) и орнаментальные мотивы, характерные для Руси. В Пермском Предуралье такие перстни были обнаружены на Плотниковском, Телячий Брод могильниках.

Подобные перстни встречаются за пределами рассматриваемой территории – в вымской культуре на Жигановском могильнике [18, с. 85], на памятниках бассейна р. Тобол [Адамов]. Местом изготовления таких изделий, скорее всего, было Пермское Предуралье.

В результате проведенного анализа было рассмотрено 112 перстней, что позволяет сделать следующие выводы. Основная масса местных перстней датируется XI–XII вв., параллельно с этим встречаются импортные изделия и изготовленные в подражание таковым. В XIII–XIV вв. местные варианты вытесняются украшениями, изготовленными в подражание импортным, что свидетельствует об усилении влияния Волжской Булгарии и Древней Руси, в том числе на развитие ювелирного дела в Пермском Предуралье.

Местные варианты перстней имеют простую форму и незамысловатый орнамент (насечки, круги, завитки), из общей массы выделяются только перстни с овальным щитком с изображением змеиных голов на боковых гранях щитка и перстень с широкосерединным щитком, орнаментированным цветочком по центру. Преимущественно встречаются бесщитковые перстни (70,4% от общего количества местных перстней), что не характерно для более раннего периода [14]. Изделия, за исключением двух перстней – с кованым прямоугольным щитком и широкосерединным тисненым, отливались по восковой модели из сплава на основе меди.

В XI–XIV вв. на территорию Пермского Предуралья попадают перстни из Древней Руси (из Новгорода, Белозерья, Твери) и Волжской Булгарии. Первые преобладают (68,2% от количества импортных изделий), и с падением Волжской Булгарии импорт из Древней Руси возрастает. Стоит отметить, что в Пермское Предуралье попадают не «лучшие» образцы древнерусского ювелирного ремесла. Например, в Пермском Предуралье не встречаются типичные для Новгорода печатные перстни, со вставкой, щитковые с орнаментом виде птиц, руки и др. [20, с. 121–142]. Что касается импорта из Волжской Булгарии, можно наблюдать противоположную картину. Кованые серебряные перстни с чеканным или гравированным орнаментом и зачерненным фоном являются одним из образцов ювелирного искусства Волжской Булгарии. Ношение такого перстня подчеркивало статус его обладателя.

Появление импортных перстней и оказанное влияние со стороны соседних государств привело к изготовлению украшений, созданных местными мастерами в подражание. Перстни, сделанные наподобие древнерусских, представляют попытку полностью повторить оригинальный образец (форму и орнамент), но при этом изготовлены в традиционной для Пермского Предуралья технике изготовления – литья по восковой модели, в то время как древнерусские мастера изготавливали изделия в разъемных каменных формах, что позволяет экономить время на производство украшений. Ввиду этого пермские изделия отличаются массивностью. Таким образом, Древняя Русь оказала влияние на появление новых форм и вариантов оформления, но не на совершенствование техники изготовления.

Перстни, изготовленные в подражание болгарским, копировали в первую очередь технику изготовления и форму. Скорее всего, ввиду сложности орнамента не удавалось повторить оригинал, что привело к появлению новых вариантов оформления щитка, напоминающих болгарские, но при этом более схематичного орнамента. Можно сказать, что Волжская Булгария оказала прогрессивное влияние на развитие ювелирного дела в Пермском Предуралье, поскольку шло заимствование не только внешнего вида, как в случае с древнерусскими, но и техники изготовления.

В XIII в. появились перстни, которые на первый взгляд напоминают болгарские (форма, техника изготовления), но орнаментальные мотивы совсем не типичны для оригинальных. Это свидетельствует о дальнейшем развитии местного ювелирного дела, в котором заметно заимствование от болгар техники изготовления и от новгородцев орнаментальных мотивов. Таким образом, в XIII в. отмечается как продолжение полного копирования, так и попытки придумать свои варианты с учетом приобретенных знаний и навыков в ювелирном ремесле.

Список литературы

1. Альбом древностей мордовского народа / под. ред. Ю. В. Готье, А. И. Яковлева. Саранск : Изд-во Мордовского НИИ, 1941. 137 с.
2. Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола : Марийское книжное изд-во, 1973. 197 с.
3. Белафин А. М., Крыласова Н. Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1(32). С. 28–41.
4. Викторова В. Д. Ликийский могильник X–XIII вв. // Вопросы археологии Урала. 1973. Вып. 12. С. 133–168.
5. Викторова В. Д. Угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург : ИИИА УрО РАН, 2008. 208 с.
6. Вострокнутов А. В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв. н. э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2016. 336 с.
7. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск : Удмурт. ун-т, 1999. 464 с.
8. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 94. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 264 с.
9. Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII вв. М. : Индрик, 2011. 404 с.
10. Иванова М. Г. Древнее удмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск : УИИЯиЛ, 1998. 294 с.
11. Истомина Т. В. Комплекс погребения 37 Честыгского могильника / Т. В. Истомина // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 127–135.
12. Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990. С. 29–98.
13. Михеева А. И. Поселения Марийского Поволжья в эпоху Средневековья (XIII–XV вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 233 с.
14. Моряхина К. В. Цельнолитые щитковые перстни памятников раннего средневековья Пермского Предуралья // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2015. Вып. 64. № 14. С. 29–36.
15. Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 154–268.
16. Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань : Заман, 2015. 528 с.
17. Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. 200 с.
18. Савельева Э. А. Жигановский могильник. Сыктывкар : КНЦ УрО РАН, 2010. 456 с.
19. Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. М. : Наука, 2007. 413 с.
20. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М. : Наука, 1981. 196 с.
21. Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. Ижевск : УдмНИИ, 1980. С. 5–135.
22. Сумина И. А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Труды ГИМ. 1999. Вып. 111. С. 167–189.
23. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / под ред. Б. А. Рыбакова // Археология СССР. Т. 17. М. : Наука, 1987. 510 с.

Rings of rodanov culture (XI–XV centuries) of Perm pre-Urals

K. V. Moryakhina

PhD of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of National and Universal History, Archaeology, Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Russia, Perm. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Abstract. The article deals with rings from medieval monuments of the Perm pre-Urals of XI–XV centuries. Jewelry of this period is very diverse in technique and design and reflects the development of the Perm jewelry craft. A total of 112 rings were analyzed. The purpose of this work is to determine the historical and cultural significance of rings from medieval monuments of the Perm pre-Urals XI–XV centuries. The observed material can be divided into three groups: local, imported, made in imitation of imported. The bulk of products is represented by local variants, the share of imported is insignificant. Imported rings in this period come from the territory of Volga Bulgaria and the Kievan Rus (Novgorod, Belozerye, Russia). Local versions of jewelry were widespread in the XI–XII centuries and differ in simplicity of form and ornament. They are made mainly by casting on a wax model. In the XIII–XIV centuries the local products were replaced by products made in imitation of imported. The greatest influence on the development of the Perm jewelry craft was exerted by Volga Bulgaria, from whose masters the technique of production was borrowed—the appearance of stamped and engraved ornament on rings, blackening of the background. But due to the lack of professionalism Perm

masters could not repeat the ornament, so there were products with a simpler pattern. Contacts with Ancient Russia did not contribute to the development of manufacturing techniques. Products made in imitation of the old Russian, repeated the form and ornament, but were made in the usual way for the Perm masters-by casting on a wax model, and not by casting in split stone forms, as the original ones.

Keywords: rings, import, manufacturing technique, jewelry craft, the middle ages.

References

1. *Al'bom drevnostej mordovskogo naroda* – Album of antiquities of the Mordovian people / under ed. Yu. V. Gotye, A. I. Yakovleva. Saransk. Mordovia Research Institute. 1941. 137 p.
2. Arhipov G. A. *Marijcy IX–XI vv. K voprosu o proiskhozhdenii naroda* [The Mari of IX–XI centuries. To the question of the origin of the people]. Yoshkar-Ola. Mari book publishing house. 1973. 197 p.
3. Belavin A. M., Krylasova N. B. *Problema periodizacii srednevekovyh arheologicheskikh kul'tur Permskogo Predural'ya* [Problem of periodization of the medieval archaeological cultures of the Perm pre-Urals] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* – Herald of Perm University. Series: History. 2016. No. 1 (32). Pp. 28–41.
4. Viktorova V. D. *Likinskij mogil'nik X–XIII vv.* [Likinsky burial ground of X–XIII centuries] // *Voprosy arheologii Urala* – Questions of archeology of the Urals. 1973. Issue 12. Pp. 133–168.
5. Viktorova V. D. *Ugry v lesah Urala (stranicy rannej istorii mansi)* [Ugra in the forests of the Urals (pages of the early history of Mansi)]. Ekaterinburg. Institute of History and Archaeology of Ural branch RAS. 2008. 208 p.
6. Vostroknutov A. V. *Shumyashchie ukrasheniya Permskogo Predural'ya konca XI–XIV vv. n. e.: kul'turno-hronologicheskaya i tekhnologicheskaya identifikatsiya* : dis. ... kand. ist. nauk [Noisy decorations of the Perm pre-Urals of the late XI–XIV centuries: cultural-chronological and technological identification] : dis. ... PhD of Hist. Sciences]. Perm. 2016. 336 p.
7. Goldina R. D. *Drevnyaya i srednekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Izhevsk. Udmurt. University. 1999. 464 p.
8. Goryunova E. I. *Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya* [Ethnic history of the Volga-Oka interfluves] // *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* – Materials and research on archaeology of the USSR. Issue 94. M. AS USSR. 1961. 264 p.
9. Zajceva I. E., Saracheva T. G. *Yuvelirnoe delo "Zemli vyatichej" vtoroj poloviny XI–XIII vv* [Jewelry of "Vyatichi land" in the second half of the XI–XIII centuries]. M. Indrik. 2011. 404 p.
10. Ivanova M. G. *Drevnee udmurtskoe gorodishche IX–XIII vv* [Udmurt Ancient settlement of IX–XIII centuries]. Izhevsk. Udmurt Institute of History of Languages and Linguistics. 1998. 294 p.
11. Istomina T. V. *Kompleks pogrebeniya 37 Chezhtyyag'skogo mogil'nika* [Complex of burial of 37 Chezhtyyag burial ground] / T. V. Istomina // *Problemy finno-ugorskoj arheologii Urala i Povolzh'ya* – Issues of Finno-Ugric archeology of the Urals and the Volga region. Syktyvkar. 1992. Pp. 127–135.
12. Lesman Yu. M. *Hronologiya yuvelirnykh izdelij Novgoroda (X–XIV vv.)* [Chronology of jewelry of Novgorod (X–XIV centuries)] // *Materialy po arheologii Novgoroda* – Materials on archeology of Novgorod. M. 1990. Pp. 29–98.
13. Miheeva A. I. *Poseleniya Marijskogo Povolzh'ya v epohu Srednevekov'ya (XIII–XV vv.)* : dis. ... kand. ist. nauk [Settlements of the Mari Volga region in the middle Ages (XIII–XV centuries) : dis. ... PhD of Hist. Sciences]. Izhevsk. 2006. 233 p.
14. Moryahina K. V. *Cel'nolitye shchitkovye perstni pamyatnikov rannego srednevekov'ya Permskogo Predural'ya* [Solid-cast shield rings of monuments of the early middle ages of the Perm pre-Urals] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Herald of the Chelyabinsk State University. History. 2015. Issue 64. No. 14. Pp. 29–36.
15. Polyakova G. F. *Izdeliya iz cvetnykh i dragocennykh metallov* [Products from non-ferrous and precious metals] // *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznecov, litejshchikov* – City of Bolgars. The craft of metallurgists, blacksmiths, foundry. Kazan. 1996. Pp. 154–268.
16. Rudenko K. A. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara* [Bulgar silver. Antiquities of Bilyar. Volume II]. Kazan. Zaman. 2015. 528 p.
17. Savel'eva E. A. *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv* [Vym burial grounds of XI–XIV centuries] L. Leningrad University. 1987. 200 p.
18. Savel'eva E. A. *Zhiganovskij mogil'nik* [Ivanovski burial ground]. Syktyvkar. Komi scientific center, UB RAS. 2010. 456 p.
19. Sedov V. V. *Izborsk v rannem srednevekov'e* [Izborsk in the early middle ages]. M. Nauka. 2007. 413 p.
20. Sedova M. V. *Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewelry of Ancient Novgorod (X–XV centuries)]. M. Nauka. 1981. 196 p.
21. Semenov V. A. *Varninskij mogil'nik* [Varnensky burial ground] // *Novyj pamyatnik polomskoj kul'tury* – New monument of polomian culture. Izhevsk. UdmSRI. 1980. Pp. 5–135.
22. Sumina I. A. *Metallicheskie perstni srednevekovogo Beloz'er'ya* [Metal rings of medieval Belozersk district] // *Trudy GIM* – Proceedings of the State Historical Museum. 1999. Issue 111. Pp. 167–189.
23. *Finno-ugry i balti v epohu srednevekov'ya* – Finno-Ugric and Balti in the middle ages / ed. by B. A. Rybakov // *Arheologiya SSSR* – Archeology of the USSR. Vol. 17. M. Nauka. 1987. 510 p.

Археологические работы при реставрации церкви Рождества Иоанна Предтечи в городе Кирове

А. О. Кайсин¹, М. К. Глазырина², Р. Л. Старков³

¹заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией,

Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: akai_slob@mail.ru

²студент, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: rita_glazyrina1999@mail.ru

³научный сотрудник, Кировский областной краеведческий музей.

Россия, г. Киров. E-mail: starkov-roman@mail.ru

Аннотация. Статья содержит описание надзорных археологических работ, произведенных Кировским областным краеведческим музеем. Церковь Рождества Иоанна Предтечи была первой каменной церковью, поставленной на территории посада г. Хлынова. В 1930-х гг. она была закрыта. В советское время в ее здании располагался партийный архив, а с 1969 года – планетарий. В 1991 г. был принят «Проект реставрации церкви Иоанна Предтечи». В период реставрации Кировским государственным объединенным историко-архитектурным и литературным музеем под руководством Е. А. Кошелевой проводились работы по археологическому надзору. С южной стороны вплотную к стене церкви был заложен шурф-траншея с целью обследования фундамента. В траншее был найден наперсный крест, который стал древнейшим найденным на территории г. Кирова. Находки других крестов косвенно подтверждают факт существования приходского кладбища вокруг этой церкви на протяжении XVIII в. Это позволяет включить данную территорию в одну из перспективных для изучения погребальных памятников на территории современного г. Кирова, так как подавляющее их большинство в настоящее время застроено различными городскими постройками и сооружениями, а некоторые почти полностью уничтожены.

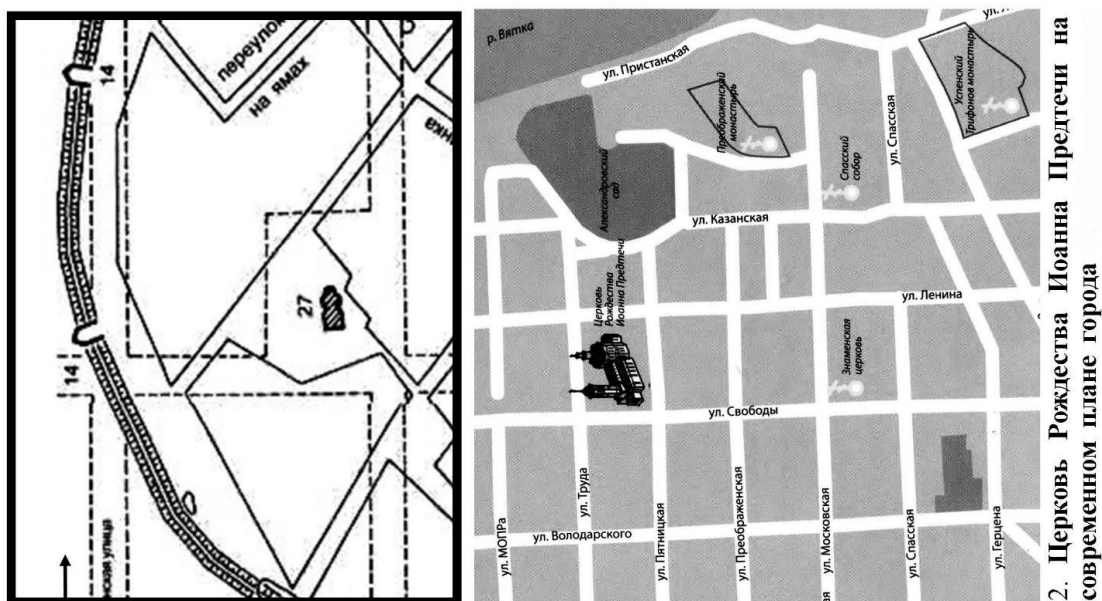
Ключевые слова: Хлынов, Киров, церковь Рождества Иоанна Предтечи, наперсный крест, нательные кресты, археологический надзор.

С момента основания и до конца XVII в. застройка г. Хлынова происходила без плана, и планировочную схему определяли в основном рельеф и транспортные магистрали, по которым шло сообщение с соседними землями [10, с. 22–23]. Торг был вынесен за пределы укреплений кремля, и здесь, рядом со рвом, окружающим кремль, возник и стал развиваться торговый и общественный центр – посад. Улицы вели от торгового центра к острогу, продолжаясь за ними как дороги, ведущие в города и селения Вятской земли [11, с. 15]. В начале второй половины XVII в. посад получил новые границы, расширившись к западу до современной Театральной площади.

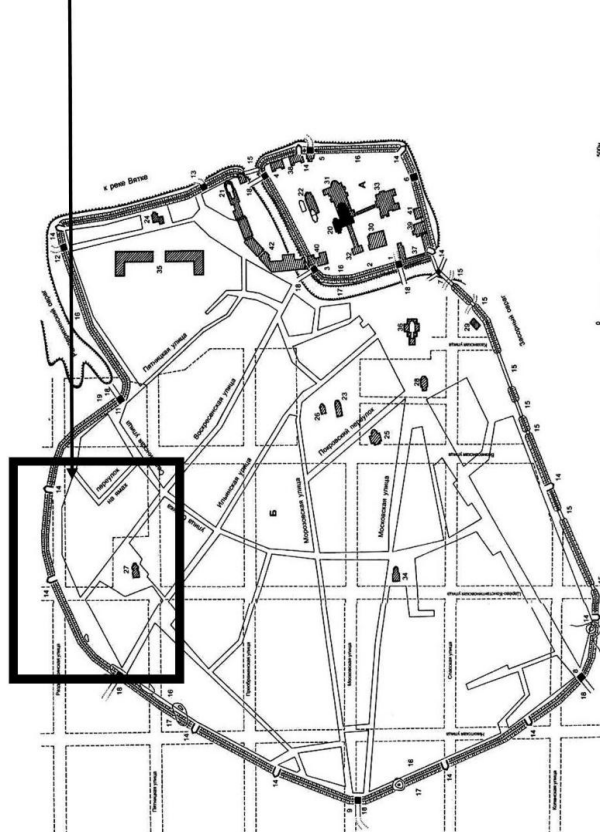
В 1663 г. произошла полная перестройка городских оборонительных сооружений. Это было вызвано рядом восстаний конца 40-х – начала 60-х гг. XVII в., после чего было принято решение об укреплении городов и усилении их оборонительных систем [11, с. 17–18]. Вот как говорится об этих работах в «Летописце старых лет»: «7122 (1663) года месяца сентября в 17 день начали строить земляной город, а строили стол[ь]ник и воевода князь Григорий Афанасьевич Козловский, а делали оба города 3 года» [15, л. 204]. Под «обоими» городами в данном случае подразумеваются укрепления кремля и укрепления посада. Значение посада в городской жизни значительно возросло. Увеличилась плотность его застройки, что было связано с возведением посадских укреплений, ограничивших расширение города на запад и северо-запад. Жилая застройка стала продвигаться на юг и на восток, на склоны и устье Засорного оврага и на берег р. Вятки, где еще в начале XVII в. возникли целые улицы. Улицы занимали большое пространство за городом, так как при дворах имелись и обширные огороды. Жители посада начали писать прошения о создании нового прихода (рис. 1.1).

Следствием прошений стало то, что деревянная Покровская церковь, находившаяся рядом с Хлыновским кремлем, получив в 1709 году каменное воплощение, была перенесена на окраину посада, где жители во главе с посадским человеком Григорием Глухих решили образовать новый приход. И 17 июня 1711 году старый деревянный сруб занял новое место «близ земляного городского вала, по за острогу...при концах Воскресенской и Ильинской улиц...на Герасимовском Шмелева огородном месте» [12, с. 91–92]. В том же году он был переосвящен во имя Иоанна Предтечи (рис. 1.2). В 1714–1719 гг. церковь была отстроена в камне [3, с. 34–35] (рис. 2.1).

В 1934 г. храм был закрыт. В советское время в здании располагался партийный архив, с 1969 г. – планетарий. В 1960 г. Предтеченская церковь поставлена на государственную охрану как памятник архитектуры республиканского значения [9] (рис. 2.2–3).

2. Церковь Рождества Иоанна Предтечи на современном плане города

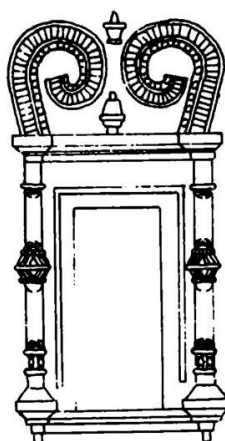
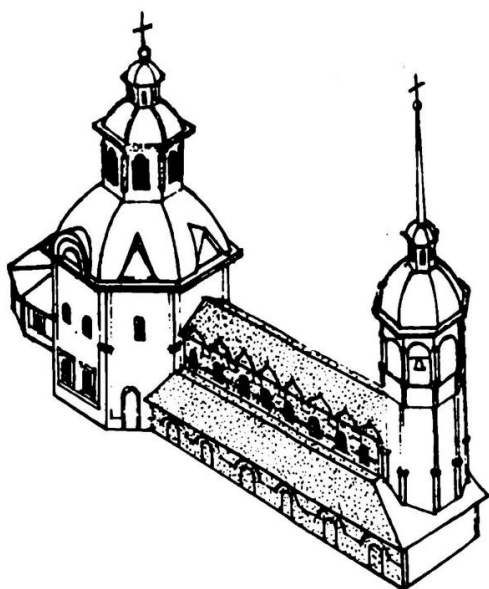

1. План-схема города Хлынова конца XVII века с наложением фрагмента плана города Вятки конца XIX века (Реконструкция А. Г. Тинского)

Деление города Хлынова в конце XVII века: А – малый город – кремль, Б – большой (земляной) город – посад. Оборонительные крепостные сооружения в конце XVII века: 1 – Спасская башня, 2 – пороховой погреб, 3 – Воскресенская башня, 4 – Богоявленская башня, 5 – Никольская башня, 6 – Покровская башня, 7 – Успенская башня, 8 – Никитская башня, 9 – Московская башня, 10 – Ильинская башня, 11 – Пятницкая башня, 12 – Сретенская башня, 13 – Преображенская башня, 14 – вывод, 15 – городни, 16 – вал, 17 – ров, 18 – мосты, 19 – трубы.

Элементы каменной застройки XVII-XIX веков: 20 – Свято-Троицкий и Николаевский собор, 21 – Спассо-Преображенская церковь, 22 – Богоявленская соборная церковь, 23 – Воскресенский собор, 24 – Сретенская (Пятницкая) церковь, 25 – Покровская церковь, 26 – Казанская церковь, 27 – церковь Иоанна Предтечи, 28 – Вознесенская церковь, 29 – питейный дом, 30 – палаты Вятской духовной консистории, 31 – Троицкий собор, 32 – колокольня, 33 – архиерейский дом, 34 – Царёво-Константиновская церковь, 35 – корпуса губернских присутственных мест, 36 – Спасский собор, 37 – конношенный двор, 38 – дома жителей Кафедрального собора, 39 – дом архиерейских певчих, 40 – дом церковнослужителей Кафедрального собора, 41 – дом служителей архиерейского дома, 42 – комплекс зданий Преображенского монастыря.

Рис. 1. Местоположение церкви Рождества Иоанна Предтечи в разные периоды существования г. Хлынова/Вятки/Кирова

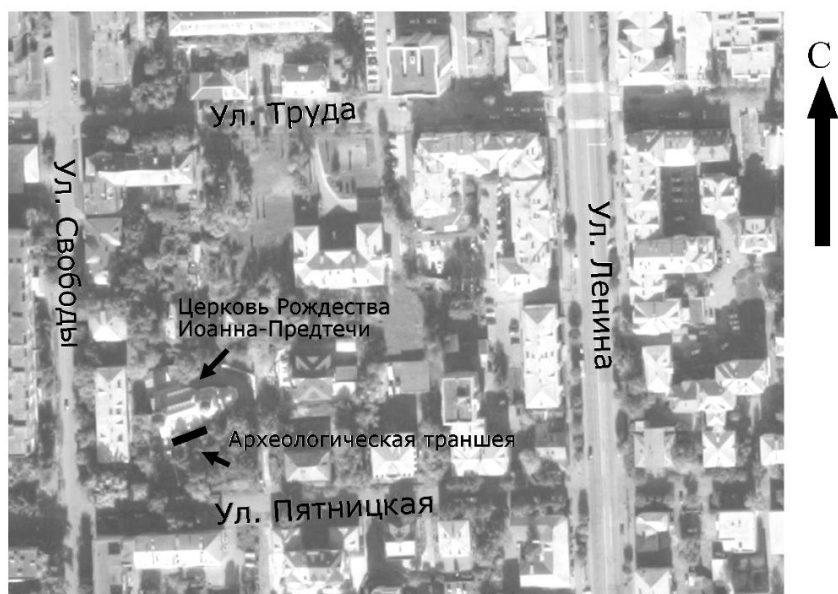
1. Схема объёмного построения церкви
Рождества Иоанна Предтечи в Хлынове
Чертеж окна церкви Рождества Иоанна Предтечи
в Хлынове
По А. Ю. Каптикову

2. Вид на церковь Рождества
Иоанна Предтечи
с юго-запада. Март 1968.
Фото А.Г. Тинского

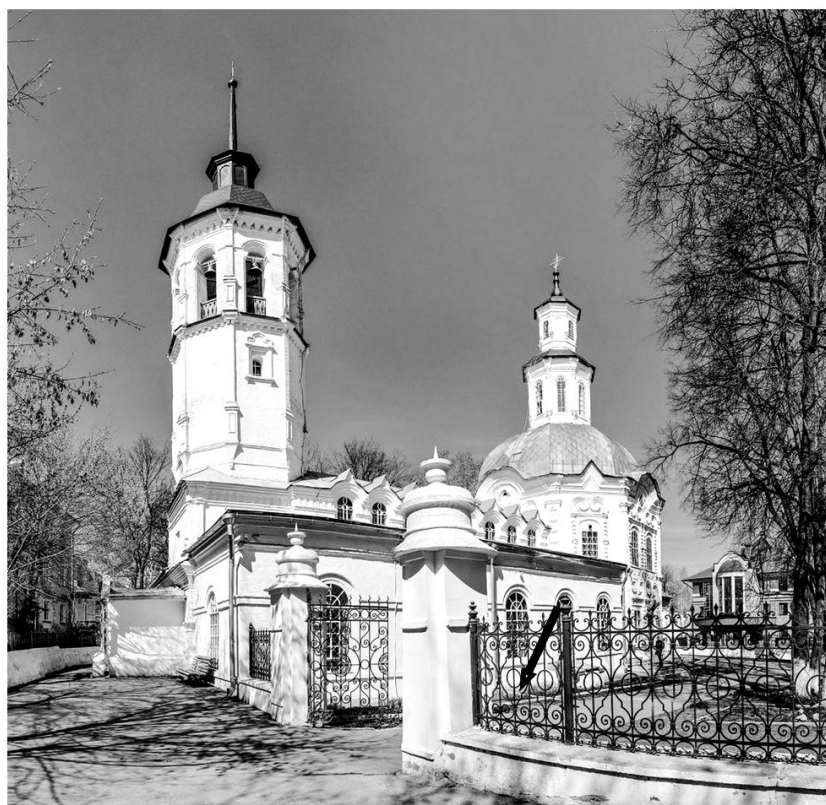

3. Южный фасад церкви Рож-
дества Иоанна Предтечи
с юго-запада. Март 1968.
Фото А.Г. Тинского

Рис. 2. Внешний вид церкви Рождества Иоанна Предтечи

1. Ситуационный план с указанием места проведения археологических работ в 1994 г.

2. Церковь Рождества Иоанна Предтечи. Современное состояние. Вид на северо-восток

Рис. 3. Местоположение археологических работ в 1994 г. по отношению к церкви Рождества Иоанна Предтечи

В 1991 г. был принят «Проект реставрации церкви Иоанна Предтечи (историко-архивные изыскания, обмер, рабочие чертежи на воссоздание верхних ярусов колокольни и завершения холодного храма)». Разработчиком проекта стал проектно-реставрационный кооператив «Реставратор». В тот же период в местной прессе появилось несколько статей по истории строительства и функционирования этой церкви. С 1993 по 2003 г. управлением (департаментом) культуры Кировской области выделялись государственные средства на производство реставрационных работ на храме [13, с. 30–31]. В 1994–1995 гг. воссозданы холодный храм и колокольня. Производством работ занималась фирма «Арсо». Ведущим архитектором проекта реставрации был И. Г. Носков [14, л. 4, 8, 10].

В период реставрации Кировским государственным объединенным историко-архитектурным и литературным музеем проводились работы по археологическому надзору. Исследования проводились под руководством старшего научного сотрудника краеведческого музея Е. А. Кошелевой [1, л. 1].

С южной стороны церкви вплотную к стене был заложен шурф-траншея с целью обследования фундамента – выявления прочности кирпичной кладки. Размеры траншеи 6×1,5 м, глубина до 3 м. В процессе обследования выяснилось следующее. Место расположения траншеи представляло собой относительно ровную площадку, без каких-либо перепадов высот (рис 3). Стратиграфия траншеи включала множественные напластования, состоящие из строительного мусора, гумуса, насыщенного битым кирпичом, и слоев фундамента (табл. 1, рис. 4.2).

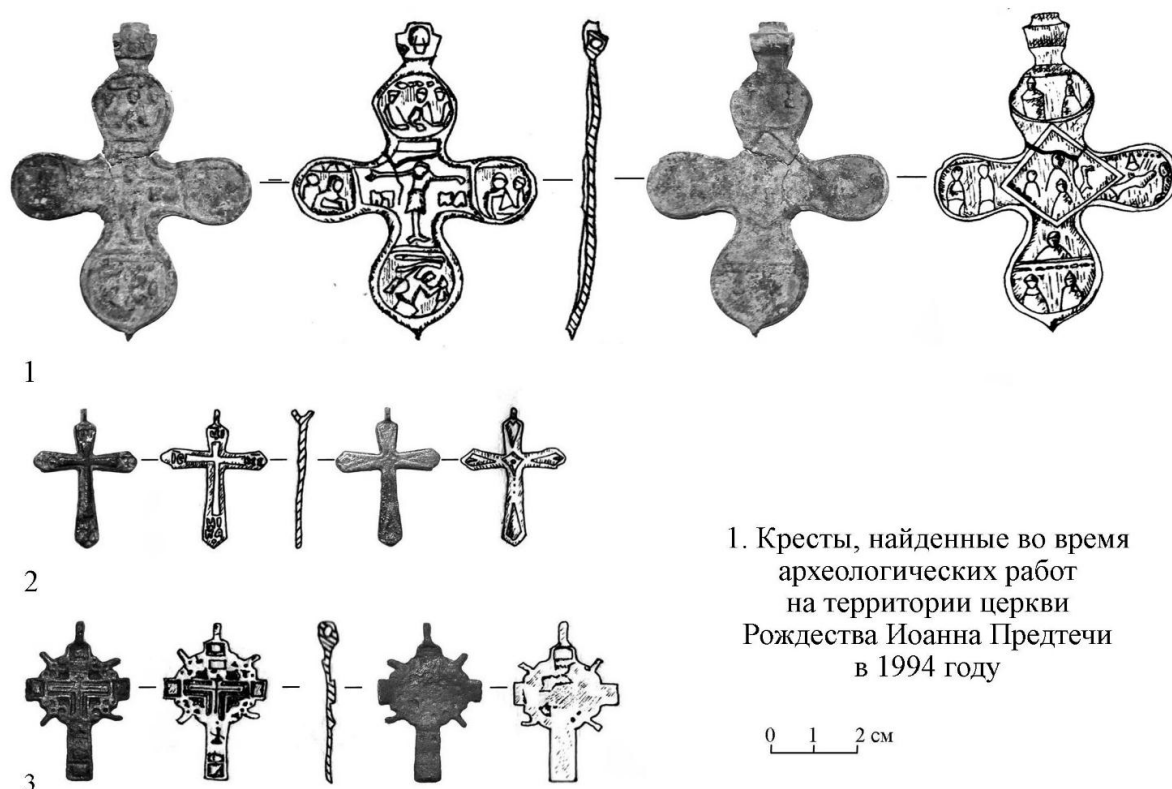
Таблица 1

Стратиграфия профилей стенок траншеи у церкви Рождества Иоанна Предтечи

Слои	Мощность
Северная стенка	
Кирпичная кладка	100 см
Фундамент из булыжника	50 см
Слой, насыщенный обломками кирпичей	100 см
Материк	–
Восточная стенка	
Дерн	10 см
Слой строительного мусора	190 см
Гумус	50 см
Материк	–
Западная стенка	
Дерн	20 см
Слой строительного мусора	120–180 см
Строительный мусор с обломками кирпичей	0–50 см
Гумус с обломками кирпичей	50–70 см
Гумус с корнями деревьев	70–80 см
Материк	–
Южная стенка	
Дерн	15 см
Слой строительного мусора	190 см
Гумус	50–80 см
Материк	–

Важными находками, происходящими из этой траншеи, стали три медных креста (рис. 4.1).

1. Крест наперсный четырехконечный двусторонний «Распятие Христово. Богоматерь Знамение». Изделие очень плохой сохранности. Верхняя лопасть отломлена от остальной части креста. Лицевая сторона содержит изображение «Распятие Христово» с поясными парными изображениями предстоящих Богоматери и святой Марии, апостола Иоанна Богослова и мученика Лонгина Сотника на левой и правой лопасти соответственно. На верхнем конце – Троица Ветхозаветная. На нижней лопасти изображен великомученик Никита, побивающий беса. На оборотной стороне в центре расположена «Богоматерь Знамение» (в ромбе) с символами Евангелистов, по концам лопастей идут образы избранных святых. Образцом для такого наперсного креста явился тип двустворчатого энколпиона XV в. Этот вид крестов бытовал со 2-й половины XVI в. по начало XVII в. [5, рис. 26; 2, с. 234].

1. Кресты, найденные во время археологических работ на территории церкви Рождества Иоанна Предтечи в 1994 году

2. Траншея у церкви Рождества Иоанна Предтечи

ПРОФИЛИ СТЕНОК

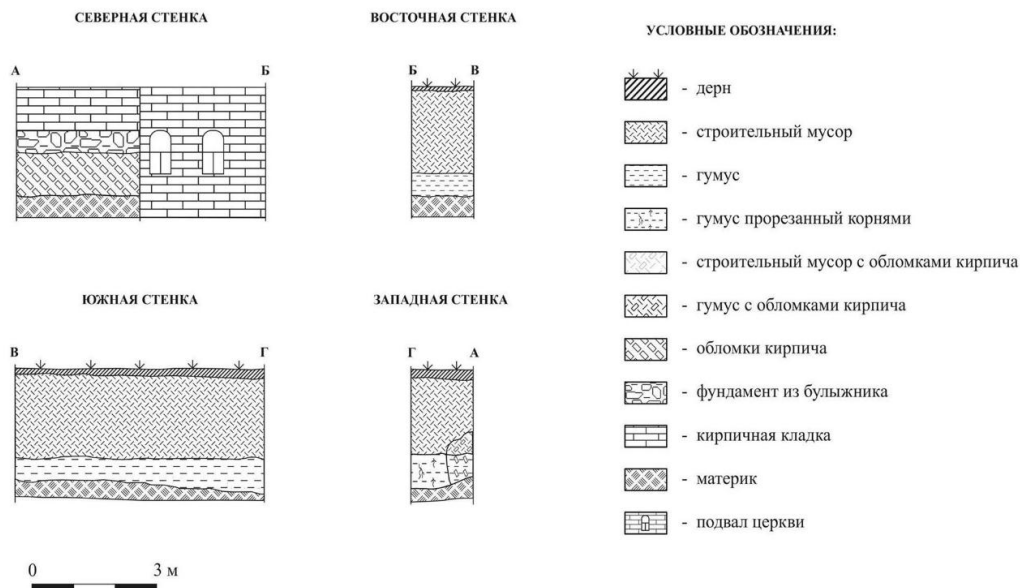

Рис. 4. Результаты археологических работ в 1994 г. во время реставрации церкви Рождества Иоанна Предтечи

2. Крест четырехконечный с расширяющимися лопастями, завершающимися ромбовидными выступами. В центральной части – рельефное изображение шестиконечного Голгофского креста. Оглавие имеет вид плоского ушка. В центральной части рельефное изображение вось-

миконечного Голгофского креста. На боковых оконечностях расположены монограммы «IC» и «XC» под титлами в фигурно оформленных зонах. Поверхность обратной стороны содержит изображения орудий Страстей Господних. Задняя поверхность креста покрыта геометрическим орнаментом. Время бытования данного типа – XVII–XIX вв. [4, с. 74].

3. Крест нательный четырехконечный с прямыми лопастями. Отличается наличием лучистого венца вокруг средокрестия (лучи имеют вид стерженьков). Крест с прямоугольными лопастями. В центральной части помещено рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с копьем и тростью у основания. Лопасты завершаются квадратными клеймами с вписанными в них ромбовидными фигурами, в которых содержатся надписи. В верхней оконечности размещена монограмма «ЦС» (Царь Славы), на боковых расположены «IC» (Иисус) и «XC» (Христос), а в нижней – «НК» (Ника). Время бытования данного типа – XVII–XIX вв. [4, с. 71].

Важность этих находок определяется несколькими факторами. Во-первых, крест № 1 является древнейшим найденным на территории г. Кирова¹. Во-вторых, находки крестов косвенно подтверждают факт существования приходского кладбища вокруг церкви Рождества Иоанна Предтечи на протяжении XVIII в. до 1771 года. Это позволяет включить данную территорию в одну из перспективных, для изучения погребальных памятников на территории современного г. Кирова. Как отмечает А. Л. Кряжевских, «подавляющее их большинство в настоящее время застроено различными городскими постройками и сооружениями, а некоторые почти полностью уничтожены в процессе целенаправленной ликвидации. С этим фактом связана достаточно высокая степень фрагментарности наших знаний об особенностях погребального обряда, антропологических и демографических характеристиках населения Хлынова-Вятки в XIV–XIX вв.» [7, с. 166]. Здесь же мы имеем дело с достаточно большой площадью не тронутой застройкой, что позволит в ходе дальнейших археологических исследований расширить наши социально-демографические знания о населении Хлынова в XVII–XVIII вв.²

Список литературы

1. Акт приема выполнения работ по археологическому надзору в исторической части г. Кирова, на территории церкви Иоанна Предтечи, по ул. Труда // Фонды Кировского областного краеведческого музея. Д. 17158. 4 л.
2. Алексеев А. В. Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья (предварительное сообщение) // Ставрографический сборник. Книга III : Крест как личная святыня : сб. статей / науч. ред. С. В. Гнутова. М. : Издательство Московской Патриархии ; Древлехранилище, 2005. С. 231–237.
3. Вятка. Памятники и памятные места // сост. М. Н. Бойчук. Киров, 2002. 260 с.
4. Глушкова А. В., Кайсин А. О. К вопросу о типологии нательных крестов из музейных собраний с территории Кировской области // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. № 7. С. 67–74.
5. Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Москва : ИнтербукПРЕСС, 2000. 127 с.
6. Капников А. Ю. Каменное зодчество русского Севера, Вятки и Урала XVIII в.: проблема региональных школ. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990. 184 с.
7. Кряжевских А. Л. История изучения и перспективы дальнейшего исследования погребальных памятников позднего средневековья и нового времени на территории г. Хлынова-Вятки // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 1 (25). С. 157–168.
8. Макаров Л. Д. Хронология древностей Вятской земли XII–XV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.). Хронологическая атрибуция : сб. статей / сост. и отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск : Удмуртский университет. С. 494–542.
9. Постановление Совмина РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327. URL: http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/usr_5584.htm (дата обращения 16.10.2019).
10. Спасский Н. А. Внешний вид Вятки // Труды по истории Вятского края / Н. А. Спасский. Киров, 2014. С. 16–59.
11. Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках. Киров, 1976. 228 с.
12. Православные храмы России, путешествие по святым местам. Иоанно-Предтеченский храм (Киров). 2014. № 111. 31 с.
13. Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской епархии / собиратель грамот В. Шабалин. Вятка, 1914. 513 с.

¹ На территории Кировской области во время археологических раскопок более ранние кресты были найдены на Никульчинском, Ковровском и Подчуршинском городищах [8, с. 513–515].

² Авторы выражают благодарность Людмиле Александровне Сениковой, к. и. н., научному сотруднику Кировского областного краеведческого музея за помощь в подготовке статьи.

14. ЦГАКО. Ф. Р-3922. Оп. 1. Д. 1041. Лл. 1–25. Картотека Тинского А. Г. г. Киров / ул. Свободы, 54-в / церковь И. Предтечи.

15. ЦГАКО Ф. 1404. Оп. 1. Д. 1. Лл. 196–210об. Летописец старых лет, что учинилось в Московском государстве и во всей Русской земле в нынешняя в последняя время.

Archaeological work on the restoration of the Church of the Nativity of John the Baptist in Kirov

A. O. Kaisin¹, M. K. Glazyrina², R. L. Starkov³

¹the head of the research archaeological laboratory, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: akai_slob@mail.ru

²student, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: rita_glazyrina1999@mail.ru

³scientific employee, Kirov Regional Museum of Local Lore. Russia, Kirov. E-mail: starkov-roman@mail.ru

Abstract. The article contains a description of the supervising archaeological works carried out by the Kirov Regional Museum of Local Lore. The Church of the Nativity of John the Baptist was the first stone church erected on the territory of the town of Khlynov. It was closed in the 1930s. In Soviet times, its building housed the party archive, and since 1969 – the planetarium. In 1991, the "Project of restoration of the Church of John the Baptist" was adopted. During the restoration of the Kirov State United Historical, Architectural and Literary Museum under the direction of E. A. Kosheleva carried out work on archaeological supervision. On the South side, close to the wall of the church, a pit-trench was laid for the purpose of inspecting the foundation. A pectoral cross was found in the trench, which became the oldest found on the territory of Kirov. The findings of other crosses indirectly confirm the existence of a parish cemetery around this Church during the XVIII century. This allows us to include this area in one of the promising for the study of funerary monuments in the territory of modern Kirov, as the vast majority of them are now built up with various urban buildings and structures, and some are almost completely destroyed.

Keywords: Khlynov, Kirov, Church of the Nativity of John the Baptist, pectoral cross, body crosses, archaeological supervision.

References

1. Akt priema vypolneniya rabot po arheologicheskomu nadzoru v istoricheskoy chasti g. Kirova, na territorii cerkvi Ioanna Predtechy, po ul. Truda – The act of acceptance of performance of works on archaeological supervision in historical part of Kirov, in the territory of Church of John the Baptist, on Truda str. // *Fondy Kirovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* – Funds of the Kirov Regional Museum of Local Lore. File 17158. 4 sh.
2. Alekseev A. V. Golicynskij klad proizvedenij russkogo srednevekovogo hudozhestvennogo lit'ya (predvaritel'noe soobshchenie) [Golitsyn treasure of works of Russian medieval art casting (preliminary report)] // *Stavrograficheskij sbornik. Kniga III: Krest kak lichnaya svyatynya : sb. statej* – Stavrographic collection. Book III: the Cross as a personal Shrine : collection of articles / scient. ed. S. V. Gnutova. M. The Moscow Patriarchate; Drevlekhranilische. 2005. Pp. 231–237.
3. *Vyatka. Pamyatniki i pamyatnye mesta* – Vyatka. Monuments and memorials // comp. M. N. Boychuk. Kirov. 2002. 260 p.
4. Glushkova A. V., Kaisin A. O. K voprosu o tipologii natel'nyh krestov iz muzejnyh sobranij s territorii Kirovskoj oblasti [On the typology of body crosses from Museum collections from the territory of the Kirov region] // *Vestnik muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* – Herald of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm pre-Urals. 2017. No. 7. Pp. 67–74.
5. Gnutova S. V., Zotova E. Ya. Kresty, ikony, skladni. Mednoe hudozhestvennoe lit'e XI – nachala XX veka iz sobraniya Central'nogo muzeya drevnerusskoj kul'tury i iskusstva im. Andreya Rubleva [Crosses, icons, folds. Copper art casting XI–early XX century from the collection of the Central Museum of ancient culture and art n.a. Andrei Rublev]. M. InterbookPRESS. 2000. 127 p.
6. Kaptikov A. Yu. Kamennoe zodchestvo russkogo Severa, Vyatki i Urala XVIII v.: problema regional'nyh shkol [Stone architecture of the Russian North, Vyatka and the Urals of the XVIII century: the problem of regional schools]. Sverdlovsk. Ural University. 1990. 184 p.
7. Kryazhevskij A. L. Istoriya izucheniya i perspektivy dal'nejshego issledovaniya pogrebal'nyh pamyatnikov pozdnego srednevekov'ya i novogo vremeni na territorii g. Hlynova-Vyatki [History of study and prospects for further research of funerary monuments of the late middle ages and modern times on the territory of Khlynov-Vyatka] // *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* – Theory and practice of archaeological research. 2019. No. 1 (25). Pp. 157–168.
8. Makarov L. D. Hronologiya drevnostej Vyatskoj zemli XII–XV vv. [Chronology of antiquities of Vyatka land of XII–XV centuries] // *Drevnosti Priam'ya epohi zheleza (VI v. do n. e. – XV v. n. e.). hronologicheskaya atribuciya : sb. statej* – Antiquities of the Kama iron age (VI century BC–XV century AD) chronological attribution : collection of articles / comp. and edited by R. D. Goldin. Izhevsk. Udmurt University. Pp. 494–542.

9. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of August 30, 1960 No. 1327 / / Available at: http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/usr_5584.htm (date accessed: 16.10.2019). (in Russ.)
10. Spasskij N. A. *Vneshnij vid Vyatki* [Appearance of Vyatka] // *Trudy po istorii Vyatskogo kraya*. – "Works on the history of Vyatka region" / N. A. Spasskij. Kirov. 2014. Pp. 16–59.
11. Tinskij A. G. *Planirovka i zastrojka goroda Vyatki v XVII–XIX vekah* [Planning and development of the city of Vyatka in the XVII–XIX centuries]. Kirov. 1976. 228 p.
12. *Sbornik hramozdannyh gramot na postroenie cerkvej v Vyatskoj eparhii* – Collection of Church-building certificates for the construction of churches in the Vyatka diocese / collector of letters V. Shabalin. Vyatka. 1914. 513 p.
13. *Pravoslavnye hramy Rossii, puteshestvie po svyatym mestam. Ioanno-Predtechenskij hram (Kirov)* – Orthodox churches of Russia, a trip to the Holy places. St. John the Baptist Church (Kirov). 2014. No. 111. 31 p.
14. Central State Archive of Kirov region. F. R-3922. Inv. 1. File 1041. Sh. 1-25. Card file of Dinskiy A. G. Kirov / Svobody str. 54-b. The Church of I. the Baptist.
15. Central State Archive of Kirov region. F. 1404. Inv. 1. File 1. Sh. 196-210 turn. *Letopisec staryh let, chto uchinilosya v Moskovskom gosudarstve i vo vsej Russkoj zemle v nyneshnyaya v poslednyaya vremena* – Chronicler of the old years, that uchinilosya in the Moscow state and throughout the Russian land in the present in the last time.

Книжность у старообрядцев Южной Вятки в 1920–30-е годы*

И. Ю. Трушкова¹, Е. И. Титова²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-2944-2446. E-mail: trushkova@vyatsu.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: usr06709@vyatsu.ru

Аннотация. Актуальность исследования книжности в старообрядческой среде в конкретных регионах и в России в целом определяется современными этнокультурными и общественно-политическими процессами, с их обращениями к разным этноконфессиональным сообществам, их духовным и экономическим ресурсам. В этой связи книжность выступает не только как маркер, но и как некое средоточие нравственного потенциала территориальных центров староверия. Проблемным представляется период 1920–30-х гг., с его сменой идеологической парадигмы, использованием новых рычагов давления, вариантов деструкций модели культуры «древлего благочестия» такого стабильно развивавшегося региона, как южная Вятка.

Целью статьи является анализ механизмов сохранения книжности у населения в данный период. Методы – сравнительно-исторические построения, «включенное наблюдение», этнографические и историко-бытовые экспедиционные исследования. Результаты исследования – реконструкция повседневного бытования книг у староверов южной Вятки. Направления использования включают прежде всего хранение (в том числе – сбережение от изъятия и уничтожения), использование культурных ценностей, передачу в музей и в нем уже использование в просветительной и другой работе. Кроме того, основополагающим продолжает быть направление использования в домашнем обучении. Полноценное воспроизводство книжного наследия староверия на южной Вятке в 1920–30-е гг. было остановлено и стало представляться в виде рукописных сборников, тетрадей, приобретенных в других регионах типографским способом отдельных изданий, частичной реставрацией отдельных экземпляров.

Выводы содержат обозначение алгоритмов бытования книжности в указанных хронологических и территориальных рамках, выявляются формы воспроизводства книжности – открытая и латентная, а также направления использования и специфика воспроизведения. Область применения результатов обозначается сферами культуры, образования, управления, молодежной и социальной политики, межрегиональных и внешних контактов.

Ключевые слова: старообрядческие подвижники, книжность, южная Вятка, повседневная история 1920–30-х гг., репрессии.

Введение. Старообрядчеству за последние два столетия его изучения посвящено немало работ историков, археографов, филологов и других специалистов-гуманитариев. Однако до сих пор недостаточно публикаций, касающихся XX в., в том числе таких серьезных с точки зрения общественных перемен 1920–30-х гг. Проблематичным представляется изучение рассматриваемого явления с точки зрения тех или иных концепций в разные исторические периоды. Так, после оголтелой критики старообрядчества в царские времена в советский период появились объяснения старообрядчества и с точки зрения пролетарской, классовой позиции, лояльные к большевистской политике. Типичный пример: «К прогрессивным сторонам раскола следует отнести освещение, то есть религиозное обоснование и оправдание различных форм сопротивления власти, официальной церкви, и феодально-крепостнического государства, борьбу за демократизацию церкви, разоблачение репрессивной политики царской и церковной властей в отношении старообрядцев и других верующих, не признававших официальной церкви, и оценку этой политики, как действий, противоречащих христианскому веро-

* Работа выполнена по проекту № 18-2-021031 «Сохранение, популяризация и исследование старообрядческой книжной культуры» Фонда Президентских грантов.

© Трушкова И. Ю., Титова Е. И., 2019

учению» [11, с. 219]. Отмечается также, что «большевики многих фабрикантов расстреляли, многие фабриканты бежали за границу, но А. И. (Морозов) остался на месте. Его не тронули большевики, так как на защиту его выступили все его фабрики, но выселили его из дома, и он поместился со своей женой в сторожке при старообрядческой церкви, ... в церкви он исполнял обязанности звонаря и старосты, ... в ближайшей роще собирал дрова, топил печи, ... большевики ставили его трудолюбие в пример своим товарищам» [5, с. 472]. Тем не менее, равно как и другие религиозные течения в эпоху атеизма, старообрядчество подвергалось притеснениям, власти пытались свести и это конфессиональное явление к минимуму. В таких условиях крайне затруднительно было воспроизводить рассматриваемую культурную систему, в том числе и передавать из поколения в поколение такие ценности мирового значения, как рукописные и печатные старообрядческие книги. Проблема исследования – выявить и проанализировать механизмы воспроизводства старообрядческой культуры в крайне агрессивных внешних условиях, при классовом прессинге, и в условиях развития индустриальной эпохи советского образца. Общая тема обозначается как история старообрядческой книжности в советский период в конкретном регионе – в Кировской области.

Цель работы – анализ механизмов сохранения книжности; при этом задачи определяются как выявление направлений использования и воспроизводства книжного наследия староверия в советский период в Кировской области.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации «культурных технологий» предыдущих эпох в индустриальное время, практическое применение исследуемого материала обнаруживается в сферах культуры и образования, управлении этноконфессиональными процессами, молодежной и социальной политикой. Именно поэтому исследование подобных сюжетов необходимо и актуально на региональных и общестрановом уровнях.

Методы. Особое значение при такой постановке проблемы отводится микроисторическому методу, позволяющему реконструировать явления повседневной истории и быта, с его довольно высокой степенью объективности. Также повседневная история достаточно полно может быть воспроизведена при помощи этнографических/антропологических изысканий, особенно на региональном уровне. Как известно, микроистория помогает проводить интегрированный анализ множеств различных аспектов и при этом увидеть людей, участников изучаемых событий [23, с. 28].

Важную роль при этом играет метод «включенного наблюдения». Архивные, музейные и некоторые иные источники подвергаются обработке соответствующими методиками. Исследование истории локальных моделей культуры старообрядчества и книжности посредством применения описанных выше методов призвано повысить степень объективности и обойти политизированное восприятие староверия на местах.

Результаты. Благодаря конкретному сочетанию тематических и методологических ракурсов реконструируется определенная картина воспроизводства культуры староверия и книжности в ней в переломный период – 1920–30-е годы.

Изначально, еще на материалах XIX столетия, воссоздается определенная картина отношения к книгам и чтению в старообрядческой среде Вятского края.

Через чтение книг религиозного содержания старообрядцы с детства детальнее усваивали догматы православия. Сопереживания при чтении описаний подвигов мучеников за веру укрепляли веру: «Сердце у меня сызмальства уже к Богу лежало. Как стал себя помнить, как грамоте обучился, только о святом деле и помышление в уме было. Начитаешься, бывало, на ночь, какие святые отцы мучения претерпевали, какие подвиги совершали, на сердце ровно сладость какая прольется: точно вот плывешь или вверх уносишься. И уснешь-то, так и во сне-то видишь все, как они, наши заступники, в лютых мучениях имя божие прославляли и на мучителей своих божеское милосердие призывали» [12, с. 368].

Чтение книг религиозного содержания существовало практически во всех старообрядческих общинах. Как и молитва, это мыслилось чистым, святым занятием [17, с. 522]. Мир книг обрамлялся и другими бережно хранимыми предметами, особенно моленной одеждой. Как правило, в ней сохранялось немало традиций. «Наибольшая архаика представлена в старообрядческих костюмах – синих, коричневых круглых сарафанах, иногда косоклинных с рядом ажурных пуговиц спереди по центру. Необходимым дополнением были и шали, платки больших размеров, закрывающих при надевании кисти рук» [18, с. 356].

Воспроизводство и использование книжности до 1917 г. и в далеких уголках российской провинции ознаменовалось некоторой вольностью недолгого «золотого века» старообрядче-

ства, длившегося с 1905 по 1917 гг. Типография Л. А. Гребнева в южной Вятке – яркое тому подтверждение, ее известность выходила за пределы региона, а Ст. Тушка стала центром плодотворной работы по воспроизведению культурных ценностей «древнего благочестия». Вообще южная Вятка – богатый край, включавший целое созвездие старообрядческих поселений. Среди них – не только Старая Тушка, но и Русский Турек, про который еще в начале XX века отмечалось, что он – центр староверия, «богатое село, где живут местные лесоторговцы. Среди них – представители различных раскольнических толков» [1, с. 163].

После 1917 г., после смены власти начались деструктивные явления в отношении старообрядчества. На уровне микроистории, биографии отдельных личностей просматривается течение исторических событий в масштабе локуса. Так, например, биография известного старообрядческого писателя, просветителя, библиофила, художника, основателя типографии в южной Вятке Луки Арефьевича Гребнева, записанная с его слов, включает небезынтересные факты. «В 1917 г. в августе-сентябре был на всероссийском съезде поморских общин при Преображенском кладбище, кроме меня присутствовал на этом съезде и г-н д. Б Пальников Немского района Бабкин Леонтий Филиппович. Второй раз на Всероссийском съезде общин «поморцев» в Москве при Преображенском кладбище был делегатом от поморской тушкинской общины верующих в 1924 году. Кроме того, я имел приглашение на съезд поморцев в г. Саратов в 26 году, но выехать не пришлось с руководством Преображенского кладбища я был знаком и имел небольшую переписку, а также личное свидание в Москве с Кистановым Родионом Ивановичем, бывшим экономом Преображенского кладбища, Семеновых Евтихий Титович – мой компаньон по типографии, был служителем культа. Кроме того, я знаю еще Суворова Никиту Федоровича, бывшего управляющего типографией Преображенского кладбища, который имел переписку с жившим в Истории (орфография сохранена) Фроловым Гаврилом Ефимовичем, смотритель культа, который писал ему, что Царство Антихриста убито, а поэтому придет приближение Страшного суда. С руководителем областного совета в г. Саратове я знаком с Воробьевым Федором Васильевичем с которым имел личное общение в дер. Дергачах и тушке и в г. Москве. Имел с ним переписку и вплоть до 31 года». Еще один ракурс событий тех лет: «...центра поморского движения у нас нет, но иногда с каким-либо недоуменным вопросом мне приходилось обращаться в Москву к Кистынову Родиону Ивановичу и в город Саратов к Воробьеву Федоту Васильевичу. В Б-Пальниковском молитвенном доме я служил с марта 1931 года, сначала за штатным попом, а в последствии штатным, за период моей службы в Б-Пальниках у нас было создано одно молебное собрание, на котором решался вопрос о выборах членов церковного совета и утверждении меня на должность священника Б-Пальниковского молитвенного дома» [22, л. 81–82]. После революционных потрясений и гражданской войны старообрядцы в глубинке начинали задумываться, как им отреагировать на судьбоносные изменения, как сохранить общины, книжное наследие, другие духовные ценности.

Воспроизводство религиозности в первые десятилетия советской власти продолжалось по инерции, на основе того наследия, которое было сформировано в предыдущие десятилетия и даже столетия. Новые архивные документы позволяют реконструировать детали жизни деревенской старообрядческой общины. Так, в «Показаниях по существу дела» дается следующее описание жизни Л.А. Гребнева в то время: «Происхожу я родом из дер. Дергачей Уржумского района, где жил до 1907 года, занимаясь иконописанием. С 1907 г. по 1908 гг. работал в Старообрядческой типографии в г. Москве, при Преображенском кладбище. С 1909 г. переехал в дер. Тушку Малмыжского района, где была иконописня, типография и словолитня с применением рабочих от 3 до 6 человек» [22, л. 80].

Типография Гребнева заработала на полную мощность после того, как вместе с Лукой Арефьевичем вернулись из Москвы учившиеся в типографии при Преображенской общине Николай Фукалов, Григорий – Матвея Серапионова сын, Степан Шмаков, Федор Черезов и Григорий сын Федосея Ивановича Фукалова. А Николай Матвеевич даже невесту себе нашел в Преображенской общине. Все они были парни толковые. Освоили в Москве все основные типографские профессии. Могли грамотно набирать текст, работать на печатной машинке и переплетать книги. Большим спросом пользовались богослужебная литература. Молились многие по рукописным книгам, не всегда грамотно переписанным. Поэтому Лука Арефьевич начал работу с выпуска Псалтыря, Часовника, Канонника и других богослужебных книг [6, с. 74]. Его главной заботой оставалась помощь людям, помощь единоверцам, укрепление старообрядчества как морально-нравственной основы.

Стремительно развивалась новая идеологическая работа. Л. А. Гребнев вспоминал: «Типография прекратила работу в 1917 году, а изъята в 1918 г., 18 октября. С 1920 г. по 1929 г.

было меднолитейное производство по производству крестов и икон с применением одного сезонного рабочего. Лишен избирправа в 1928 г. В 1930 г. был окончательно раскулачен. Из с. Тушки выбыл в с. Турек и 2 м-ца жил при молельне. Весной в марте м-це 31 г. переехал в дер. Б. Пальники Немского района и жил у своего знакомого Бабкина Леонилия Филипповича. С октября м-ца 31 г. стал служителем культа Б-Пальниковкой поморской общины о настоящее время. Живя в дер. Тушке, я был церковным старостой Тушкинской религиозной общины "поморцев" в течение 17 лет» [22, л. 80]. Показательно, что постепенно, шаг за шагом новые власти начинали преследования религии, воинствующий атеизм набирал силы.

После конфискации типографии Гребнев с сыном и несколькими помощниками вплоть до 1929 г. продолжал писать и отливать кресты и иконы. Из его мастерской выходили также колокольчики, шестерни для дрелей, медные втулки для тарантасов. По воспоминаниям З. М. Черезова, для лучшего освещения помещения в темное время в Гребневском доме «к потолку были подвешены большие стеклянные шары на блоках, которые наливались водой, и сбоку ставились лампы». Также Гребнев занимался садоводством и в голодный 1921 год многим помогал продуктами, никогда не требовал возврата, полагаясь на совесть... Собеседник он был интересный, много знал, легко ориентировался в любых вопросах. И хотя он придерживался строго древнего благочестия федосеевского согласия, но не был никогда занудой и моралистом, уважал мнение других и терпимо относился к сторонникам других вероисповеданий [6, с. 58].

Штрихи повседневности улавливаются в описании быта, дома, в котором жил подвижник веры. «В доме, кроме не застеленного, но хорошо проскобленного стола, простых лавок вдоль стен, деревянной кровати у порога под полатами, накинутой лоскутным одеялом, никакой мебели больше не было. В юго-восточном углу, как и во всех избах, висела божница с двумя потемневшими иконами. На голой стене в простынке между окнами была прибита гвоздочками вырезанная из журнала «Пчела» черно-белая копия картины «Бурлаки на Волге» [6, с. 80]. Мириады микродеталей воспроизводят картину жизни верующих людей весьма объективно.

В 1920–30-е гг. воспроизводить религиозные ценности в чистом виде не удавалось, поэтому активизировалась работа по их сохранению в качестве памятников истории и искусства. Логично, что Л. А. Гребнев принимал активное участие в работе Ново-Тушинского сельского музея местного края в с. Рожки Малмыжского уезда, успех которого во многом определялся его заведующим А. И. Янкиным.

Говоря о сохранении книжности в то время, следует отметить, что все самое ценное: собрание старинных книг и рукописей, образцы шрифтов, клише заставок, некоторую продукцию своей типографии, неразобранные бумаги и записные книги – он дважды передавал своему новому другу, молодому учителю Александру Ивановичу Янкину для его музея местного края [6, с. 105]. Не случайно «наиболее ценным и богато обставленным отделом являлся старообрядческий, заведомый бывшим владельцем известной официальной типографии в селе Старая Тушка, тонким гравером и художником Лукой Арефьевичем Гребневым, сдавшим в музей много дорогих пожертвований в качестве экспонатов» [13, с. 2].

Краеведческое движение стало популярным в крае. В июне 1923 г. в г. Вятке прошел первый областной съезд краеведов [19, с. 24]. А. И. Янкин неоднократно выступал и отчитывался на краеведческих мероприятиях. В одном из отчетов значилось: «Работа музея началась более регулярная после ухода заведующего музеем с работы в школе. Научная работа в музее главным образом рождается в текущей работе, то есть прием посетителей с научным объяснением экспонатов. Посетителей за 1923 год перебивало в музее 2178 человек. А с момента основания музея в 1921 году – 4873 человека. Разработка научных вопросов, касающихся нашего края в настоящее время в музее вполне возможна. Музей вообще имеет педагогический уклон и практически ведет пропаганду за проведение в жизнь школы 1 ступени исследовательского метода с краеведческим принципом, для чего при музее образована педагогическая секция, поставлена себе цель – проведение в школу 1 ступени исследовательского метода» [21, л. 66].

Еще пример: «Заслушав доклад заведующего Ново-Тушинским музеем местного краеведения в с. Рожках А. И. Янкина о краеведении в библиотеке, съезд работников внешкольного образования Малмыжского уезда постановил: «Доклад А. И. Янкина принять к руководству и краеведение как верное орудие в познании своей родины и рычаг поднятия культурного и экономического положения России. Признать в библиотеке за основу в работе просвещения народных масс уезда, просить Уполитпросвет изыскать средства к распространению по биб-

лиотекам журналы «Музейные проблески» [21, л. 71]. Сам Александр Иванович отмечал, что особенностью этого региона является преобладание старообрядцев, отличающихся особенной трудоспособностью, восприимчивостью и силой воли. Исторические условия выработали в местном старообрядческом населении привычку неустанно работать, постоянно проявлять свою инициативу и изобретать, непрерывно увеличивать свое благосостояние. [21, л. 72]. Немалую роль в этом деле сыграл и Л. А. Гребнев. Лука Арефьевич принимал экскурсантов у себя дома, знакомил их с историей старообрядчества, в 1924 г. получил благодарность от властей «за содействие местному музею и за пожертвование многих ценных древнерукописных и первопечатных книг» [4].

Однако не все в общественной и религиозной жизни выглядело спокойно. Волна репрессий докатилась и до Л. А. Гребнева. Его арестовали и судили в связи с коллективизацией и раскулачиванием. «В самой идее коллективизации нет ничего криминального. Другое дело – как она воплощается в жизнь» [2, с. 14]. В материалах дела Л. А. Гребнева значились его слова: «Сам же я лично убежден, что коллективизация вредна для религии, так как там, в колхозах, люди разлагаются и большинство не верит в бога. Против проводимых мероприятий советской власти я никогда не агитировал, но и в то же время ничем ей не помогал, а был пассивен, ибо мне, как имеющему религиозные убеждения с малых лет, трудно было согласиться с теми порядками, которые существуют в настоящее время. Имея иконописную мастерскую, типографию и меднолитейный завод не в целях извлечения прибыли, а их чисто религиозных убеждений, т. е. способствовать укреплению религии» [22, л. 84]. Безусловная сила духа и преданность делу, воистину святое отношение к книгам, другим предметам культа были свойственны старообрядцам в довоенное время. Известно, что в старообрядчестве и в советское время сохранялась сильная традиция отвержения компромисса с властью, главным выражением которой являлся побег, нелегальное положение, а в идеологическом плане – «усиленное распространение представлений об антихристовой природе послереволюционной власти и близком конце света» [3, с. 206].

Особенности воспроизведения книжности в староверии в Кировской области в XX в., и в том числе – в 1920–30-е гг., реконструируются по материалам этнографических экспедиций [7], этнографических и историко-бытовых экспедиций [8]. Экспедиционные нарративы дополняются музейными источниками – фонды некоторых районных музеев содержат уникальные культовые и бытовые предметы старообрядцев региона, находившиеся в той или иной степени использования на протяжении XX в. [9]. Основное направление использования – хранение в качестве культурных ценностей семьи, воспоминания, домашнее обучение.

В 1920–30-е гг. обозначились алгоритмы, которые позднее воспроизводились во все советские годы. На протяжении всей жизни определенным образом явно или латентно старообрядцами региона использовались книги – как хранимые, так и используемые в богослужебных целях. «Большую роль в передаче духовного опыта староверов играла и играет книга... В советский период, несмотря на правительственные меры, книги в старообрядческой среде не только продолжали бережно храниться, но и активно переписывались, благодаря чему до сих пор бытуют у вятских староверов» [14, с. 112, 144].

В старообрядческой среде детей приучали к книгам с малолетства. Общеизвестен факт раннего обучения детей грамоте в староверческих семьях: «...бывало и в пять лет уж только за книгу садили, бывало, как научится говорить – ко книгам приучали...» [16, с. 175]. В целом, «длительное сохранение традиции в отдельных локусах, даже в период развитого социализма. этнокультурная микроистория отдельных местностей корректирует некоторые общие положения о практически полном стирании этнической и религиозной идентичности в рассматриваемом сообществе и показывает детализированные пути и направления ее воспроизводства» [15, с. 82].

Утвердившаяся в 1920–30-х гг. политика атеизма, дисперизация семей и общин привели к тому, что на сегодняшний день лишь определенные книжные коллекции имеются в бытовании у староверов-беспоповцев и староверов-поповцев. По сути, постоянное репрессивное отношение властей, ветры перемен, собиратели и коллекционеры работали на уменьшение книжных собраний, находящихся в «родной среде». Тем не менее подвижничество и традиции воспитания у старообрядцев влияли на снижение скорости выветривания книжного наследия. Из современных примеров сохранения и использования книжности – инициатива молодых старообрядцев собирать и реставрировать книги, чтобы эти ценнейшие памятники истории и культуры могли в более сохранном виде перейти по наследству к будущим поколениям.

Так, анализ механизмов сохранения книжности на южной Вятке, как и в Вятском регионе, в 1920–30-е гг. показал, что среди направлений использования выявляется хранение (в том числе сбережение от изъятия и уничтожения), использование как культурных и музейных ценностей, а также в домашнем обучении. Воспроизводство книжного наследия староверия в советский период в Кировской области представлено фрагментарно, в виде рукописных сборников, тетрадей, приобретенных в других регионах типографским способом отпечатанных календарей, богослужебных книг, а также реставрации отдельных экземпляров.

Обсуждение. Интерпретации полученных результатов соотносятся с региональной компаративистикой этнокультурного наследия старообрядчества. Результаты этнического Ренессанса, образование на постсоветском пространстве вместо союзных республик независимых государств несколько видоизменили прежние культурные и семейные контакты старообрядцев, живущих в Вятском регионе. Исторические связи и возможность посещать обозначенные территории в их новом статусе выявили наличие некоторых общих черт в этнокультурах староверов [10; 20, с. 54–60]. Но везде по-прежнему воспроизводится архи-уважительное отношение к книгам. Сходства в характеристике материальной и духовной жизни, в повседневности можно объяснить длительным существованием в едином российском государстве, общими устоями, традициями. Различия, разумеется, выводятся из-за локальной специфики, конкретной комбинаторики внешних факторов, воздействовавших на региональные модели и т. д.

Применение на практике полученных результатов очерчивается не только сферами культуры и образования, но и управления, выстраиванием межэтнических и межрелигиозных отношений, формулированием муниципальной, региональной, федеральной и межстрановой политики.

Заключение. Таким образом, актуализация комплексного и детального восприятия различных этноконфессиональных сообществ в России привела к новому витку значимости исследований региональных моделей старообрядческой культуры. Ярким сюжетом в них предстает книжность, с рядом закономерностей воспроизводившаяся на южной Вятке в 1920–30-е гг. Среди направлений ее использования – открытых и латентных – сбережение и изучение в качестве культурных памятников, использование в домашнем обучении и воспитании, восприятие как символа этнической и конфессиональной идентичности. В качестве перспектив исследования можно обозначить проработку подобных сюжетов в иных хронологических рамках, территориях и детализацию современного использования книжного наследия старообрядчества в разных сферах общественной жизни.

Список литературы

1. Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев : Тип. Эд. Бергмана, 1904. 180 с.
2. Карачаров Ю. Г. Все равно буду жить! Киров : Кировское отделение Волго-Вятского книжного издательства. 1990. 192 с.
3. Коровушкина-Пярт И. П. Старообрядчество Урала в годы сталинской «революции сверху»: репрессии, протест и выживание / И. П. Коровушкина-Пярт // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург : Молот, 2001. С. 206–217.
4. Лука Арефьевич Гребнев. URL: <http://religiocivilis.ru/hristianstvo/christ-g/11769-grebnev-luka-refevich.html>.
5. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. 557 с.
6. Мосунов Б. А. Книгопечатник Лука Гребнев. Повесть и очерки. Киров : Старая Вятка, 2008. 115 с.
7. ПМА Трушкова И. Ю. Уржумский, Малмыжский, Омутнинский, Мурашинский, Нолинский, Немский, Унинский, Вятско-Полянский, Кильмезский, Афанасьевский р-ны Кировской обл., 1990–2019 гг.
8. ПМА Титова Е. И. Уржумский, Малмыжский р-ны Кировской области, 2003–2019 гг.
9. ПМА Трушкова И. Ю. Афанасьевский р-н, фонды и экспозиция Афанасьевского краеведческого музея; ПМА Трушкова И. Ю. Кильмезский р-н, фонды и экспозиция Кильмезского краеведческого музея.
10. ПМА Трушкова И. Ю., Титова Е. И. Молдавия, Румыния, Польша, Латвия, Литва, 2018.
11. Русское православие: вехи истории. Москва : Изд-во политической лит-ры, 1989. 720 с.
12. Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки : собр. соч. Т. 2. М. : Художественная литература, 1965. 560 с.
13. Семибратов В. К. Александр Иванович Янкин // Уржумская старина. № 2. Март-апрель, 1991. С. 1–3.
14. Титова Е. И. Система образования у старообрядцев в Вятском регионе в XIX–XX веках. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2016. 258 с.

15. Титова Е. И., Трушкова И. Ю. Старообрядческие иконы в быту населения Уржумского района Кировской области во второй половине XX вв. // Вестник ВятГУ, 2017. № 11. С. 80–83.
16. Трушкова И. Ю. Этнопедагогика в культуре старообрядцев Вятского региона // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения : материалы науч. конф. Пермь, 2001. 282 с.
17. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения). Киров : Маури-принт, 2003. 722 с.
18. Трушкова И. Ю. Традиционные костюмные комплексы Вятского края (проблемы формирования, взаимовлияния, современного состояния) // История и культура Вятского края. Т. 2. М. ; Киров : Константа, 2005. С. 293–510.
19. Трушкова И. Ю. Этнографические исследования в Кировской области и Вятский государственный гуманитарный университет // Вятская земля в прошлом и настоящем. К 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 21–28.
20. Трушкова И. Ю. Старообрядческие общины в российском зарубежье: штрихи этнокультурной повседневности в конце XX – начале XXI вв. // Вестник гуманитарного образования. История. Филология. Культурология. 2018. № 3(11). С. 54–60.
21. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. Р-1266. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 66–72.
22. ЦГАКО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-10165. Л. 80–84.
23. Шлюмбом Ю., Кром М., Заколл Т. Микроистория: большие вопросы в маленьком масштабе // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб. : Алетей, 2003. С. 7–28.

Bookishness among the old believers of South Vyatka in the 1920–30-ies

I. Yu. Trushkova¹, E. I. Titova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-2944-2446. E-mail: trushkova@vyatsu.ru

²PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: usr06709@vyatsu.ru

Abstract. The relevance of the study of bookishness in the old believer environment in specific regions and in Russia as a whole is determined by modern ethno-cultural and socio-political processes, with their appeals to different ethno-confessional communities, their spiritual and economic resources. In this regard, bookishness acts not only as a marker, but also as a kind of focus of the moral potential of the territorial centers of old believers. The period of 1920–30-ies, with its change of ideological paradigm, the use of new levers of pressure, variants of destruction of the model of culture of "ancient piety" of such a steadily developing region as South Vyatka, seems to be problematic.

The purpose of the article is to analyze the mechanisms of preservation of bookishness in the population in this period. Methods are comparative-historical constructions, "included observation", ethnographic and historical-everyday expedition researches. The results of the study are the reconstruction of the everyday existence of books among the old believers of southern Vyatka. Areas of use include primarily storage (including saving from seizure and destruction), the use of cultural values, transfer to the museum and usage in educational and other work within it. In addition, the direction of use in home education continues to be fundamental. The full reproduction of the book heritage of the old believers in the southern Vyatka in the 1920–30-ies was stopped and began to be presented in the form of handwritten collections, notebooks acquired in other regions by the printing method of individual publications, partial restoration of individual copies.

Conclusions contain designation of algorithms of existence of bookishness in the specified chronological and territorial frameworks, forms of reproduction of bookishness – open and latent, and also directions of use and specificity of reproduction are revealed. The scope of application of the results is indicated by the spheres of culture, education, management, youth and social policy, interregional and external contacts.

Keywords: old believer ascetics, bookishness, South Vyatka, everyday history of the 1920–30-ies, repressions.

References

1. Zelenin D. K. *Kama i Vyatka. Putevoditel' i etnograficheskoe opisanie Prikamenskogo kraya* [Kama and Vyatka. Guide and ethnographic description of the Kama region]. Yuriev. Typ. of Ed. Bergman. 1904. 180 p.
2. Karacharov Yu. G. *Vse ravno budu zhit'!* [I will still live!] Kirov. Kirov branch of the Volga-Vyatka book publishing house. 1990. 192 p.
3. Korovushkina-Pyart I. P. *Staroobryadchestvo Urala v gody stalinskoj "revolyucii sverhu": repressii, protest i vyzhivanie* [Old believers of the Urals in the years of Stalin's "revolution from above": repression, protest and survival].

and survival] / I. P. Korovushkina-Part // *Problemy istorii Rossii. Vyp. 4. Evrazijskoe pogranich'e* – Issues of the history of Russia. Issue 4. The Eurasian Borderlands. Ekaterinburg. Molot. 2001. Pp. 206–217.

4. *Luka Aref'evich Grebnev* – Luka Arefyevich Grebenev. Available at: <http://religiocivilis.ru/hristianstvo/christ-g/11769-grebnev-luka-refevich.html>.

5. *Mel'nikov F. E. Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoj (staroobryadcheskoj) cerkvi* [Brief history of the old Orthodox (old believer) Church]. Barnaul. BSPU. 1999. 557 p.

6. *Mosunov B. A. Knigopechatnik Luka Grebnev. Povest' i ocherki* [Book printer Luka Grebenev. Novel and essays]. Kirov. Staraya Vyatka. 2008. 115 p.

7. *PMA Trushkova I. Yu. Urzhumskij, Malmyzhskij, Omutninskij, Murashinskij, Nolinskij, Nemskij, Uninskij, Vyatsko-Polyanskij, Kil'mezskij, Afanas'evskij r-ny Kirovskoj obl., 1990–2019 gg.* [Urzhum, Malmyzh, Omutninsk, Murashy, Nolinsk, Nema, Uny, Vyatskie Polyany, Kilmez, Afanasyevo districts of Kirov region, 1990–2019].

8. *PMA Titova E. I. Urzhumskij, Malmyzhskij r-ny Kirovskoj oblasti, 2003–2019 gg.* [Urzhum, Malmyzh districts of Kirov region, 2003–2019].

9. *PMA Trushkova I. Yu. Afanas'evskij r-n, fondy i ekspozitsiya Afanas'evskogo kraevedcheskogo muzeya* [Afanasyevo district, funds and exposure of Afanasyevo history museum of local lore]; *PMA Trushkova I. Yu. Kil'mezskij r-n, fondy i ekspozitsiya Kil'mezskogo kraevedcheskogo muzeya* [Kilmez district, funds and exposure of Kilmez museum of local lore].

10. *PMA Trushkova I. Yu., Titova E. I. Moldaviya, Rumyniya, Pol'sha, Latvija, Litva, 2018* [Moldova, Romania, Poland, Latvia, Lithuania, 2018].

11. *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* – Russian Orthodoxy: milestones in history. M. Publishing house of political literature. 1989. 720 p.

12. *Saltykov-Shchedrin M. E. Gubernskie ocherki : sobr. soch. T. 2.* [Sketches of Provincial life : coll. works. Vol. 2]. M. Khudozhestvennaya Literatura. 1965. 560 p.

13. *Semibratov V. K. Aleksandr Ivanovich Yankin* [Alexander Ivanovich Yankin] // *Urzhumskaya starina* – Urzhum Antiquity. No. 2. March-April, 1991. Pp. 1–3.

14. *Titova E. I. Sistema obrazovaniya u staroobryadcev v Vyatskom regione v XIX–XX vekah* [The system of education of old believers in the Vyatka region in the XIX–XX centuries]. Kirov. Raduga-PRESS. 2016. 258 p.

15. *Titova E. I., Trushkova I. Yu. Staroobryadcheskie ikony v bytu naseleniya Urzhumskogo rajona Kirovskoj oblasti vo vtoroj polovine XX vv.* [Old believer icons in the life of the population of Urzhum district of the Kirov region in the second half of the XX century] // *Vestnik VyatGU* – Herald of VyatSU. 2017. No. 11. Pp. 80–83.

16. *Trushkova I. Yu. Etnopedagogika v kul'ture staroobryadcev Vyatskogo regiona* [Ethnopedagogy in the culture of the old believers of the Vyatka region] // *Staroobryadcheskij mir Volgo-Kam'ya. Problemy kompleksnogo izucheniya : materialy nauch. konf.* – Old believer world of Volga-Kama region. Issues of complex study : materials of scientific research conf. Perm. 2001. 282 p.

17. *Trushkova I. Yu. Tradicionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX–nachale XX vv. (sistema zhizneobespecheniya)* [Traditional culture of the Russian population of Vyatka region in the XIX–early XX centuries (life support system)]. Kirov. Mauri-print. 2003. 722 p.

18. *Trushkova I. Yu. Tradicionnye kostyumnye komplekсы Vyatskogo kraya (problemy formirovaniya, vzaimovliyaniya, sovremennogo sostoyaniya)* [Traditional costume complexes of Vyatka region (issues of formation, mutual influence, modern state)] // *Istoriya i kul'tura Vyatskogo kraya* – History and culture of Vyatka Region. Vol. 2. M.; Kirov. Constanta. 2005. Pp. 293–510.

19. *Trushkova I. Yu. Etnograficheskie issledovaniya v Kirovskoj oblasti i Vyatskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet* [Ethnographic studies in the Kirov region and Vyatka State Humanitarian University] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem. K 100-letiyu Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Vyatka land in the past and present. To the 100th anniversary of Vyatka state humanitarian University. Kirov. VyatSHU. 2014. Pp. 21–28.

20. *Trushkova I. Yu. Staroobryadcheskie obshchiny v rossijskom zarubezh'e: shtrihi etnokul'turnoj povsednevnosti v konce XX–nachale XXI vv.* [Old believer communities in the Russian abroad: touches of ethnocultural everyday life in the late XX–early XXI centuries] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya*–Herald of humanitarian education. History. Philology. Cultural study. 2018. No. 3 (11). Pp. 54–60.

21. Central state archive of the Kirov region. F. P-1266. Inv. 1. St. unit 17. Sh. 66–72.

22. Central state archive of the Kirov region. F. P-6799. Inv. 8. File CY-10165. Sh. 80–84.

23. *Shlyumbom Yu., Krom M., Zakoll T. Mikroistoriya: bol'shie voprosy v malen'kom masshtabe* [Microhistory: big questions on a small scale] // *Proshloe – krupnym planom: sovremennye issledovaniya po mikroistorii* – Past close-up: modern research on microhistory. SPb. Alethea. 2003. Pp. 7–28.

Герой русской пикарески 1920–1930-х годов: особенности портрета и ценностной ориентации

В. Д. Миленко

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и русская литература»,
Севастопольский государственный университет.
Россия, г. Севастополь. E-mail: vika-milenko@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка комплексной характеристики особенностей портрета и ценностной ориентации героя русской пикарески (плутовской повести и плутовского романа) 1920–1930-х годов. Помимо этого, автор выявляет основные моменты соответствия либо расхождения этих характеристик с традиционным жанровым каноном.

Актуальность и научная новизна темы обусловлены недостаточной изученностью функционирования жанра пикарески в отечественной, в том числе советской, прозе; в сведении этой проблемы исключительно к изучению генеалогии и характерологии образа Остапа Бендера. Между тем диалогия И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой теленок» (1931) рассматривается в статье в общем контексте малоизвестных, забытых повестей и романов: «Рвач» (1924) и «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца» (1927) И. Г. Эренбурга, «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1925) А. Н. Толстого, «Чудесные похождения портного Фокина» (1925) В. В. Иванова, «Минус шесть» (1928) М. Д. Ройзмана, «История трех святых и некоторых посторонних» (1930) А. С. Бухова и др. Эти образцы сопоставляются с устойчивым жанровым каноном по следующим позициям: приемы внешней и внутренней характеристик героя-пикаро, поэтика его персонального девиза, ролевые границы его образа (самозванец, псевдонищий, псевдоцелитель, псевдопредсказатель, артист/комедиант, жених-альфонс и проч.).

Особое внимание автор уделяет ценностной ориентации героя, формирующей проблематику пикарески 1920–1930-х годов и позволяющей говорить о новом типе жанрового конфликта. Он определяется как столкновение выразителя буржуазно-индивидуалистического мировоззрения («бывшего» или плута-пикаро) с формирующимся социалистическим обществом («новыми» людьми).

Результаты исследования могут привлекаться в ходе изучения жанровой системы, а также сатирической проблематики русской советской литературы 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: пикареска, плутовской роман, пикаро, трикстер, жанровая традиция, жанровый канон, жанровый конфликт, ценностная ориентация, либертарный бунт.

Жанр пикарески (плутовской повести и плутовского романа), заявивший о себе в отечественной авантюрной прозе 1920 – начала 1930-х годов, редко привлекает внимание исследователей. Отдельные суждения в этой области традиционно встречаются лишь в связи с генезисом образа Остапа Бендера (Т. С. Афанасьева, С. А. Гандлевский, Н. И. Прохорова и др.). В этом современная наука следует предпочтениям советского литературоведения, проследившего жизнь пикарески преимущественно на европейском материале. Между тем достаточно обширный перечень произведений, созданных в два первых пореволюционных десятилетия в традициях этого жанра, позволяет говорить об отдельном направлении в русской советской прозе, а следовательно, и об особом типе героя, имеющем глубокую мифопоэтическую и литературную генеалогию.

Концепция героя во многом определяет жанровую сущность пикарески. Сам термин происходит от испанского *el pícaro* («пройдоха, мошенник, плут»), поэтому изучение той или иной национально-исторической «версии» старинного жанра невозможно без обращения к ее герою.

Некоторые пикаро советской литературы широко известны: тот же Бендер и его свита. Или Коровьев и Бегемот – булгаковские inferнальные плуты. Эти персонажи давно обрели

вторую жизнь в кинематографе, театре, монументальном искусстве. М. Н. Липовецкий увидел в народной любви к ним симпатию советского и постсоветского общества к трикстеру, противоположному «наивному герою», ипостаси Ивана-дурака, выдвинутому революционной эпохой [9, с. 224]. Однако пикаро в литературе 1920–1930-х годов было гораздо больше, и некоторые аспекты их систематизации (в частности, примерная типология) освещались нами и ранее¹.

Цель данной статьи – анализ особенностей портрета и ценностной ориентации героя русской пикарески 1920–1930-х годов; выявление основных моментов соответствия или расхождения этих характеристик с традиционным жанровым канонem. Материалом исследования послужили повести и романы: «Рвач» (1924) и «Бурная жизнь Лазики Ройтшванеца» (1927) И. Г. Эренбурга, «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1925) А. Н. Толстого, «Чудесные похождения портного Фокина» (1925) В. В. Иванова, «Сын Чичерина» (1926) Свэна (И. Л. Кремлева), «Минус шесть» (1928) М. Д. Ройзмана, «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой теленок» (1931) И. Ильфа и Е. Петрова, «История трех святых и некоторых посторонних» (1930) А. С. Бухова. Кроме того, позволим себе обратиться к «московским главам» «Мастера и Маргариты» (1929–1940) М. А. Булгакова. В том сложном жанровом синтезе, каким предстает этот роман, инерция пикарески играет одну из важных ролей.

Литературные жанры, как отмечал В. Е. Хализев, «имеют жизненные аналоги, которыми обуславливается их появление и упрочение» [14, с. 340]. Таким аналогом пикарески традиционно служат революционные и пореволюционные состояния общества, коим сопутствует духовное и физическое «бродяжничество» масс, пытающихся приспособиться и выжить. Актуализация пикарески в отечественной прозе 1920–1930-х годов (как и 1990-х) – факт закономерный и ожидаемый. Жанр зафиксировал определенную жизненную ситуацию, и некоторые его герои имели реальных прототипов. Достаточно вспомнить пестрый ряд претендентов на «отцовство» Остапа Бендера: Осип Шор, Александр Файнзильберг (старший брат Ильфа), Валентин Катаев, Виктор Шкловский... Другой пример: будущего героя романа «Рвач» И. Г. Эренбург, по его признанию, встретил во время работы в мофективной секции собеса. А прототипом Лазики Ройтшванеца гомельчане называют местного журналиста Григория Неймана [4].

Не стоит забывать и том, что биографии плутов 1920-х годов включали подлинные детали мытарств самих авторов. Мало кто из литераторов тех лет избежал смены различных (порой удивительных) профессий, не приторговывал и не скитался по стране. При внимательном чтении мемуаров того же Эренбурга «Люди, годы, жизнь» нетрудно заметить сходство между ним и его Михаилом Лыковым («Рвач»). «Меня избаловали, и, кажется, только случайно я не стал малолетним преступником», – признавался писатель [15, с. 55]. И далее: «...мне хотелось то удрать в джунгли Индии, то бросить бомбу в дом генерал-губернатора на Тверской, то повеситься» [15, с. 64]. Литературный Лыков эти интенции довел до абсолюта: каждая глава романа оканчивается его истерикой. У Эренбурга в детстве был девиз «Все или ничего!», у Лыкова – «Чтобы с розой в зубах и на смерть!». Самого себя в детстве Эренбург описал «мальчишкой с жестким чубом на голове». А вот портрет Лыкова: «Жесткие волосы с неукротимым чубом и не золотистого цвета, не то чтобы рыжеватые, нет, откровенно рыжие, рыжее не бывает. Чуб издали казался язычком огня» (курсив наш. – Авт.) [16, с. 16].

Отталкиваясь от портрета Лыкова, сразу отметим одну особенность внешности «пикаро 1920–1930-х годов» – рыжие волосы. «Рыжая шевелюра» Шуры Балаганова («Золотой теленок»), огненно-рыжие волосы Миши Лыкова, рыжие бороды Лазики Ройтшванеца («Бурная жизнь Лазики Ройтшванеца») и Игнатия Горбуля («История трех святых и некоторых посторонних»), «рыжеволосые жилистые ноги» Невзорова («Похождения Невзорова, или Ибикус»), «пестрые волосы» Фокина («Чудесные похождения портного Фокина») – все эти детали лежат в одном семантическом поле. Его достаточно широкие границы простираются от скандинавского мифа (рыжеволосый трикстер Локи) до отечественного фольклора (рыжая плутовка-лиса) и балагана (комик, которого называли «рыжим», «рыжей бородой», был напарником карусельного деда и у зрителя стойко ассоциировался с воровством). Однако, несмотря на кажущуюся очевидность такой портретной черты, для пикарески она не характерна.

В остальном же авторы 1920–1930-х годов вполне соблюдают традицию. Так, костюм героя содержит различные элементы кодифицированной информации, выступающей «социологическим маркером» (А. В. Дмитриев) его принадлежности к миру маргиналов. Здесь

¹ См.: Миленко В. Д. Плутловской герой русской советской прозы 1920-х годов: проблемы типологии // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. 2010. Вып. 18 (75). С. 65–73.

представлены детали несочетаемые, подобранные по принципу трагикомического контраста роскоши и нищеты. Первые – наследие прошлой, «бывшей» жизни героя, вторые – атрибуты новой. Подобный принцип восходит как минимум к «Истории жизни пройдохи по имени Дон Паблос» (1626) Кеведо-и-Вильегаса. Например, в костюме Бендера в «Двенадцати стульях» модные «апельсиновые» штиблеты надеты на босу ногу, а шарф – атрибут костюма одесского щеголя – старый. Ю. В. Подковырин увидел в этом своего рода философию, «особое отношение к внешности»: «...ненужным оказывается нижнее белье – интимно-домашний слой одежды: у Остапа не было под известными апельсиновыми штиблетами носков, в другом месте особо подчеркивается, что “под ковбойкой” Остапа “не было уже больше ничего”» [11, с. 193].

Отсутствие носков или несвежее нижнее белье символизируют нищету, деградацию и присутствуют также в портретных характеристиках Паниковского («Золотой теленок»), Коровьева, бывшего графа Чипицына («История трех святых и некоторых посторонних»). У первого «брюки были настолько коротки, что обнажали белые завязки кальсон»; у второго «брючки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки»; у третьего «чрезвычайно высоко поднятые брюки над изодранными лакированными ботинками».

Мир пикаро – опять же традиционно – свободен от быта. Реплика Бендера: «А что, разве я похож на человека, у которого могут быть родственники?» предстает точной формулой бытия плутовского героя. Он всему и всем посторонний, человек без адреса и без паспорта. Единственное имущество Бендера в «Двенадцати стульях» – «акушерский саквояж», Лазика Ройтшванца – «портрет португальского бича», Паниковского – золотой зуб, Воробьянинова и Чипицына – золотое пенсне.

Возраст героев различен. В том случае, когда он достаточно зрелый, жанровый трагикомизм становится особенно очевидным. Ипполиту Матвеевичу Воробьянинову (52 года), Михаилу Самуэлевичу Паниковскому («немолодой уже гражданин»), Арону Соломоновичу Фишбейну («вставная челюсть» и «проблемы с пищеварением») из романа «Минус шесть», Константину Исааковичу Форду («Форд») приспособиться к новым условиям, выжить гораздо труднее.

Однако большинство героев – люди молодые (Невзоров, Бендер, Лыков, Ройтшванец, «сын Чичерина», Балаганов и др.). Самый юный, Михаил Лыков, гибнет в двадцать пять лет. По замыслу Эренбурга, он – ровесник эпохи, и его жизнь отражает все ее противоречия и изломы. Лыков «сгорел» быстро: в двадцать пять лет он уже «морально умер», чуть позже, оказавшись в тюрьме, предпочел покончить с собой.

Остап Бендер также ровесник эпохи: в 1927 году ему около двадцати восьми лет. Ильф и Петров, пренебрегая хронологией повествования², приводят Бендера в финале «Золотого теленка» к некому биографическому кризису. Он говорит Зосе Синицкой: «Мне тридцать три года <...> – возраст Иисуса Христа. А что я сделал до сих пор? Учения я не создал, учеников разбазарил, мертвого Паниковского не воскресил» [7, с. 270]. Впрочем, эту патетику вряд ли следует принимать всерьез: об этом говорит и общая шутливая тональность разговора, и авторская ремарка о том, что Бендер произнес фразу «поспешно».

В возрасте Христа пребывает и Лазик Ройтшванец, все приключения которого Эренбург уместил в один год. Ройтшванцу *постоянно* тридцать три, и это не случайно. В этом возрасте он познает жизнь во всей ее полноте: первую физическую любовь и первое предательство, человеческую жестокость и проявления ярого антисемитизма, побои и тюрьмы, мучительную смерть.

В связи с Ройтшванцем стоит указать еще одну, национальную тенденцию: многие герои пикарески 1920–1930-х годов – евреи. Ранее мы уже отмечали, что образ еврея-пикаро возник в литературе наряду с евреем-налетчиком (Беня Крик из «Одесских рассказов» И. Э. Бабея, Филипп из «Интервенции» Л. И. Славина) и коммуниста-«еврея по анкете» (Левинсон в «Разгроме» А. А. Фадеева, Штокман в «Тихом Доне» М. А. Шолохова). Еврей-пикаро, как правило, наделен специфическими национальными характеристиками (космолитизмом, протейистичностью, предприимчивостью, остроумием). Первые две черты позволяют ему выживать и ассимилироваться в любой национальной и культурной среде, одновременно сохраняя самоидентичность. Еврейское же остроумие составляет значительный пласт жанрового комизма пикарески 1920–1930-х годов, провоцирует использование национальных анекдотов, двуголосого стилизованного слова (еврейского «суржика») и проч. [10, с. 81].

² В начале романа «Двенадцать стульев», события которого разворачиваются в 1927 году, сообщается, что Бендер – «молодой человек лет двадцати восьми». Финал «Золотого теленка» относится к 1930 году. В это время Бендеру должен исполниться тридцать один год.

Несмотря на глубокую экзистенциальную проблематику, пикареска советских лет (опять же следуя жанровой традиции) в целом далека от психологизма. Герой не рефлексировать, а действует. Вот, к примеру, сентенции Невзорова:

- а) «Первое – достать деньги, первое – деньги» [13, с. 30];
- в) «... Александровскую колонну унести, и то никто не заметит» [13, с. 31];
- с) «Паршивая, нищая страна <...> туда же – бунтовать. Вшей бить не умеете. Что такое русский человек? – свинья и свинья. Тьфу, раз и навсегда. Отрекусь, наплюю, самое происхождение забуду» [13, с. 42].

Нередко характер героя раскрывается в его кратком персональном девизе. За фразой «Не плошать, не дремать!» скрываются цинизм и осторожность Невзорова; за отчаянным «Чтобы с розой в зубах и на смерть!» – эксцентрическая натура Лыкова; за нахальным «Лезь, Лазик, лезь!» – претензии «маленького человека» Ройтшванца; за архаической сентенцией «Лови момент!» – опытность и интеллект Форда. Оптимизм и самоуверенность Бендера прочитываются в знаменитом «Командовать парадом буду я!».

Важным элементом морально-нравственной характеристики героя служит его корыстное отношение к женщине. Женитьба/ухаживание по расчету – устойчивый жанровый мотив. «Особо следует заметить, что мы никогда не влюбляемся бескорыстно <...> ибо устав наш запрягает ухаживать за жеманницами, и поэтому мы волочимся за трактирщицей – ради обеда, за хозяйкой дома – ради помещения», – признается один из героев «Истории жизни пройдох» Кеvedо-и-Вильегаса [8, с. 351].

Архетип трактирщицы обнаруживается и в русской пикареске 1920–1930-х годов. «Бриллиантовая вдовушка» мадам Грицацуева, на которой Бендер женился, чтобы украсть стул, предстает символом изобилия, причем гастрономические черты («арбузные груди») присущи даже ее портрету. Лазик Ройтшванец «ради клецок» сошелся с госпожой Дрекенкофф, что заведовала съестными припасами («нега в тусклых очах» и «многолетние жиры»).

Цинизм героя в том, что ему безразличны возраст, внешность и характер избранницы. Дьякон Евмений из «Истории трех святых и некоторых посторонних» собирался жениться на старухе. Между ним и потрясенным Игнатием Горбулем (также плутовским героем романа) происходит следующий разговор:

- «– А ты как со старухой-то познакомился, отец?
- Жениться думал, – просто ответил Евмений, – у нее до полтыщи спрятано, да вещей на столько же...
- Да ведь ей лет шестьдесят, а тебе, поди, не больше тридцати...
- Тридцать второй, – конфузливо ответил Евмений, – только мне теперь лета ни при чем... Время теперь тяжелое переживаем... Трудное время» [3, с. 72].

Семен Невзоров, даже сделавшись «королем жизни», вынашивал планы женитьбы на миллионерше: «Первое: он открывает в Перу шикарный интимный ресторан с таракаными бегами и отдельными кабинетами <...> Второе: женитьба на миллионерше, скорее всего – вдове» [13, с. 132]. Остап Бендер своим цинизмом заразил Воробьянинова. К Елене Станиславовне Боур, которую Воробьянинов когда-то искренне любил, «концессионеры» отправились исключительно для того, чтобы поужинать.

Ролевые границы «я» героев-пикаро также остаются вполне традиционными:

- самозванец (Бендер, Балаганов, Паниковский, «сын Чичерина», Ройтшванец, Фокин);
- псевдониций (Паниковский, Воробьянинов, Бендер, Ройтшванец);
- псевдоцелитель (Бендер, Горбуль, Ройтшванец);
- псевдопредсказатель (Аннет, Коровьев);
- артист/комедиант (Невзоров, Лыков, Форд, Ройтшванец);
- жених-альфонс (Бендер, отец Евмений, Невзоров, Ройтшванец) и проч.

Заметим, что самозванство плутовского героя первых советских десятилетий ожидаемо политическое. Так, пьяный Ройтшванец заявляет, что он «с самим Троцким на ты»; портной Фокин похвастается тем, что пожалуется на немецких фашистов «самоу Владимиру Ильичу <...> всей красной Армии и, может быть <...> ЧК» [5, с. 113]. У наркома иностранных дел Г. В. Чичерина появляется «сын», а памятью «красного лейтенанта» П. П. Шмидта в «Золотом теленке» спекулирует целая группа мошенников.

Среди афер героя, которые можно считать порождением XX века (т. е. в некотором роде новаторскими) – туристические. Например, организованные туристско-экскурсионные группы, заполнившие в 1920-х годах Кавказ, стали жертвой Бендера, взымавшего с них деньги за

вход в Провал: «Остап бил наверняка. Пятигорцы в Провал не ходили, а с советского туриста содрать десять копеек за вход “куда-то” не представляло ни малейшего труда» [6, с. 230]. Или: Коровьев, сыграв на страсти к «интуристовским деньгам», наказал взяточника Никанора Ивановича Босого (глава 9 «Мастера и Маргариты»). Бендер в «Золотом теленке» продал американским туристам рецепт самогона-«табуретовки». А Лазик Ройтшванец, прижившись в парижском кафе «Ротонда», обирал туристов, желающих приобщиться к жизни богемы.

Теперь рассмотрим ценностную ориентацию героя, что формирует проблематику пикарески 1920–1930-х годов и позволяет говорить о новом типе жанрового конфликта.

Согласно традиции, конфликт (асоциальный пикаро против упорядоченного социума) обычно локализован в детско-юношеском периоде жизни героя, получает развитие в ходе повествования и гармонично разрешается в финале: пикаро становится членом социума. В анализируемых произведениях изменяется уже сам принцип биографии героя. Его прошлое или вовсе не рассматривается, или рассматривается в контрасте с его настоящим. Именно на этом биографическом сломе раскрывается подоплека конфликта «бывшего» с «новыми» людьми, причем этот конфликт, как правило, трагедийный.

Так, процветающие в прошлом коммерсанты Арон Фишбейн («Минус шесть») и Константин Форд («Форд») при советской власти вынуждены уйти в глубокое подполье. «– Скажите, какое равноправие! Эти голоштанники хотят сделать всех одинаковыми нищими! Они спросили меня, – хочу я быть нищим? А если я не хочу?» – восклицает Фишбейн [12, с. 37]. Константин Исаакович Форд, бывший до революции известным коммивояжером Калманом Янкелем, теперь приходит к неутешительному выводу: «– Кто такие коммунисты? <...> Можно ли с ними дело делать? Нет, скажу я вам лично. Это второй сорт людей <...> Они бы даже хотели, но не могут <...> Партия! Разве это деловое предприятие?» [2, с. 14–15]. В открытую конфронтацию с большевиками вступает и рядовой обыватель Невзоров: «И это – жизнь – бумажки, митинги, толкотня, наглое простонародье в грязных шинелях... Сумасшедший дом. Надо уезжать. Ничего здесь не выйдет, кроме пошлости» [13, с. 31].

Другой пример: Михаил Лыков поначалу упивался революционной стихией, в которой смог реализовать неумеренность темперамента. Однако после окончания гражданской войны ему стало скучно, и он бросил вызов «системе», превратившись из фронтовика-орденоносца в спекулянта и рвача. Сделав свой выбор, Лыков попал в зону отчуждения. Эренбург называет это состояние «отъединением», «отверженностью липпрозория», стыдом «сифилитика, замечаящего, что от него презрительно отодвигаются» [16, с. 216]. Невидимый государственный аппарат с «огромной физической силой» уничтожения давит на Лыкова, постановив «изъять» его из жизни. Трагедия героя «Рвача» в том, что революция оторвала его от социальных корней, привычной среды. Она показала лакейскому сыну такую жизнь, что он возомнил себя Наполеоном и более не смог существовать в своей, лакейской среде. Лыков почувствовал отращивание к «бывшим» людям, а слившись с «новыми», и здесь не стал своим. Спекулянтская среда оказалась крайностью, в которую он бросился от скуки. Герой оказался где-то *между*, и эта социальная оторванность, спровоцированная революцией, привела его к гибели.

Фишбейн, Форд, Невзоров, Лыков открыто противостояли «новым людям», а вот гомельский портной Лазик Ройтшванец искренне старался соответствовать историческому моменту и даже «стать безошибочным кандидатом» в партию. Однако та же «система», персонифицированная в донощиках-антисемитах, все равно разрушила его жизнь, заставила скитаться по миру, нищенствовать, стать всеобщим посмешищем и умереть на чужбине. Лазик одинаково не нужен и презираем советскими «спецами» и обывателями, немецкими и польскими националистами, французскими буржуа.

«Внутренние эмигранты», подобные бывшему предводителю дворянства Воробьянинову, надевали маску послушания. Маску настолько призрачную, что она слетала при первом же испытании на прочность. Скромный служащий провинциального ЗАГСа, живущий вдали от столичных потрясений, ведущий размеренную и экономную жизнь, – таким предстает Ипполит Матвеевич в первой главе «Двенадцати стульев». О его прошлом читатель узнает из отдельных авторских ремарок, разбросанных в тексте («в свое время он нашивал корсет», до революции имел «большие удобства и большие привычки»). Некоторые детали сообщаются во второй главе. Из разговора Воробьянинова с умирающей тещей выясняется, что у него был особняк в Старгороде, из которого семье Ипполита Матвеевича «быстро и неожиданно пришлось бежать» [6, с. 13]. Конфликт, таким образом, обрисован ретроспективно и вынесен за хронологические рамки повествования.

Просидев восемь лет в тихом городе N, где о прошлом Воробьянинова никто не знал, Ипполит Матвеевич вновь вступает в конфликт с «новыми людьми» в конце 1920-х годов, начав погоню за бриллиантами. В родном Старгороде бывшему «светскому льву» пришлось скрывать свою фамилию, избегать встреч со знакомыми, униженно красть и выкупать на аукционе собственную мебель. Конфликт, углубляясь, привел Ипполита Матвеевича сначала к моральному падению (нищенство, беспринципность, безнравственность, воровство, убийство Бендера), а затем к безумию.

До полной деградации революция довела и бывшего графа Василия Чипицына («История трех святых и некоторых посторонних»), которого большевики лишили квартиры и миллионов. Бывший петроградский ловелас и кутила превратился в некое зооморфное существо, получающее удовольствие от общения со свиньей.

Смутные революционные времена разрушили упорядоченную жизнь петроградского околоточного надзирателя Игнатия Горбуля («История трех святых и некоторых посторонних»), ибо к власти пришли те, кого Горбуль «когда-то бил волосатым кулаком в участок» [3, с. 15]. Вынужденный сначала прятаться в погребе с картофелем, затем переодеваться и бриться наголо, Горбуль покинул революционный Петроград (где его многие знали в лицо), осел в провинциальном Замойском уезде, придумал себе новую биографию и стал «народным целителем».

Если все названные выше персонажи до революции имели определенный социальный статус, лишились его, а потому страдают, то пикаро вроде Бендера, Шуры Балаганова, Паниковского от революции в целом выиграли. Появилось больше возможностей и больше свободы. Конфликт подобных персонажей с советской властью локализован не в 1917 году, а в 1920-х, когда начался процесс формирования новой тотальной идеологии. «У меня с советской властью возникли в последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм», – говорит Бендер в «Золотом теленке» [7, с. 30]. В новых условиях гибнет от голода и болезней Паниковский, арестован Балаганов, развенчан Бендер.

В конфликт с «новыми» людьми (атеистами, активистами-кружковцами, революционными поэтами, советскими литераторами и критиками) вступают также инфернальные плуты Коровьев и Бегемот. Это единственные плуты советской литературы, которые не просто избежали наказания «системой», а наказали ее саму. И в том, что они – фигуры фантастические, прочитывается горькая авторская обреченность.

В целом, вторжение революции в частную жизнь героев изображается не столько в физиологически-бытовом (голод, жажда, холод, неприютность, бессонница и проч.), сколько в идеологическом аспекте (приятие или неприятие советских идей). Либертарный бунт героя становится дерзким вызовом все той же «системе». «– Я не хочу быть членом общества!», – заявляет Паниковский [7, с. 227]. «– В этой вшивой России со мной не считаются. Что хотят, то и делают. Отчего мне не сделать, что я хочу? <...> В Париж! Прямо к великому князю Николаю Николаевичу. <...> Нет, бежать, бежать, бежать!», – восклицает Фишбейн [12, с. 56]. Даже Невзоров, еще недавно тихо сидевший на Мещанской улице, высокомерно бросает: «...Я – анархист, в смысле идейном... Я – за свободу личности» [13, с. 62].

Либертарный бунт пикаро носит шутовской характер и реализуется через осмеяние им пороков формирующегося советского общества. По словам М. М. Бахтина, «главное предназначение бунтаря-шута – это развенчание, разоблачение дурных условностей существующего строя. Для этого он использует иносказание. С иносказанием в поэтику бунта вошла многоплановость, появились промежуточные хронотопы, в частности, хронотоп театра. Любой бунтарь обладает правом проводить жизнь через промежуточный хронотоп театральных подмошков, изображать жизнь как комедию и людей как актеров; право срывать маски с других; право браниться существенной (почти культовой) бранью» [1, с. 92].

Таким образом, рассмотрев особенности портретной и характерологической характеристики плутовского героя 1920–1930-х годов, а также его ценностной ориентации, беремся утверждать следующее:

- в полном соответствии с жанровой традицией образ героя создается преимущественно средствами внешней характеристики, среди которых, однако, есть новаторские: рыжие волосы, еврейская национальность;

- за редкими исключениями («Рвач» И. Г. Эренбурга) психологизм в раскрытии характера героя отсутствует, сводится к краткой формуле персонального жизненного девиза, что также соответствует жанровому канону;

– важным элементом морально-нравственной характеристики героя служит его корыстное отношение к женщине; в пикареске 1920–1930-х годов актуализируется устойчивый жанровый мотив женитьбы/ухаживания по расчету;

– ролевые границы «я» пикаро 1920–1930-х годов также остаются вполне традиционными: самозванец, псевдонищий, псевдоцелитель, псевдопредсказатель, артист/комедиант и проч.; к числу новаторских следует отнести аферы туристические;

– самозванство героя принимает преимущественно политическую окраску;

– либертарный бунт героя реализуется через осмеяние им пороков общества;

– конфликт русской пикарески 1920–1930-х годов можно определить как столкновение выразителя буржуазно-индивидуалистического мировоззрения («бывшего» или плута-пикаро) с формирующимся социалистическим обществом («новыми» людьми). Герой категорически не согласен интегрироваться в это общество, которое, со своей стороны, не отвергает его окончательно, но выдвигает ему условие перевоспитания («перековки»). Если пикаро продолжает открыто противостоять «системе», он «изымается»: высылка/эмиграция, арест/тюрьма/лагерь.

Русская пикареска 1920–1930-х годов, оставаясь ярким фактом авантюрной и сатирической прозы первых пореволюционных десятилетий, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Наука, 1990. 498 с.
2. Берзин Ю. С. Форд. Л. : Прибой, 1927. 208 с.
3. Бухов А. С. История трех святых и некоторых посторонних. М. : Безбожник, 1930. 177 с.
4. Вилджер Абрам. Эренбург, Выготский и байки гомельского портного // Заметки по еврейской истории. 2015. № 2–3 (182). URL: http://www.berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer2_3/Viljacer1.php (дата обращения: 25.10.2019).
5. Иванов В. В. Чудесные похождения портного Фокина // Избранные произведения / В. В. Иванов. М. : Художественная литература, 1991. С. 82–130.
6. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М. : Просвещение, 1987. 271 с.
7. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М. : Просвещение, 1987. 287 с.
8. Кеведо-и-Вильегас Франсиско. История жизни пройдохи по имени дон Пабло // Плутской роман. М. : Правда, 1989. С. 253–379.
9. Липовецкий М. Н. Трикстер и «закрытое общество» // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 224–245.
10. Миленко В. Д. Еврейский тип в системе образов русского плутовского романа 1920-х годов // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. 2006. Вып. 4 (48). С. 79–87.
11. Подковырин Ю. В. Внешность героев в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» // Новый филологический вестник. 2007. № 1 (4). С. 190–199.
12. Ройзман М. Д. Минус шесть. М. : Московское товарищество писателей, 1928. 219 с.
13. Толстой А. Н. Похождения Невзорова, или Ибикс // Русская советская сатирическая повесть: 20-е годы. М. : Советская Россия, 1989. С. 21–135.
14. Хализев В. Е. Теория литературы. М. : Высшая школа, 2000. 399 с.
15. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания : в 2 т. Т. 1. М. : Советский писатель, 1990. 430 с.
16. Эренбург И. Г. Рвач // Собрание сочинений : в 9 т. Т. 2 / И. Г. Эренбург. М. : Художественная литература, 1964. С. 9–357.

Heroes of Russian picaresque of 1920–1930-ies: features of portrait and value orientation

V. D. Milenko

PhD of Philological Sciences, associated professor of the Department "Russian language and literature",
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol. E-mail: vika-milenko@yandex.ru

Abstract. The article attempts to characterize the portrait and value orientation of the hero of the Russian picaresque (picaresque story and picaresque novel) of the 1920s–1930s. In addition, the author reveals the main points of conformity or discrepancy of these characteristics with the traditional genre canon.

The relevance and scientific novelty of the topic is due to insufficient study of the functioning of the genre of picaresque in domestic, including Soviet, prose; in reducing this problem exclusively to the study of genealogy and

characterology of the image of Ostap Bender. Meanwhile, the dilogy of I. Ilf and E. Petrov "Twelve chairs" (1928) and "The Golden calf" (1931) is considered in the article in the general context of little-known, forgotten stories and novels: "Rvach" – "Hooch" (1924) and "Burnaya zhizn' Lazika Rojtshtshvaneca" – "The Stormy life of Lazik Roitschvanets" (1927) by I. G. Ehrenburg, "Pohozhdeniya Nevzorova, ili Ibikus" – "The Adventures of Nevzorov, or Ibikus" (1925) by A. N. Tolstoy, "Cudesnye pohozhdeniya portnogo Fokina" – "Wonderful adventures of tailor Fokin" (1925) by W. W. Ivanov, "Minus shest'" – "Minus six" (1928) by M. D. Roizman, "Istoriya trekh svyatyh i nekotoryh postoronnih" – "History of three saints and some outsiders" (1930) by A. S. Bukhov and others. These samples are compared with sustainable genre canon on the next positions: receptions of foreign and domestic characteristics of hero-picaro, poetics of his personal motto, role borders of his way of (impostor, pseudo-beggar, pseudo-healer, pseudo-foreteller, artist/comedian, the groom-alphonse, etc.).

The author pays special attention to the value orientation of the hero, which forms the problems of picaresque 1920–1930-ies and allows us to talk about a new type of genre conflict. It is defined as the clash of the exponent of the bourgeois-individualist worldview (the "former" or picaro-knave) with the emerging socialist society (the "new" people).

The results of the research can be used in the course of studying the genre system, as well as satirical problems of Russian Soviet literature of the 1920s–1930s.

Keywords: picaresque, picaresque novel, picaro, trickster, genre tradition, genre canon, genre conflict, value orientation, libertarian revolt.

References

1. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance]. M. Nauka. 1990. 498 p.
2. Berzin Yu. S. *Ford* [Ford]. Leningrad. Priboi. 1927. 208 p.
3. Buhov A. S. *Istoriya trekh svyatyh i nekotoryh postoronnih* [History of the three saints and some outsiders]. M. Bezbozhnik. 1930. 177 p.
4. Vilyacer Abram. *Erenburg, Vygotskij i bajki gomel'skogo portnogo* [Ehrenburg, Vygotsky and stories of the Gomel tailor] // *Zametki po evrejskoj istorii* – Notes on Jewish history. 2015. No. 2–3 (182). Available at: http://www.berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer2_3/Viljacer1.php (date accessed: 25.10.2019).
5. Ivanov V. V. *Chudesnye pohozhdeniya portnogo Fokina* [Wonderful adventures of the tailor Fokin] // *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works / V. V. Ivanov. M. Khudozhestvennaya Literatura. 1991. Pp. 82–130.
6. Il'f I., Petrov E. *Dvenadcat' stul'ev* [Twelve chairs]. M. Prosveshcheniye. 1987. 271 p.
7. Il'f I., Petrov E. *Zolotoj telenok* [The Golden calf]. M. Prosveshcheniye. 1987. 287 p.
8. Quevedo y Villegas Francisco. *Istoriya zhizni projdohi po imeni don Pablos* [Life story of a scoundrel named Don Pablos]. M. Pravda. 1989. Pp. 253–379.
9. Lipoveckij M. N. *Trikster i "zakrytoe obshchestvo"* [Trickster and "closed society"] // *Novoe literaturnoe obozrenie* – New literary review. 2009. No. 100. Pp. 224–245.
10. Milenko V. D. *Evrejskij tip v sisteme obrazov russkogo plutovskogo romana 1920-h godov* [Jewish type in the system of images of the Russian picaresque novel of the 1920s] // *Naukovi Zapiski Harkivskogo Natsionalnogo pedagogichnogo universitetu im. G. S. Skovorody* – Teaching Notes of Kharkiv National Pedagogical University n.a. G. S. Skovoroda. 2006. Issue 4 (48). Pp. 79–87.
11. Podkovyrin Yu. V. *Vneshnost' geroev v romanah I. Il'fa i E. Petrova "Dvenadcat' stul'ev" i "Zolotoj telenok"* [Appearance of heroes in novels by I. Ilf and E. Petrov "Twelve chairs" and "The Golden calf"] // *Novyj filologicheskij vestnik* – New philological herald. 2007. No. 1 (4). Pp. 190–199.
12. Rojzman M. D. *Minus shest'* [Minus six]. M. Moscow Association of writers. 1928. 219 p.
13. Tolstoj A. N. *Pohozhdeniya Nevzorova, ili Ibikus* [Adventures of Nevzorov, or Ibikus] // *Russkaya sovetskaya satiricheskaya povest': 20-e gody* – Russian Soviet satirical story: 20-ies. M. Soviet Russia. 1989. Pp. 21–135.
14. Halizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. M. Vysshaya shkola. 2000. 399 p.
15. Erenburg I. G. *Lyudi, gody, zhizn'. Vospominaniya : v 2 t. T. 1* [People, years, life. Memories : in 2 vols]. M. Soviet writer. 1990. 430 p.
16. Erenburg I. G. *Rvach* [Hooch] // *Sobranie sochinenij : v 9 t. T. 2* – Collected works : in 9 vols. Vol. 2 / I. G. Ehrenburg. M. Khudozhestvennaya Literatura. 1964. Pp. 9–357.

Законченное поэтическое высказывание С. А. Клычкова

К 130-летию со дня рождения писателя

А. А. Шорохов

секретарь Союза писателей России, заместитель главного редактора журнала
«Отечественные записки». Россия, г. Москва. E-mail: aleksei_shorohov@mail.ru

Аннотация. Феномен группы русских поэтов и прозаиков начала XX века, объединяемых литературоведами под общим названием «новокрестьянских поэтов», казалось бы, достаточно исследован. Однако при серьезной изученности творческого наследия двух наиболее известных «новокрестьянских поэтов» – Сергея Есенина и Николая Клюева – наследие (и особенно – прозаическое) третьего значительного поэта этого круга, Сергея Клычкова, до сих пор остается малоизученным.

В статье рассматривается феномен «поэтического высказывания С. А. Клычкова» на примере его стихов и – что немаловажно – прозаической трилогии («Сахарный немец», «Чертухинский балакирь» и «Князь мира»), где в самые непопулярные для этой темы послереволюционные годы автор берется исследовать *проблему святости*. Проза Клычкова рассматривается также в контексте «поэтического высказывания» (то есть осмысляется *поэтика романов* С. А. Клычкова) согласно теоретическим работам М. М. Бахтина и в особенности его ученика В. В. Федорова.

Пожалуй, впервые делается попытка рассмотреть феномен группы «новокрестьянских поэтов» с культурно-философской и историко-биографической точек зрения – в единстве их творчества, судеб и трагических переломов в истории России.

В статье используются характеристики прозы Клычкова, сделанные современниками писателя (А. М. Горьким, А. К. Воронским, П. А. Журовым), исследования творчества С. А. Клычкова, ставшие уже классическими (Н. М. Солнцевой, М. Нике), теоретические работы по русской и мировой литературе и искусству М. М. Бахтина, В. В. Кожина, Ортеги-и-Гассета, Т. Манна, а также работы по теории литературы 2001–2019 годов С. А. Небольсина, В. В. Федорова, И. А. Есаулова.

Ключевые слова: С. А. Клычков, новокрестьянские поэты, революция 1917 года, репрессии против крестьянства, 1937 год, коллективизация, крестьянские восстания, проблема святости в русской литературе.

Тема послереволюционных репрессий против русских писателей в 20–30-х годах XX века достаточно хорошо изучена за последние десятилетия. До недавнего времени считалось, что для собственно литературоведения она носила скорее подсобный характер, в большей степени касаясь истории литературы и культуры.

Однако публикация в 10-х годах XXI века теоретических работ выдающегося современного русского филолога из Донецка В. В. Федорова, ближайшего ученика М. М. Бахтина, на протяжении 40 лет работавшего с ним, позволяет сегодня фактор сугубо «биографический» в судьбе поэта рассматривать в свете *цельности и законченности* его поэтического высказывания в целом. Нельзя сказать, чтобы теоретические постулаты философии экзистенциализма не пытались раньше применять в литературоведческой практике. И все же, думается, столь серьезное теоретическое осмысление неразрывности поэтического высказывания и судьбы поэта стало возможно только после появления последних работ В. В. Федорова, в частности – «Поэт и его бытие» [23, с. 68].

Чтобы более подробно остановиться на особенности поэтического высказывания С. А. Клычкова, нам придется вернуться к теме политических репрессий против русских писателей в Советской России XX века, в частности – репрессий против группы «новокрестьянских поэтов».

Действительно, мы знаем о сравнительно мягком воздействии на многих известных писателей, с которыми власть вступала даже в публичные или закрытые дискуссии: переписка И. В. Сталина с М. А. Булгаковым и М. А. Шолоховым, его же взаимоотношения с А. П. Платоновым, заочная дискуссия Л. Д. Троцкого с М. М. Пришвиным, полемика А. А. Жданова с А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко и так далее. Но одно для меня всегда оставалось загадкой. Почему именно группа «новокрестьянских поэтов» была уничтожена полностью?

Термин «новокрестьянские поэты» принят в современном литературоведении. В реальной литературной жизни этих писателей (не только поэтов, но и прозаиков) чаще всего называли «крестьянскими» (это нейтрально), а также «крестьянствующими» или «мужиковствующими» (это уже обличительно), например, Маяковский: «мужиковствующих свора» [18, с. 34] – с подачи Троцкого и Бухарина.

Все «новокрестьянские поэты» были убиты. В два приема: в 1925 году – расстрелян Алексей Ганин и убит (инсценировка самоубийства) Сергей Есенин [16, с. 192–197]; в 1937–38 гг. – расстреляны остальные: Павел Васильев, Сергей Клычков, Николай Клюев, Петр Орешин.

Не высланы за границу, не отправлены на Колыму (на «перековку»). А расстреляны. Почему?

Подобную избирательную ненависть большевики проявили до этого только однажды: расстреляв сразу после переворота всех видных монархистов, до каких смогли дотянуться. Публициста М. О. Меньшикова (на глазах семьи), лидера «Союза русского народа» А. И. Дубровина, священномученика Иоанна Восторгова и других. При этом близких им по духу будущих лидеров Белого движения (устроителей Февральского переворота) новая власть в это же самое время отпускала под «честное слово»...

Чтобы понять причины столь избирательной ненависти новой власти к крестьянским писателям – надо постараться понять, что такое русское крестьянство вообще? И здесь нам помогут классики русской литературы, в частности – сначала уехавший от революции 1917 года, а после «прощенный» советской властью и вернувшийся А. И. Куприн.

«Когда говорят “русский народ”, я всегда думаю – “русский крестьянин”, – писал Александр Куприн. – Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за все это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность» [28, с. 145].

Здесь А. И. Куприн сказал самое, как нам думается, главное: не только отождествил понятия «русский народ» и «русское крестьянство», но и невыразимо печально отметил ту словенную пропасть, что отделяет его от народа.

Даже самые «народные» классики русской литературы это понимали, и когда говорили о своем «знании народа», подчеркивали *внешний* характер этого знания. Так Н. С. Лесков писал: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе, на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного... Я с народом был свой человек, и у меня есть в нем много кумовьев и приятелей» [17, с. 14].

Здесь совершенно отчетливо прослеживается: «я» отдельно, «народ» отдельно. То же можно сказать и про неудавшееся «опрощение» Толстого. И про «рыдающую музу» Некрасова, и о пророческом ощущении этого трагического раскола Блоком...

Только в начале XX века, с успехами земского просвещения в России и повсеместным распространением грамотности, сложилась такая ситуация, когда народ заговорил сам – своим языком и в лице своих же чрезвычайных и полномочных представителей: «новокрестьянских поэтов».

Это случилось еще до революции 1917 года, однако именно с этой революцией – «новокрестьянские поэты» связывали осуществление своей заветной мечты: построение «мужичьего рая» на Земле.

Проблема заключалась лишь в одном: идеологи и устроители победившей в Октябре большевистской доктрины так не думали. Больше того, уже начиная с «отцов-теоретиков» научного коммунизма именно крестьянство (7\8 населения России) рассматривалось как не-исправимо «реакционный класс», на основании этого Энгельс называл реакционными «целые народы»: известны его слова «о русских и славянах вообще» [27, с. 133]. Это теоретики.

Что уж тут говорить о «практиках» военного коммунизма в лице Троцкого, Свердлова, Бухарина, Каменева и других?

Поэтому неудивительно, что другой яркий ненавистник крестьянства, уже упоминавшийся Максим Горький, прочтя роман Сергея Клычкова «Сахарный немец», писал Бухарину:

«Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, – даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая цензура тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика – и нещадная – этой идеологии должна быть дана теперь же. Талантливый трогательный плач

Есенина о деревенском рае – не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима...» [16, с. 188].

«Дорогой товарищ Бухарин» не стал медлить, и написал о лирике Есенина, определив ее как «смесь из “кобелей”, “икон”, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и “трагической” пьяной икоты...» [35, с. 12].

Как вывод из этих определений есенинской (а по существу – вообще «новокрестьянской») поэзии прозвучал призыв Бухарина в статье, опубликованной в «Правде» 19 февраля 1930 года, где он «громогласно заявил, что с кулаками «нужно разговаривать языком свинца» [12, с. 127].

Чем же так пугала крестьянская Русь и ее идеологи – захвативших в стране власть марксистов-интернационалистов?

Ответ, как ни странно, мы можем получить из 1942 года, когда созданная страшным потопом и кровью новая государственность висела на волоске.

И. Р. Шафаревич приводит в своей работе «Две дороги к одному обрыву» следующие сведения:

«В своих воспоминаниях Черчилль рассказывает, что, когда во время Сталинградского сражения он подивился самообладанию Сталина, тот ответил: это ничто в сравнении с тем, что ему пришлось пережить «в период коллективизации, когда было репрессировано 10 миллионов кулаков, в подавляющем большинстве убитых своими батраками». Естественно предположить, что «великий перелом», который был для Сталина страшнее войны с Гитлером, и являлся центральным действием» [35, с. 15] в послереволюционной истории России.

Чтобы понять, что происходило тогда в стране – достаточно вспомнить, что порядка 500 (!) крупных и мелких крестьянских восстаний полыхало в 20–30-е годы на просторах одной шестой мировой суши. От самых известных – Антоновского на Тамбовщине или Якутского в Сибири до малых вооруженных выступлений практически везде, где прокатилось кровавое колесо коллективизации [36].

Никогда власть большевиков так не шаталась, как в эти годы.

Тот же Троцкий, как пишет И. Л. Солоневич в «Народной монархии», заметил: «Если бы белогвардейцы догадались выбросить лозунг Кулацкого Царя, – мы не удержались бы и двух недель» [31, с. 33].

Белые не догадались, «сословное» мешало, а вот красные очень хорошо понимали, кто есть хозяин земли русской. Также как понимали, что впервые, пожалуй, за последние несколько веков у этого хозяина появились яркие, талантливые идеологи – плоть от плоти и дух от духа его.

Дальнейшее было, что называется, «вопросом техники»...

Но филология – наука о духе. И именно с этой точки зрения интересно рассмотреть трагическую закономерность судеб «новокрестьянских поэтов». Поэтому обратимся к упомянутой уже работе В. В. Федорова «Поэт и его *бытие*», опубликованной в № 6 «Нашего современника» за 2018 год под названием «В начале был поэт».

Ученик великого Бахтина пишет: «... Субъект жизненного существования, не будучи человеком, онтологически к нему причастен, отсюда следует, что человек – это сложное бытийное образование, составляющими которого являются собственно человек и субъект жизненного существования. Мы, таким образом, приходим к выводу, что человек – это не *homo sapiens*, а «целое человека» (термин М. М. Бахтина) – онтологически сложное и неоднородное бытийное образование, составляющими которого являются собственно человек и животное существо.

Внежизненное бытие собственно человека осуществляется двумя формами: языковой и словесной. Первый случай является обыкновенным, второй – исключительным. Таким исключением является поэт. Поэт – это собственно человек в высшей форме своего бытия – словесной. Таким образом, поэт – не субъект деятельности, осуществляемый субъектом жизненного существования, а собственно человек в высшей степени своей осуществленности, самый мощный субъект собственно человеческого бытия» [23, с. 274].

Поэтому, говоря о творчестве одного из лидеров группы «новокрестьянских поэтов» – С. А. Клычкова – мы вправе утверждать, что лишь по завершении его прозаической трилогии (публикации романов «Сахарный немец», «Чертухинский балакирь» и «Князь мира») «собственно человеческое бытие» автора как поэта подходит к пределу, к «высшей степени своей осуществленности».

Не менее важным нам представляется наряду с *индивидуальным* планом судьбы поэта – *коллективный* («коллективизация») план судеб русского крестьянства (о чем мы говорили

выше), выразителями которого и являлись «новокрестьянские поэты». А судьбу русского крестьянства в годы «коллективизации» С. А. Клычков однозначно воспринимает как *мученичество*. После того, как «раскулачили» его отца, поэт записывает в своём дневнике:

«Отец про себя говорит: мученик, а не святой! За это, должно быть, его и раскулачили...» [21, с. 68].

Необходимо учитывать, что основной интерес для творчества С. А. Клыčkова в эти годы представляет именно *тема святости* (см. мои работы: «Крестьянская Русь: между иконой и дубиной» / журнал «Молодая гвардия», М. : 2019, № 11; «Онтологический дуализм и проблема святости в романе «Сахарный немец» С. А. Клыčkова» / «Известия Смоленского государственного университета». Смоленск. 2019. №3). Поэтому рассматривая судьбу русского крестьянства как неосознанное мученичество («мученик, а не святой»), С. А. Клычков рассматривает свою судьбу (и судьбу своих собратьев по писательскому цеху) как осознанное мученичество, то есть исповедничество (подробнее об этом в моей статье «Образы «карнавала» и «хоровода» в поэтике С. А. Клыčkова» / Вестник Пятигорского государственного университета, Пятигорск. 2019. № 3).

Именно так, через мученичество, видится лирическому герою С. А. Клыčkова обретение «мужичьего рая» («заплотинного царства»). Почти за десять лет до своей трагической гибели поэт напишет:

*«Я устал от хулы и коварства
Головой колотиться в бреду,
Скоро я в заплотинное царство,
Никому не сказавшись, уйду...
Мне уж снится в ночи безголовой,
В одинокой бессонной тиши,
Что спускаюсь я с берега плеса,
Раздвигаю рукой камыши...
Не беда, что без пролаза тина,
И Дубна обмелела теперь:
Знаю я, что у старой плотины,
У плотины есть тайная дверь!
Как под осень опушка сквозная
И взглянуть в нее всякий бы мог,
Но и то непреложно я знаю,
Что в пробоях тяжелый замок!
Что положены сроки судьбою,
Вдруг не хлынули б хляби и синь,
Где из синих глубин в голубое
Полумесяц плывет, словно линь...
Вот оно, что так долго в печали
Все бросало и в жар и озноб:
То ль рыбачий челнок на причале,
То ль камкой околоченный гроб!
Вот и звезды, как окуни в стае,
Вот и лилия, словно свеча...
Но добротны плотинные сваи,
И в песке не нашел я ключа...
Знать, до срока мне снова и снова
Звать и плакать, и ждать у реки:
Еще мной не промолвлено слово,
Что, как молот, сбивает оковы
И, как ключ, отпирает замки» [10, с. 1–76].*

«Знать... еще мной не промолвлено слово» – говорит поэт о своём «окончательном выправлении», которое, повторюсь, он неизбежно воспринимает как мученичество.

И здесь следует отметить самое важное для наступающей *завершенности* поэтического высказывания С. А. Клыčkова:

«Поэт относительно тех, кого он сотворил и мира, в котором они существуют как жизненно определенные субъекты, есть то же самое, что Слово относительно нашего мира и тех,

кто “начал в нем быть”. Событие непрямого (творческого) бытия Слова должно завершиться. Оно завершится тогда, когда Слово преодолеет свое не прямое состояние (“выпрямится”). Преодоление поэтом своего непрямого состояния означает для сюжетного персонажа преодоление жизни как рода телесного существования, некорректного для человека. Но для самого сюжетного персонажа “преодоление” жизни означает “смерть”. В каком случае сюжетный персонаж может принять смерть? – В том случае, если ценность, которой он хочет овладеть, “больше” жизни, и в жизни она осуществиться не может. Этой ценностью является любовь. Любовью мы называем взаимное влечение друг к другу мужчины и женщины, от которой жизнь продолжается. Эта любовь – жизненная ценность. Есть любовь как абсолютная ценность. Она осуществляется как содержание бытия человека, осуществляемого словесной формой в ее правильном (должном), т. е. прямом – непревращенном – состоянии. Такая любовь преодолевает “мужчину” и “женщину” как онтологические односторонности и – как следствие – жизнь, эту односторонность поддерживающую. Преодоление жизни “выпрямляет” поэта и является причиной преодоления им своего жизненного существования. Пушкин умер по той же причине, по которой умер Моцарт. Пушкина “убила” “Капитанская дочка”, как Моцарта – “Реквием”. Дантес и Сальери – только исполнители их воли. В “событии бытия поэта” цель одна: преодолеть не прямое состояние (“выпрямиться”), средство – тоже одно: овладеть любовью как абсолютно высшей, а потому последней ценностью» [23, с. 276].

Не будет преувеличением сказать, что точно с такой же неизбежностью Клычкова «убивает» его трилогия «Живот и смерть» (задумывалась как девятикнижие), где в самые непопулярные и опасные для этого годы поэт обращается к теме праведности.

«Выпрямление» его собственно поэтического бытия происходит куда менее романтично, нежели у Пушкина – но так же трагично. Смерть за «жизненным персонажем» Клычкова приходит не в гвардейском мундире кавалергарда, а в кожанке чекиста. Но выстрелы, прозвучавшие спустя сто лет во внутреннем дворе Лубянской тюрьмы в октябре 1937 года с онтологической точки зрения ничем не отличаются от выстрелов на Черной речке в январе 1837: и те, и другие стали свидетельством «выпрямления» собственно поэтического бытия поэта, *завершенности* его поэтического высказывания, «преодоления» жизненного, «слишком человеческого» своего бытия.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. писатель, 1963.
2. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1.
3. Воронский А. К. Сергей Клычков (Лунные туманы). М., 1987.
4. Гоголь Н. В. Избранные произведения. Минск, 1955.
5. Горький А. М. Н. С. Лесков. // Собр. соч. : в 30 т. М. : ГИХЛ, 1953. Т. 24.
6. Два Сергея. М., 1995.
7. День литературы // Русская литература и крестьянский вопрос / О. О. Павлов. М., 2004. № 9.
8. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М. : Кругъ, 2004.
9. Карлейль Т. Крестьянин-святой. М., 1912.
10. Клычков С. Чертухинский балакирь. М., 1988.
11. Клычков С. Собрание сочинений в двух томах. М. : Эллис Лак, 2000.
12. Кожинов В. История Руси и русского слова. М., 2001.
13. Кожинов В. В. Происхождение романа. М. : Сов. писатель, 1963.
14. Куняев С. С. Последний Лель. М., 1989.
15. Куняев Ст., Куняев С. Растерзанные тени. М., 1995.
16. Куняев С. Ю. Сергей Есенин. М., 2006.
17. Лесков Н. С. Избранные сочинения. М., 2004.
18. Леф // Юбилейное / В. В. Маяковский. М.-П, 1924. № 2.
19. Манн Т. Аристократия духа // Мое время. М. : Культурная революция, 2009.
20. Мельник В. И. Преподобный Серафим Саровский. Хроника жизни (документы и даты). Изд-во ФГБОУ ВПО ГАСК, 2012 г.
21. Морозов В. В. (составление и комментарии). Лысая гора (статьи, интервью, стенограммы выступлений, дневниковые записи). Талдом, 1996.
22. Нике М. Дьявол у С. Клычкова и М. Булгакова // Revue des e`tudes slaves. Париж, 1993. LXV/2.
23. Наш современник // В начале был поэт / В. В. Федоров. М., 2018. № 6.
24. Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997.
25. Родная Кубань // Карнавал или хоровод? / С. А. Небольсин. Краснодар, 2004. № 2
26. Русская литература // Две встречи с молодым Клычковым / П. А. Журов. М., 1971. № 2.
27. Россия и современный мир // К. Маркс и Ф. Энгельс без пьедестала / Г. И. Шмелев. М., 2003. № 4.

28. Сибирь // Русский обычай / А. Г. Байбородин. Иркутск, 2019. № 4.
29. Солнцева Н. Последний Лель. М., 1993.
30. Солнцева Н. Сорочье царство Сергея Клычкова // Собрание сочинений / С. Клычков. М., 2000.
31. Солоневич И. Л. Народная монархия. М. : Феникс, 1991.
32. Топоров В. Святость и святые в русской духовной культуре. М. : Гнозис, 1995.
33. Художественный фольклор. М., 1927. Вып. II–III.
34. Флоренский П. А. Обратная перспектива // Сочинения / П. А. Флоренский. М., 1990.
35. Шафаревич И. Р. Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 2. М. : Институт русской цивилизации, 2014.
36. Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. От махновщины до антоновщины. URL: https://royallib.com/read/vasilev_yuriy/krestyanskie_vosstaniya_v_rossii_v_19181922_gg_ot_mahnovshchiny_do_antonovshchiny.html#934560.
37. Даль В. Словарь живого великорусского языка. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja>.
38. Кожин В. В. Россия. Век XX. URL: [http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2\(2\).htm](http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2(2).htm).
39. Михайлова Н. О старообрядчестве. URL: <https://www.antiraskol.ru/mihailova/index.htm>.
40. Ортега-и-Гассет. Восстание масс. URL: <https://e-libra.ru/read/348229-vosstanie-mass-sbornik.html>.
41. Словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182>.
42. Солнцева Н. М. Проза новокрестьянских поэтов URL: https://studylib.ru/doc/709506/proza-krest-yan2---filologicheskij-fakul._tet-mgu.
43. Флоровский Г. Пути русского богословия. URL: http://rusinst.ru/docs/books/G.V_Florovskiy-Puti_russkogo_bogosloviya.pdf.

A complete poetic statement of the S. A. Klychkov

To the 130th anniversary of the birth of the writer

A. A. Shorokhov

Secretary of the Union of writers of Russia, Deputy editor-in-chief of the magazine "Otechestvennye Zapiski" ("Notes of the Fatherland"). Russia, Moscow. E-mail: aleksei_shorokhov@mail.ru

Abstract. The phenomenon of a group of Russian poets and prose writers of the early twentieth century, united by literary critics under the common name "new-peasant poets", it would seem, is sufficiently investigated. However, with a serious study of the creative heritage of the two most famous "new-peasant poets" – Sergei Yesenin and Nikolai Klyuev – the legacy (especially – prose) of the third significant poet of this circle, Sergei Klychkov, still remains poorly studied.

The article deals with the phenomenon of "poetic utterance of S. A. Klychkov" on the example of his poems and – importantly – prose trilogy ("Saharnyj nemec" – "Sugar German", "Chertuhinskij balakir" – "Chertukhin balakir" and "Knyaz' mira" – "Prince of world"), where in the most unpopular for this topic post-revolutionary years, the author undertakes to explore the problem of Holiness. Klychkov's prose is also considered in the context of "poetic utterance" (that is, the poetics of S. A. Klychkov's novels is comprehended) according to the theoretical works of M. M. Bakhtin and in particular his pupil V. V. Fedorov.

Perhaps it is the first attempt to consider the phenomenon of group "new-peasant poets" with the cultural, philosophical, historical and biographical points of view – in the unity of their creative lives and tragic fractures in Russian history.

The article uses the characteristics of Klychkov's prose made by the writer's contemporaries (A. M. Gorky, A. K. Voronsky, P. A. Zhurov), studies of S. A. Klychkov's creativity, which have already become classical (N. M. Solntseva, M. Nike), theoretical works on Russian and world literature and art by M. M. Bakhtin, V. V. Kozhinov, Ortega-I-Gasset, T. Mann, as well as works on the theory of literature of 2001–2019 by S. A. Nebolsin, V. V. Fedorov, I. A. Esaulov.

Keywords: S. A. Klychkov, new-peasant poets, revolution of 1917, repression against the peasantry, 1937, collectivization, peasant uprisings, the problem of Holiness in Russian literature.

References

1. Bahtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Issues of Dostoevsky's poetics]. M. Sov. writer. 1963.
2. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* – Library of literature of Ancient Russia. SPb. 1997. Vol. 1
3. Voronskij A. K. *Sergej Klychkov (Lunnye tumany)* [Sergey Klychkov (Moon mists)]. M. 1987.
4. Gogol' N. V. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Minsk. 1955.
5. Gor'kij A. M. N. S. *Leskov* [N. S. Leskov] // Coll. Works : in 30 vols. M. State Publishment of fiction literature. 1953. Vol. 24.

6. *Dva Sergeya* – Two Sergeys. M. 1995.
7. *Den' literatury* – Day of literature // *Russkaya literatura i krest'yanskij vopros* – Russian literature and the peasant question / O. O. Pavlov. M. 2004. No. 9.
8. *Esaulov I. A. Paskhal'nost' russkoj slovesnosti* [Easter type of Russian literature]. M. Krug. 2004.
9. *Carlyle T. Krest'yanin-svyatoj* [Peasant-Saint]. M. 1912.
10. *Klychkov S. Chertuhinskij balakir'* [Chertukhin balakir']. M. 1988.
11. *Klychkov S. Sobranie sochinenij v dvuh tomah* [Collected works in two volumes]. M. Ellis Luk. 2000.
12. *Kozhinov V. Istoriya Rusi i russkogo slova* [History of Russia and the Russian word]. M. 2001.
13. *Kozhinov V. V. Proiskhozhdenie romana* [Origin of the novel]. M. Sov. writer. 1963.
14. *Kunyaev S. S. Poslednij Lel'* [The Last Lel']. M. 1989.
15. *Kunyaev St., Kunyaev S. Rasterzannye teni* [Torn shadows]. M. 1995.
16. *Kunyaev S. Yu. Sergej Esenin* [Sergey Yesenin]. M. 2006.
17. *Leskov N. S. Izbrannye sochineniya* [Selected works]. M. 2004.
18. *Lef* – Lef // *Yubilejnoe* – Anniversary / V. V. Mayakovsky. M.-P. 1924. No. 2.
19. *Mann T. Aristokratiya duha* [Aristocracy of the spirit] // *Moe vremya* – My time. M. Cultural revolution. 2009.
20. *Mel'nik V. I. Prepodobnyj Serafim Sarovskij. Hronika zhizni (dokumenty i daty)* [Venerable Seraphim of Sarov. Chronicle of life (documents and dates)]. Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education State Academy of Slavic Culture. 2012
21. *Morozov V. V. (sostavlenie i kommentarii). Lysaya gora (stat'i, interv'yuy, stenogrammy vystuplenij, dnevnikovye zapisi)* (compilation and comments) [Bald mountain (articles, interviews, transcripts of speeches, diary entries)]. Taldom. 1996.
22. *Nike M. D'yavol u S. Klychkova i M. Bulgakova* [Devil by S. Klychkov and M. Bulgakov] // *Revue des esclaves*. Paris. 1993. LXV/2.
23. *Nash sovremennik* – Our contemporary // *V nachale byl poet* – In the beginning there was a poet / V. V. Fedorov. M. 2018. No. 6.
24. *Pirozhkova T. F. Slavyanofil'skaya zhurnalistika* [Slavophil journalism]. M. 1997.
25. *Rodnaya Kuban'* – Native Kuban // *Karnaval ili horovod?* – Carnival or round dance? / S. A. Nebol'sin. Krasnodar. 2004. No. 2
26. *Russkaya literatura* – Russian literature // *Dve vstrechi s molodym Klychkovym* – Two meetings with young Klychkov / P. A. Zhurov. M. 1971. No. 2.
27. *Rossiya i sovremennyy mir* – Russia and the modern world // *K. Marks i F. Engel's bez p'edestala* – K. Marx and F. Engels without pedestal / G. I. Shmelev. M. 2003. No. 4.
28. *Sibir'* – Siberia // *Russkij obychaj* – Russian custom / A. G. Bayborodin. Irkutsk. 2019. No. 4.
29. *Solnceva N. Poslednij Lel'* [The Last Lel']. M. 1993.
30. *Solnceva N. Soroch'e carstvo Sergeya Klychkova* [Magpie Kingdom of Sergei Klychkov] // *Sobranie sochinenij* – Collected works / S. Klychkov. M. 2000.
31. *Solonevich I. L. Narodnaya monarhiya* [People's monarchy]. M. Phoenix. 1991.
32. *Toporov V. Svyatost' i svyatye v russkoj duhovnoj kul'ture* [Holiness and saints in Russian spiritual culture]. M. Gnosis. 1995.
33. *Hudozhestvennyj fol'klor* – Artistic folklore. M. 1927. Issues II–III.
34. *Florenskij P. A. Obratnaya perspektiva* [Reverse perspective] // *Sochineniya* – Works / P. A. Florensky. M. 1990.
35. *Shafarevich I. R. Polnoe sobranie sochinenij : v 6 t. T. 2* [Complete works : in 6 vols. Vol. 2]. M. Institute of Russian civilization. 2014.
36. *Aleshkin P. F., Vasil'ev Yu. A. Krest'yanskije vosstaniya v Rossii v 1918–1922 gg. Ot mahnovshchiny do antonovshchiny* [Peasant uprising in Russia in 1918–1922. From the Makhnovshchina to the Antonov]. Available at: https://royallib.com/read/vasilev_yuriy/krestyanskije_vosstaniya_v_rossii_v_19181922_gg_ot_mahnovshchiny_do_antonovshchiny.html#934560.
37. *Dal' V. Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Dictionary of the living great Russian language]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja>.
38. *Kozhinov V. V. Rossiya. Vek XX* [Russia. The twentieth century]. Available at: [http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2\(2\).htm](http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2(2).htm).
39. *Mihajlova N. O staroobryadchestve* [About old believing]. Available at: <https://www.anti-raskol.ru/mihailova/index.htm>.
40. *Ortega-i-Gasset. Vosstanie mass* [Revolt of the masses]. Available at: <https://e-libra.ru/read/348229-vosstanie-mass-sbornik.html>.
41. *Slovar' Brokgauza i Efrona* – Dictionary of Brockhaus and Efron. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3182>.
42. *Solnceva N. M. Proza novokrest'yanskih poetov* [Prose of new-peasant poets]. Available at: https://studylib.ru/doc/709506/proza-krest_yan2---filologicheskij-fakul_tet-mgu.
43. *Florovskij G. Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Available at: http://rusinst.ru/docs/books/G.V_Florovskiy-Puti_russkogo_bogosloviya.pdf.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 327.54

DOI 10.25730/VSU.2070.19.025

Холодная война между США и СССР: современный российский взгляд*

А. А. Калинин

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: lepe@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены размышления над книгой В. И. Батюка «Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории». В первой части книги Батюк описывает политические события первого послевоенного десятилетия, которые привели к возникновению биполярного противостояния между социалистическим и капиталистическим лагерями. Вторая часть посвящена пику холодной войны 1950–1960-х гг. В третьей части характеризуются внутренние и международные предпосылки, которые сделали возможным ослабление международной напряженности в 1970-е гг. В четвертой части книги автор рассматривает заключительный этап холодной войны. Особое внимание уделено горбачевскому «новому мышлению» и его роли в драматических изменениях советской внутренней и внешней политики в конце 1980-х гг. Автор приходит к выводу, что важнейшей предпосылкой содержательного двустороннего диалога по этому вопросу стал российско-американский стратегический паритет, ставший реальностью с конца 1960-х гг. Батюк анализирует историю американо-советского диалога по контролю над ядерными вооружениями: от плана Баруха до подписания 31 июля 1991 г. Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ). Рецензент отмечает, что данная монография является крупным вкладом в исследование советско-американского диалога по ограничению стратегических вооружений.

Ключевые слова: холодная война, региональные конфликты, ядерное оружие, контроль над вооружениями, переговоры об ограничении стратегических вооружений.

Монография одного из ведущих российских специалистов по истории холодной войны, доктора исторических наук, руководителя Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН Владимира Игоревича Батюка «Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории» посвящена военно-политическому аспекту биполярной конфронтации США и СССР [1]. Обращение к этой теме особенно актуально в условиях обострения отношений России и США, которое позволило многим экспертам говорить о «новой холодной войне». Постепенное рассекречивание в последние годы целых комплексов американских документов по 1970-м и 1980-м годам позволяет поставить исследования этого периода на прочную научную основу.

В. И. Батюк справедливо замечает, что история холодной войны остается недостаточно изученной. Особенно это касается её завершающего этапа. Исследование опирается на широкую источниковую базу: документы Национального архива США, российских архивов (Архива внешней политики РФ, Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории), материалы американской разведки, Конгресса США, мемуары американских и советских дипломатов, недавно опубликованные тома сборника «Foreign Relations of the United States».

Главным достоинством книги Батюка является глубокий анализ военного измерения холодной войны и, прежде всего, советско-американского переговорного процесса по ограничению гонки ракетно-ядерного оружия.

Книга состоит из четырех разделов, включающих девять глав. Первый раздел посвящен начальному периоду холодной войны. Батюк рассматривает процесс развала Антигитлеров-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).
© Калинин А. А., 2019

ской коалиции, который произошел из-за комплекса идеологических, политических и экономических противоречий Москвы и Вашингтона. Несомненный интерес представляет анализ причин обструкционистского подхода СССР к решению вопроса об участии в многосторонних экономических организациях. Автор особенно выделяет субъективный фактор: хотя многие советские экономисты высказывались в пользу участия СССР в международной валютной организации, председатель Госплана Н. А. Вознесенский, который в 1945 г. был близок к И. В. Сталину, являлся решительным противником присоединения СССР к Бреттон-Вудской системе. К тому же Сталин стремился к полной экономической независимости от внешнего мира (с. 16).

Автор показывает колебания советских руководителей относительно возможности сотрудничества с Западом. Сотрудники Института мирового хозяйства и мировой политики во главе с Е. С. Варгой полагали, что СССР после Второй мировой войны необходимо сотрудничество с США и Западной Европой (с. 23–24). В то же время сказывалась инерция идеологического мышления. Причины послевоенной конфронтации с советской стороны Батюк склонен искать в ментальности коммунистических вождей: их картина мира, привычки к сверхцентрализации, сверхзакрытости от окружающего мира препятствовали плодотворному сотрудничеству с Западом. Сталин верил в наступление глубокого кризиса на Западе, считая, что в этом случае руководители капиталистических стран вынуждены будут пойти на уступки Советскому Союзу (с. 25–26). «...Отдавая себе отчет в желательности послевоенного сотрудничества с Западом и особенно Америкой, – пишет Батюк, – тогдашнее советское руководство не было готово пройти свою половину пути навстречу» (с. 26). Ответом Сталина на начало холодной войны стал курс на раскол империалистического лагеря и изоляцию США (с. 27).

Поворотным моментом в американской политике Батюк считает «длинную телеграмму» Дж. Кеннана, после появления которой американцы уверовали в невозможность урегулировать разногласия с СССР методами традиционной дипломатии (с. 17–19).

Во второй главе «Раскол Европы» автор указывает, что из-за неспособности СССР и США добиться согласия по германскому вопросу экономический, политический и, наконец, военный раскол Германии и Европы стал неизбежным. Батюк кратко рассмотрел влияние кризисов вокруг Триеста, Греции, Ирана и Турции на становление конфронтационных отношений СССР и США¹. Хотя иранский кризис был полностью урегулирован, он оказал серьезное влияние на мышление руководящих кругов в Вашингтоне и Москве: американцы пришли к твердому убеждению, что именно их жесткая позиция заставила СССР отступить, в то время как Сталин воспринял его результаты как свидетельство складывания антисоветского союза Великобритании и США (с. 31).

В. И. Батюк подробно рассмотрел колебания советского руководства по поводу участия СССР и стран Восточной Европы в «плане Маршалла». Окончательное решение Москвы в этом вопросе он также связывает со спецификой мышления советских руководителей: сказалось их недоверие в отношении истинных замыслов Запада, подозрительное отношение к иностранному капиталу, причиной выдвижения «плана Маршалла» в Кремле считали желание США смягчить надвигающийся на капиталистический мир новый экономический кризис (с. 34–39). Автор приходит к выводу, что в СССР рассматривали экономику как «игру с нулевой суммой», в которой неизбежно проиграет тот, кто слабее (с. 38). Наряду с планом Маршалла, важнейшей «точкой невозврата» к сотрудничеству двух держав Батюк считает первый Берлинский кризис, который резко ускорил формирование Организации Североатлантического договора (с. 42, 47).

В третьей главе автор указывает на отличия между европейской и восточноазиатской «версиями» холодной войны. Если в Европе дело не дошло до военных действий между восточным и западным блоками, то в Восточной Азии военные конфликты стали реальностью.

Второй раздел монографии посвящен пику холодной войны в 1950–1960-е гг. Автор исследует основные технологические и политические аспекты первого десятилетия гонки ядерных вооружений (1945–1955 гг.). Интересен анализ «войны разведок» в ядерной и ра-

¹ О кризисах вокруг Триеста, Ирана и Турции см.: Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблуд. Киров : Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2014. Греческому кризису посвящена монография: Калинин А. А. На переднем рубеже холодной войны: СССР, США и гражданская война в Греции (1944–1949 гг.). Киров : Науч. изд-во ВятГУ, 2018.

кетной сферах. И если в «атомной гонке» в начале холодной войны лидировали США, то в «гонке разведок» первенство полностью удерживал СССР. Батюк подчеркивает, что в 1940–1950-е гг. США испытывали острый недостаток разведывательных источников в СССР, что вело к серьезным ошибкам в разведывательных оценках (с. 80–91). Искаженному представлению США о советском атомном и ракетном проектах способствовали и безраздельно господствовавшие в Вашингтоне предрассудки о советской технической отсталости. Например, в январе 1953 г. покинувший президентский пост Г. Трумэн признался, что лично он не верит в то, что СССР обладает ядерным оружием (с. 116).

Уделяет внимание автор и разработке средств доставки ядерного оружия. Он справедливо отмечает, что в СССР раньше, чем в США поняли значение принципиального нового средства доставки ядерного оружия – ракет. В Соединенных Штатах дело осложняли ведомственные амбиции авиационного командования, и руководителей военно-морских сил (с. 73–74).

Успехи Советского Союза в третьем мире, которые рассматриваются в пятой главе, автор монографии связывает с антизападным настроением националистических элит освободившихся стран – бывших европейских колоний. Советский же опыт в третьем мире в 1950–1960-е гг. вызывал большой интерес (с. 93–94).

Центральным сюжетом книги В. И. Батюка является становление и развитие советско-американского диалога по ограничению ядерных вооружений, которому посвящены все последующие главы. В 1940–1950-е гг. США, обладая подавляющим атомным превосходством, не собирались идти ни на какие уступки СССР, и, делает вывод Батюк, вопрос о контроле над вооружением был для американцев лишь еще одним фронтом психологической войны против Москвы (с. 118). В то же время, СССР, выдвигая предложения о контроле за атомной энергией, рассчитывал не только получить пропагандистский выигрыш, но и готов был в 1946–1947 гг. к заключению реального соглашения (с. 132). Начиная с 1948 г., сталинское руководство пришло к выводу, что переговоры по атомной проблеме окончательно зашли в тупик и стало использовать этот вопрос, как и американцы, в пропагандистских целях (с. 134). После 1953 г. Советский Союз выдвигал целый масштабных предложений о запрещении атомного и водородного оружия, которые, однако, не находили должного отклика со стороны американцев, руководствовавшихся доктриной массированного возмездия. Лишь в 1958 г. начался переговорный процесс СССР, США и Великобритании о полном прекращении ядерных испытаний.

Регулярный диалог по ядерным вооружениям не удалось наладить и в 1960-е гг., чему автор видит несколько причин: отсутствие устраивающего обе стороны формата переговорного процесса, который еще не был выработан; инерция прошлого опыта переговоров, проводившихся в многостороннем формате; отсутствие военно-стратегического паритета, что вело к незаинтересованности американской стороны в равноправном диалоге; и, наконец, несовершенство средств спутниковой разведки, требовавшее проведения многочисленных инспекций на местах, на которые не соглашались ни советские, ни американские военные (с. 143–144). Только осознание способности СССР реально добиться паритета в области стратегических вооружений заставило Вашингтон изменить свою неконструктивную позицию. Особое значение для американцев имели советские успехи в области создания системы противоракетной обороны (ПРО) вокруг Москвы (с. 144–145). И, наконец, к концу 1960-х гг. и США, и СССР отказались от утопических попыток добиться «всеобщего и полного» ядерного разоружения, что также стало важной предпосылкой перехода к конструктивному диалогу.

Батюк показывает, что фактически до конца 1970-х гг. не было никакого ракетно-ядерного паритета США и СССР. Сохранялся большой технологический отрыв США: развертывание американских баллистических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) началось в 1970 г., в то время как советских – только после 1975 г. По точности американские ракеты в то время превосходили советские. За счет развертывания баллистических ракет с РГЧ ИН Вашингтон смог вновь оторваться от Москвы в ядерной гонке. К середине 1970-х гг. США имели свыше 9,6 тыс. боеголовок на стратегических носителях, в то время как СССР – только 3,2 тыс. (с. 156). Лишь к концу 1970-х гг. СССР смог существенно сократить отставание: 10 тысяч американских стратегических боезарядов против 6,6 тыс. советских (с. 158). Однако еще в конце 1960-х гг. СССР получил возможность при любом сценарии ядерного конфликта нанести гарантированный ответный ядерный удар по американской территории (с. 158).

Результатом указанных сдвигов стало подписание 26 мая 1972 г. договоров об ограничении систем противоракетной обороны и об ограничении стратегических вооружений ОСВ-1.

Однако во второй половине 1970-х разрядка начала затухать. Причины этого Батюк вновь видит во многом в субъективном факторе: если с республиканскими администрациями Р. Никсона и Дж. Форда у советского руководства сложились доверительные личные отношения, то этого не произошло с приходом в Белый дом Дж. Картера (с. 181). В то же время советские и американские военные адаптировались к ОСВ-1 и выступали за продолжение переговорного процесса (с. 186).

Батюк дает высокую оценку договору ОСВ-2 (подписан Л. И. Брежневым и Дж. Картером в Вене 18 июня 1979 г.), который учитывал количественные и качественные составляющие стратегического паритета. В то же время, положения договора не содержали полный запрет на разработку новых стратегических ядерных вооружений. Действенность ОСВ-2 существенно страдала из-за промедления его подписания. Стороны согласовали его положения к тому времени, когда проблемы в советско-американских отношениях уподобились снежному кому (с. 188–189).

Достоинством книги В. И. Батюка является анализ процесса выработки американскими администрациями позиций по разоруженческой проблематике. Автор показывает, что в первой администрации Рейгана при определении политики на советском направлении царил хаос. В результате выработанные США в начале 1980-х гг. переговорные установки были явно нереалистичными. Так, вопреки позиции Госдепартамента, рейгановская администрация на переговорах по ракетам средней дальности выдвинула «нулевой вариант», требуя ликвидации советской стороной уже развернутых ракет в обмен на американское обещание не размещать в Европе собственные ракеты (с. 205). В Москве подобные инициативы были восприняты как совершенно несерьезные: они требовали уничтожения уже развернутых советских ракет средней дальности при полном сохранении ракетного потенциала НАТО. Руководитель делегации СССР на переговорах с США об ограничениях ядерных вооружений в Европе Ю. А. Квицинский очень точно охарактеризовал суть американских предложений: «себе бублик, а нам – дырку от бублика»².

По стратегическим вооружениям администрация Рейгана также руководствовалась двойными стандартами: «дестабилизирующими» стратегический баланс американцы считали советские «тяжелые» МБР шахтного базирования (то есть модификации ракеты Р-36, известной под названием «Сатана»), в то же время как даже новейшие американские системы, по их мнению, таким свойством, якобы, не обладали. Фактически Рейган добивался одностороннего разоружения СССР, который должен был резко сократить свои наиболее мощные ракеты, составляющие основу советской ядерной триады. Автор справедливо указывает на несостоятельность американских утверждений о том, что Советский Союз делает ставку на «первый удар». Батюк подчеркивает, что развертывание СССР в 1980-е гг. мобильных ракетных комплексов, строительство подводных ракетносцев нового поколения явно свидетельствовало о намерении Москвы укрепить, прежде всего, потенциал ответного, а не первого удара (с. 209–211). В этой связи уход СССР с переговоров в Женеве в ноябре 1983 г. был вполне закономерен.

Причины столь неконструктивной позиции новой американской администрации автор видит в том, что окружение Рейгана было недовольно самим характером переговорного процесса, который сложился между СССР и США в 1960–1970-е гг. Оно скорее исходило из предположения, что не контроль над вооружениями, а американские односторонние военно-технические меры могут укрепить стратегическую стабильность (с. 224–225). Но эти расчеты оказались несостоятельными.

Была, как думается, и другая важная причина. К началу 1980-х гг. Советский Союз уже не на словах, а на деле добился примерного паритета с Соединенными Штатами в стратегической сфере. Американскому истеблишменту очень сложно было смириться с потерей подавляющего стратегического превосходства. В докладе министра обороны США Сенатскому комитету по делам вооруженных сил говорилось, что теперь Вашингтону важно не допустить советского превосходства в области ядерных вооружений (с. 203). Ответом на неблагоприятные сдвиги в стратегическом балансе стали попытки американской элиты вернуть утраченное подавляющее превосходство с помощью новых технологически продвинутых видов вооружений (ракеты МХ, «Миджетмен», стратегические бомбардировщики В-1В, В-2 и др.) и, наконец, объявленная Рейганом 23 марта 1983 г. «Стратегическая оборонная инициатива»

² Гриневский О. А. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. С. 22.

(СОИ). Хотя советскими учеными был предложен достаточно эффективный «асимметричный ответ» на СОИ³, перспектива гонки космических вооружений не могла не тревожить советское руководство.

Проанализировав расклад сил, сложившийся в американском руководстве к 1984 г., Батюк приходит к выводу, что позиции сторонников переговоров с Москвой в Вашингтоне окрепли (с. 238). Возобновил работу конфиденциальный канал советского посла в США А. Ф. Добрынина, «замороженный» с момента прихода Рейгана в Белый дом. Автор отмечает также смягчение тона переписки генерального секретаря ЦК КПСС (теперь этот пост занимал К. У. Черненко) с президентом США (с. 238).

В результате сторонам удалось договориться о возобновлении диалога. Политбюро ЦК КПСС одобрило инструкции А. А. Громыко с требованием не допустить создание космических вооружений, что советский министр иностранных дел воспринял как рекомендацию добиваться от американцев отказа от СОИ. В совместном заявлении советской и американской сторон (8 января 1985 г.) впервые с момента прихода в Белый дом Рейгана удалось сформулировать общее видение целей и задач переговоров (с. 245–246). 12 марта 1985 г. переговоры начались.

Новым важнейшим фактором советско-американских отношений стал молодой амбициозный генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Батюк показывает в своей монографии, что в 1985 г. Горбачев еще не сформулировал конкретные предложения, которые могли бы привести к подвижкам в советско-американском диалоге по стратегическому оружию. Советский руководитель сосредоточил усилия на предотвращении «милитаризации космоса», то есть на полном запрещении космических вооружений (с. 251–252). Эту позицию американцы не считали реалистичной. «Прощупав» Горбачева во время первой встречи 5 ноября 1985 г., определив слабые пункты в его позиции, госсекретарь Дж. Шульц решил использовать СОИ как рычаг давления (с. 252). Первая встреча Генерального секретаря ЦК КПСС и президента США в Женеве (19–21 ноября 1985 г.) не привела к сближению позиций сторон. Однако два лидера согласились провести в будущем еще по меньшей мере две встречи (с. 254–256).

Таким образом, первая попытка Горбачева договориться с американцами закономерно потерпела провал. Вашингтон не собирался идти ни на какие реальные уступки Москве. В письме Горбачеву от 28 ноября после саммита в Женеве Рейган намекал на то, что за соглашение по космосу Советскому Союзу придется заплатить конкретную цену, но на тот момент советский руководитель еще не был готов к односторонним уступкам США. Однако переговорный тупик теперь подталкивал нетерпеливого генерального секретаря именно в этом направлении (с. 256–257). Фактически перед новым советским руководством в конце 1985 г. стоял выбор: либо по-прежнему вести затяжные и малорезультативные переговоры с американцами, либо самим сделать шаги навстречу, согласившись на уступки в надежде изменить морально-политический климат в мире и подтолкнуть США к встречным шагам.

Выбор был сделан в пользу второго варианта, на что, несомненно, повлияли личные качества генсека. Батюк отмечает такие черты Горбачева-дипломата, как нетерпение, неспособность контролировать свои эмоции. На это сразу же обратили внимание американцы по итогам анализа поведения советского лидера в Женеве (с. 257).

Первой «масштабной советской мирной инициативой» стало заявление Генерального секретаря ЦК КПСС от 15 января 1986 г. о полной ликвидации ядерного оружия в мире к 2000 г. Вряд ли можно согласиться с оценкой Батюка, что это заявление «представляло собой не набор пропагандистских лозунгов, а реалистичную, продуманную и взвешенную программу действий, рассчитанную по срокам» (с. 259). Как и предыдущие подобные предложения, оно было абсолютно нереалистичным, затрагивая интересы не только СССР и США, но и Великобритании, Франции, Китая, Израиля, Индии, Пакистана и других «пороговых» стран.

В то же время госсекретарь Шульц уловил, что этот утопический план можно использовать в интересах США, навязав Москве «нулевой вариант» по ракетам средней дальности ради осуществления идеи безъядерного мира в отдаленном будущем. Вашингтон не собирался идти ни на какие уступки Москве, и глава Госдепартамента решил ждать новых инициатив Горбачева, сохраняя при этом СОИ как средство нажима на Москву (с. 260–261). Американцы воспринимали советскую уступчивость только как явный признак слабости СССР. США остава-

³ См.: *Ознобищев С. К., Потапов В. Я., Скоков В. В.* Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана: Велихов, Кокошин и другие. М.: ЛЕНАНД, 2008.

лось лишь расставить ловушку, поместив в качестве приманки перспективу отказа от СОИ, и ждать, когда советский генеральный секретарь в нее попадет. Ожидания были недолгими.

Сами же американцы продолжали раскручивать маховик гонки вооружений. 27 мая 1986 г. Рейган объявил о своем намерении отказаться от соблюдения договоров ОСВ-1 и ОСВ-2. Реакция Москвы была резкой только на словах. На деле через 2 дня, 29 мая, СССР представил конкретные предложения по стратегическим и космическим вооружениям, которые Вашингтон оценил как первый шаг к принятию Кремлем американских подходов к их ограничению (с. 261–263). Уступчивость и нетерпение Москвы лишь разжигали аппетиты Белого дома.

Проведенная по инициативе Горбачева новая встреча на высшем уровне в Рейкьявике (11–12 октября 1986 г.) продемонстрировала готовность Горбачева идти уже на решающие уступки американской стороне. Советские предложения, отмечает автор, превзошли самые смелые ожидания США: «пакет» Горбачева включал почти все предложения американцев, в том числе о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) на 50 процентов, нулевой вариант Рейгана по евроракетам, продолжение НИОКР по СОИ, СССР настаивал только на невыходе Соединенных Штатов из договора по ПРО в течение 10 лет. Однако американский президент не согласился ни на какие ограничения СОИ (с. 266–267). Принципиально важным для США было советское согласие на двукратное сокращение «тяжелых» МБР, в то же время американских стратегических бомбардировщиков сокращения фактически не должны были касаться (с. 269). П. Нитце оценил «пакет» Горбачева как «лучшее советское предложение», которое США «получили за двадцать пять лет» (с. 270). Госсекретарь Шульц был уверен, что «джинн уже выпущен из бутылки» и советская сторона никогда не сможет забрать назад сделанные уступки (с. 271). Советский Союз сам соглашался на слом ракетно-ядерного паритета в пользу США. Расставленная американцами ловушка захлопнулась.

Американцы теперь просто «клали в карман» советские уступки, придерживаясь при этом жесткой переговорной позиции. В ноябре 1986 г. Шульц предложил Шеварднадзе сосредоточиться на обсуждении ликвидации МБР (по которым преимущество по-прежнему было на стороне СССР), отложив на неопределенный срок вопрос ликвидации стратегических бомбардировщиков и крылатых ракет воздушного и морского базирования (абсолютным превосходством по которым обладали США) (с. 272).

28 февраля 1987 г. М. С. Горбачев выступил с заявлением, в котором «развязал» выдвинутый в Рейкьявике пакет советских инициатив, предложив «безотлагательно» заключить договор по ракетам средней дальности на основе «нулевого варианта» Рейгана. Как справедливо указывает Батюк, такая спешка генерального секретаря была связана с его желанием компенсировать провалы во внутренней политике «успехами» во внешней. Американцы же теперь дали понять, что согласия СССР на рейгановский «ноль» уже недостаточно и для заключения договора требуются новые советские уступки (с. 276).

Инициативу в переговорном процессе полностью захватили американцы, которые требовали от советских представителей все новых уступок. Даже Э. А. Шеварднадзе вынужден был констатировать, что позиция США по ядерным и космическим вооружениям ужесточилась (с. 277).

Между тем «игра в поддавки» со стороны СССР продолжалась. Уже в апреле 1987 г. последовали новые уступки Кремля: советская сторона согласилась считать «испытаниями» ПРО только запуски прототипов противоракетных систем в космос, а также ликвидировать новейший оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока» (ОТР-23), который не подпадал под условия договора по ракетам средней и меньшей дальности (с. 278–279).

Согласованные в Совместном советско-американском заявлении на высшем уровне от 10 декабря 1987 г. параметры сокращений стратегических наступательных вооружений сохранили существенные перекосы в пользу интересов США. Так, СССР согласился с американской концепцией подлимитов и выгодным американцам сокращением забрасываемого веса баллистических ракет, что требовало больших сокращений советских «тяжелых» ракет. Москва согласилась не принимать в расчет американские крылатые ракеты морского базирования (с. 282–284). Однако даже новых советских уступок оказалось недостаточно для согласования окончательного текста договора, и его подписание при администрации Рейгана не состоялось.

К моменту прихода в Белый дом новой администрации Дж. Буша у американцев не оставалось сомнений в истинном смысле процессов, протекающих в СССР. Администрация Буша исходила из убеждения, что «Советский Союз – это великая держава, находящаяся в

упадке». Новый госсекретарь Дж. Бейкер стремился помочь «советской империи» совершить «мягкую посадку» (с. 290). Теперь вопросы контроля над стратегическими вооружениями США не расценивались как первоочередные. Бейкер считал необходимым обсуждать более широкие политические вопросы (с. 296).

В условиях нарастания кризиса в СССР и ослабления собственного авторитета внутри страны Горбачеву по-прежнему требовались внешнеполитические успехи «любой ценой». В такой ситуации США полагали, что нет никакого смысла идти на уступки Советскому Союзу по вопросам разоружения, поскольку заинтересованный в подписании договора хозяин Кремля сделает их сам. Такая тактика американской администрации задевала самолюбие Горбачева, однако ему ничего не оставалось, как делать новые шаги навстречу. Следующей важнейшей уступкой стал отказ Москвы от всякой увязки подписания договора по СНВ и договоренности по СОИ. Позиция же США осталась «твердокаменной» (с. 298–299). Батюк делает вывод, что «советско-американская повестка дня теперь писалась под американскую диктовку» (с. 301). Понимая, что американцы просто занимаются вымогательством советских уступок, Горбачев и Шеварнадзе в 1990 г. предприняли попытку вернуть переговорный процесс в формат нормального дипломатического торга. Так, президент СССР отверг новое предложение Буша о запрете мобильных МБР с РГЧ ИН, которое касалось новейшего советского стратегического ракетного комплекса железнодорожного базирования РТ-23УТТХ «Молодец» (с. 302–303). Однако изменить соотношение сил было уже невозможно. Советский Союз проиграл холодную войну. «В целом преодоление раскола Европы на Восток и Запад проходило под американскую диктовку», – пишет Батюк (с. 312). Военно-стратегический паритет СССР и США, достигнутый Москвой ценой колоссальных затрат и снижения уровня жизни советских людей, рухнул.

В заключении автор размышляет о перспективах российско-американских отношений после холодной войны. По его мнению, в последние годы в них возвращается идеологический конфликт. Если в годы холодной войны это был конфликт между коммунизмом и либерализмом, то теперь это конфликт между российским национализмом и американским либеральным идеализмом. Задачей российской дипломатии является снижение идеологического компонента и использование партнерских подходов в отношениях двух стран. На сегодняшний день, считает Батюк, американская сторона может пойти лишь на выборочное селективное партнерство по тем направлениям, которые выгодны США (с. 320–323). Но этот вариант гораздо более приемлем, чем новая холодная война.

В приложении представлен перевод на русский язык документов Архива национальной безопасности США, из которых следует, что западные лидеры, в том числе госсекретарь США Дж. Бейкер, заверяли советское руководство, что НАТО не будет размещать свои военные структуры на территории восточной части Германии и «на следующий день» принимать страны бывшего Варшавского договора в НАТО. В то же время стоит отметить: содержание документов ясно показывает, что западные страны не принимали официальных обязательств не расширять Североатлантический Альянс, войска НАТО не размещались на территории ГДР лишь на «согласованный переходный период», речь шла о непринятии в состав Альянса стран Восточной Европы в ближайшей перспективе (с. 325–328). Ясно, что и здесь советская дипломатия допустила крупный просчет.

Монография В. И. Батюка является глубоким и интересным исследованием, которое отличается высоким профессиональным уровнем. В книге обобщаются достижения отечественной и западной историографии в изучении истории холодной войны, присутствует анализ отечественных, так и американских архивных материалов.

Можно обозначить и ряд замечаний. Как представляется, автору стоило более четко очертить предмет исследования. Хотя в подзаголовке значатся «Очерки истории», наверное, стоило бы пояснить выбор того или иного «очерка». Автор сосредоточился преимущественно на анализе переговорного процесса по стратегическим вооружениям. Но при этом в монографии отсутствует сколько-нибудь подробный анализ советско-американских контактов в 1969 – первой половины 1970-х гг.

Представляется, что выражения «истерические заявления», «идиотские рассуждения» (с. 227), «панический страх Москвы» перед СОИ (с. 244) не должны присутствовать в научной монографии. Пассажи в духе «стареющая кремлевская геронтократия явно утрачивала возможность принимать ответственные решения...» (с. 229) не подкрепляются аргументами. О каких «ответственных решениях» могла идти речь, если администрация Рейгана вообще не собиралась договариваться с СССР по стратегическим вооружениям на основе принципа равной безопасности?

Решение Москвы об уходе с переговоров по стратегическим вооружениям Батюк считает следствием «эмоционального срыва» после начала размещения «евроракет» (с. 231). При этом в другом контексте Батюк сам упоминает причину жесткой реакции Москвы: ракеты «Першинг-2» являлись идеальным оружием внезапного «обезглавливающего» удара (с. 232).

Автор безапелляционно утверждает, что на рубеже 1970–1980-х гг. СССР разразился «тяжелейший социально-экономический и политический кризис» и «видимость роста экономики» удавалось поддерживать «за счет откровенных приписок и статистических фокусов ЦСУ СССР», ссылаясь при этом на очень спорную работу Е. Т. Гайдара «Гибель империи» (с. 233–234). Подобные утверждения не имеют под собой оснований: рост советской экономики в первой половине 1980-х гг. не подлежит сомнению, о чем свидетельствовали не только стоимостные показатели, но и данные в натуральном выражении. Например, производство электроэнергии в СССР выросло с 1294 млрд киловатт-часов в 1980 г. до 1544 млрд в 1985 г., грузооборот железнодорожного транспорта за эти годы увеличился с 3,4 трлн тонно-километров до 3,7 трлн⁴.

Встречаются в тексте и фактические ошибки. Так, Батюк утверждает, что Организация Варшавского договора упразднила свои военные структуры в феврале 1990 г. (с. 311–312), в то время как это произошло в соответствии с Будапештским заявлением государств-участников Варшавского договора от 25 февраля 1991 г. к 1 апреля этого года.

Работа В. И. Батюка может быть оценена как крупный вклад в исследование ракетно-ядерной гонки США и СССР. Книга написана доступным языком и будет полезна как специалистам по истории международных отношений XX в., так и всем, кого интересует история холодной войны.

Список литературы

1. Батюк В. И. Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории / Институт США и Канады РАН. М. : Весь мир, 2018. 336 с.
2. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров: Изд-во ВятГУ, 2014. 510 с.
3. Гриневский О. А. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. 624 с.
4. Калинин А. А. На переднем рубеже холодной войны: СССР, США и гражданская война в Греции (1944–1949 гг.). Киров : Науч. изд-во ВятГУ, 2018. 616 с.
5. Народное хозяйство СССР в 1987 г. : стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1988. 736 с.
6. Ознобищев С. К., Потапов В. Я., Скоков В. В. Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана: Велихов, Кокошин и другие. М. : ЛЕНАНД, 2008. 56 с.

The Cold War between the US and the USSR: a current Russian view

A. A. Kalinin

Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: leipse@yandex.ru

Abstract. The article presents reflections on the book of V. I. Batyuk's monograph "Cold War between the United States and the Soviet Union (1945–1991). Essays on the history". In the first part of the book, Batyuk describes the political events of the first post-war decade, which led to the emergence of a bipolar confrontation between the socialist and capitalist camps. The second part is devoted to the peak of the cold war of the 1950s and 1960s. The third part describes the domestic and international preconditions that made it possible to ease international tensions in the 1970s. In the fourth part of the book, the author examines the final stage of the cold war. Special attention is paid to Gorbachev's "new thinking" and its role in the dramatic changes in Soviet domestic and foreign policy in the late 1980s. Author concludes that the most important prerequisite for meaningful bilateral dialogue on this issue was the Russian-American strategic parity, which became a reality since the late 1960s. Batyuk analyzes the history of the US-Soviet dialogue on nuclear arms control: from the Baruch plan to the signing of the strategic arms reduction Treaty on July 31, 1991. The reviewer notes that this monograph is a major contribution to the study of the Soviet-American dialogue on strategic arms limitation.

Keywords: cold war, regional conflicts, nuclear weapons, arms control, negotiations on strategic arms limitation.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1987 г. : стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1988. С. 120, 314.

References

1. Batyuk V. I. *Holodnaya vojna mezhdru SSHA i SSSR (1945–1991). Ocherki istorii* [Cold War between the United States and the Soviet Union (1945–1991). Essays on the history] / Institute of USA and Canada RAS. M. The Whole world. 2018. 336 p.
2. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SSHA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* – Counter courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, near and Middle East in 1939–1947 / resp. ed. V. T. Yungblud. Kirov. Vyatka State Humanities University. 2014. 510 p.
3. Grinevskij O. A. *Perelom. Ot Brezhneva k Gorbachevu* [Fracture. From Brezhnev to Gorbachev]. M. OLMA-PRESS Education. 2004. 624 p.
4. Kalinin A. A. *Na perednem rubezhe holodnoj vojny: SSSR, SSHA i grazhdanskaya vojna v Grecii (1944–1949 gg.)* [At the forefront of the Cold War: the USSR, the USA and the civil war in Greece (1944–1949)]. Kirov. Scient. VyatSU. 2018. 616 p.
5. *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1987 g. : stat. ezhegodnik* – National economy of the USSR in 1987 : stat. yearbook / Goskomstat of the USSR. M. Finance and statistics. 1988. 736 p.
6. Oznobishchev S. K., Potapov V. Ya., Skokov V. V. *Kak gotovilsya "asimmetrichnyj otvet" na "Strategicheskuyu oboronnyu iniciativu" R. Rejgana: Velikhov, Kokoshin i drugie* [How the "asymmetric response" to R. Reagan's "Strategic defense initiative" was prepared: Velikhov, Kokoshin and others]. M. LENAND. 2008. 56 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37(470.342)(091)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.026

Народное образование Кировской области в военные годы

В. Б. Помелов

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. В статье на основе опубликованных и архивных источников показаны основные тенденции развития школьного образования в Кировской области в военные годы. Приведены сведения о героических подвигах учителей и преподавателей Кировского государственного педагогического университета, воевавших на фронтах и получивших высшие государственные награды. Подробно раскрывается деятельность школьных коллективов по военно-оборонной и спортивной подготовке школьников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Характеризуется деятельность школьных учителей и преподавателей Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина в тылу. Используются воспоминания очевидцев тех лет, бывших сотрудников КГПИ С. М. Дриго и Н. В. Лещевой. Приводятся сведения по эвакуации в Кировскую область.

Ключевые слова: Кировская область, школа, Великая Отечественная война, учителя и преподаватели КГПИ – участники Великой Отечественной войны, эвакуация.

Тема участия учительства в войне против немецко-фашистских захватчиков остается на протяжении многих лет одной из важных в отечественной историко-педагогической науке. Многие страницы этой истории все еще не написаны, особенно в части истории регионального образования. Можно констатировать, что кировскими исследователями данная тематика в последние полвека практически не рассматривалась. Задача предлагаемой статьи – заполнить этот пробел.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала тяжелым испытанием для системы просвещения Кировской области. В годы войны было мобилизовано примерно три тысячи учителей школ и других образовательных учреждений г. Кирова и Кировской области, а также многие выпускники и студенты учебных заведений. Среди них немало тех, кто был удостоен боевых орденов и медалей. Назовем лишь тех учителей, кто получил высшее в нашей стране звание «Герой Советского Союза». Это Бахтин Иван Павлович, Березин Семен Петрович, Казаков Александр Ильич, Крестьянинов Петр Константинович, Кряжев Василий Ильич, Леушин Дмитрий Сидорович, Лимонов Илья Дмитриевич, Малков Георгий Александрович, Мальков Дмитрий Кузьмич, Масленников Николай Петрович, Матвеев Владимир Сергеевич, Онучин Михаил Васильевич, Рокин Лавр Иванович, Скобелев Иван Алексеевич, Суровцев Борис Николаевич, Шатов Михаил Григорьевич, Широнин Петр Николаевич, Шутов Петр Иванович [5; 15].

Кратко расскажем о судьбах некоторых из них. Борис Николаевич Суровцев родился 6 апреля 1902 г. в деревне Нижняя Тойма Малмыжского уезда в крестьянской семье. Учился в Кировском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина (далее – КГПИ). Работал учителем в г. Малмыже, Козьмодемьянске и Самарканде. Старший сержант Б. Н. Суровцев отличился в боях при форсировании Днепра в 1943 г. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено 30 октября 1943 г. Он погиб в бою 27 апреля 1944 г. [1].

Выпускник КГПИ Михаил Григорьевич Шатов (1919–1967) получил звание Героя Советского Союза 23 февраля 1945 г., как сказано в представлении, «за отличное выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом смелость и отвагу, за совершение 113 боевых вылетов и уничтожение 15 танков, 63 автомашин, 18 цистерн с горючим, 11 полевых и 12 зенитных орудий, 5 огневых точек, 35 железнодорожных вагонов, 2 эшелонов с во-

енной техникой, 19 мотоциклов, 2 барж и 2 паровозов, 105 лошадей, 2-х переправ, 10 самолетов на земле и свыше 850 солдат и офицеров противника» [10, с. 85–86].

На учебном корпусе №14 Вятского государственного университета (бывшего КГПИ) установлены мемориальные доски, посвященные Б. Н. Суровцеву и М. Г. Шатову, И. Д. Лимову (1924–1991) и В. И. Кряжеву (1918–2000).

Многие студенты Кировского пединститута в годы войны отправились на фронт. В Кировской области были сформированы пять отрядов народных мстителей, которые сражались в рядах партизан. В их числе была студентка КГПИ Лидия Петровна Кассихина, которая принимала участие в партизанской борьбе в Сумской и Харьковской областях, в брянских лесах. Л. П. Кассихина была заместителем командира партизанской бригады [8, с. 247].

Геннадий Александрович Хохлов учился на филологическом факультете Кировского педагогического института. За первый курс имел по всем предметам «отлично». Подрабатывал в детском клубе «Аполло» и одновременно учился в аэроклубе. В начале войны был направлен в военную авиационную школу в г. Энгельс, по окончании которой в сентябре 1942 г. сражался на Сталинградском фронте в составе 214-й штурмовой авиационной дивизии 618-го штурмового авиаполка. Он стал одним из 503 советских героев-летчиков, совершивших подвиг, который получил название по имени Николая Гастелло. 18 июля 1944 г. у деревни Машев Любомльского района Волынской области на Украине самолет Г. А. Хохлова загорелся. Хохлов приказал своему напарнику прыгать, а сам направил горящий самолет на зенитки фашистов [10, с. 91].

Выпускник 1930 г. физико-технического отделения КГПИ Николай Петрович Борисов в 1936–1940 гг. учился на инженерном факультете военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского и затем в течение 31 года служил в военно-воздушных силах на преподавательской, научной и практической работе. За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны он был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени и орденом Отечественной войны II степени, медалями. Имел 52 благодарности, в том числе от Генеральных авиаконструкторов А. Н. Туполева и А. С. Яковлева, которых Борисов знал лично.

Героически сражался на фронтах Великой Отечественной войны студент исторического факультета Максим Петрович Коробейников, прошедший путь от рядового до генерал-майора. После окончания войны он завершил обучение в КГПИ; со временем стал выдающимся ученым – доктором психологических наук, профессором, основоположником научного направления – военной психологии. Уже в зрелом возрасте он был принят в члены союза писателей СССР, издал ряд книг, преимущественного мемуарного содержания. О нем в 1995 г. к пятидесятилетию Великой Победы был снят двухчасовой документальный фильм кировской кинокомпанией «ВГТРК» [13].

Среди преподавателей КГПИ, работавших в послевоенные годы, было немало участников Великой Отечественной войны. Укажем их всех. Это Вараздат Сумбатович Арутюнян, Василий Родионович Ананьев, Александр Георгиевич Балыбердин, Николай Матвеевич Балыбердин, Николай Владимирович Белозеров, Геннадий Васильевич Березин, Яков Григорьевич Биренбаум, Иван Пантелеймонович Василевич, Алексей Иванович Вопилов, Андрей Егорович Ворончихин, Георгий Андреевич Глушков, Леонид Александрович Горев, Михаил Васильевич Градобоев, Борис Николаевич Греков, Леонид Кириллович Гришанов, Лев Иосифович Дорфман, Леонид Григорьевич Елсуков, Борис Несторович Епифанов, Алексей Николаевич Ефремов, Аркадий Иванович Жаворонков, Гавриил Тимофеевич Зайцев, Борис Михайлович Замятин, Петр Данилович Захаров, Иван Иванович Иванов, Анатолий Митрофанович Изергин, Владислав Константинович Иньков, Евгений Степанович Канин, Николай Павлович Киселев, Петр Ефимович Козлов, Иосиф Павлович Колчанов, Виктор Анатольевич Кондаков, Ольга Антоновна Корчак, Василий Иванович Косолапов, Яков Фролович Котенок, Петр Александрович Крупин, Борис Маркович Курчаков, Петр Дмитриевич Кытманов, Дмитрий Дмитриевич Лавров, Борис Васильевич Леготин, Дмитрий Матвеевич Лохтин, Николай Григорьевич Лукьяненко, Моисей Ионович Лупинский, Василий Матвеевич Луценко, Николай Петрович Мазин, Исай Исаевич Моносзон, Иван Александрович Мохирев, Иван Петрович Никулин, Федор Платонович Охупкин, Фома Данилович Пестов, Михаил Трофимович Пинаев, Юрий Михайлович Попов, Петр Петрович Распопов, Василий Федорович Сахаров, Тамара Анатольевна Соколова, Давид Моисеевич Сонин, Антонина Ефимовна Ситникова, Василий Александрович Соболев, Евгений Иванович Сохин, Владимир Федорович Суходоев, Сергей Макарович Тарасенков, Иван Иванович Троегубов, Леонид Михайлович Тукмачев, Василий Егорович Ушаков, Иван

Михайлович Устюжанинов, Григорий Евдокимович Федоров, Петр Степанович Филимонов, Валентина Михайловна Фоменкова, Владимир Филиппович Фролов, Виталий Поликарпович Хлыбов, Татьяна Борисовна Храбрикова, Алексей Антонович Черкасов, Константин Михайлович Чуватин, Алексей Иванович Шабалин, Николай Васильевич Шестаков, Самуил Срулевич Шнейдер, Иван Дмитриевич Штин, Василий Петрович Якимов, Василий Степанович Якимов. [9; 15; 16]. Последней из названных ветеранов ушла из жизни (в 2019 г.) кандидат биологических наук, доцент Т. А. Соколова, долгие годы работавшая в КГПИ заведующей кафедрой физиологии.

На место ушедших защищать Родину учителей были направлены 643 выпускника педагогических заведений области. Кроме того, 1215 учителей, эвакуированных на Вятскую землю из временно оккупированных врагом территорий, главным образом из крупных городов, несколько улучшили качественный состав учительства школ Кировской области. Несмотря на тяготы военного времени, количество школ продолжало неуклонно возрастать. Если в 1940–1941 учебном году в Кировской области было 1440 начальных школ, 415 семилетних, 158 средних, а всего – 2013, то в первом военном 1941–1942 учебном году их стало уже 2095 (соответственно 1490, 442 и 163), в 1942–1943 учебном году – 2093 (1530, 398, 165), в 1943–1944 учебном году – 2195 (1627, 398, 170), в 1944–1945 учебном году – 2310 (1755, 391, 164). В городах прибавилось 5 начальных школ, а на селе – 310. В городах стало больше на 8 семилетних и на 3 средние, а на селе – на 4 средние школы. Произошло некоторое сокращение неполных средних школ в связи с их преобразованием в начальные школы [16, с. 160]. Контингент 5–7-х классов сократился вдвое, 8–10-х классов – даже более, чем вдвое. По годам начиная с 1940–1941 по 1944–1945 учебный год контингент учащихся изменялся следующим образом: 411 446 – 365 720 – 310 091 – 296 344 – 310 755 [18, с. 28].

Учителя стремились поддерживать связь с фронтовиками. Завуч начальной школы № 9 г. Кирова Фаина Васильевна Лютина писала на фронт, обращаясь к одному из бойцов Красной Армии – отцу ее ученицы Иды Гашуткиной: «Знайте, что в эти грозные дни, переживаемые нашей родиной, весь советский народ с вами, воинами Красной Армии. Свой трудовой день мы начинаем и заканчиваем мыслью о фронте. Будьте спокойны за своих детей, мы окружим их вниманием и заботой. При нашей школе создан из актива родителей комитет содействия детям фронтовиков и их семьям. Выявлены все дети, нуждающиеся в одежде и обуви. В школе имеется буфет. К тому же мы даем путевки детям в молочное кафе. Дети обеспечены учебниками. Мы делаем все, чтобы обучить и воспитать их для трудовой жизни, для борьбы на благо нашей Родины. Пусть сердце Ваше не знает тревоги, а руки твердо и уверенно разят подлого врага». Это письмо было размещено во фронтовой газете. Бойцы подготовили коллективный ответ. Дети фронтовиков окружались особой заботой [19].

Наталья Васильевна Лещева многие годы работала лаборантом в КГПИ, а в годы войны была школьницей. Ее воспоминания позволяют представить обстановку тех лет:

«31 августа 1941 г. мы, второклашки, пришли в школу на собрание. Сразу узнали новости: учительница будет новая, учиться будем на 2-м этаже и во вторую смену: первый этаж школы заняли под госпиталь. Наша школа № 8 располагалась в двухэтажном кирпичном доме на улице Энгельса. 1 сентября в нашем классе оказалось много новеньких. Это были дети из семей, эвакуированных в Киров. Они от нас отличались: были более сдержанные, аккуратные, учились хорошо, особенно девочки. Старших классов, восьмых и девятых, я вообще не помню. Наверно, их у нас в школе просто не было: ученики-подростки встали к станкам. В сентябре 1941 г. ввели продуктовые карточки. А в школе на большой перемене мы получали по стограммовой булочке (белой или «серой») и по стакану киселя. В городе работали кафе и столовая для учащихся. На класс выдавали несколько талонов на месяц (большая часть – в кафе, поменьше – в столовую). Классный руководитель распределяла их между нами. В первую очередь талоны получали дети фронтовиков и те, кто из многодетных семей. Успеваемость, конечно, в расчет не принималась. За все время учебы я несколько раз получала талоны в кафе и один раз в столовую. Сейчас, оглядываясь в прошлое, я удивляюсь, как четко тогда было все продумано. В этих кафе и столовой каждой школе были отведены определенные часы для посещения, поэтому – никаких очередей, никакой толкотни и неразберихи.

Мы, младшие школьники, в войну быстро выросли и привыкали к ответственности. Хлебные карточки в семье были на моем попечении. Вместе с братишкой занимали очередь за хлебом и ждали. «Прикреплены» мы были к магазину №4 (в просторечии – «склад», это здание около станции Киров-Котласская просуществовало до конца 1970-х гг.). Хлеб привозили в фур-

гоне на быке. Иногда в пути бык ложился и отдыхал, так что ждать приходилось очень долго. Учебники в школе каждому выдавали те, что остались от предыдущего класса. Их очень берегли. С тетрадями было хуже: На год их давали две: одну в клеточку и одну в линейку, и только для контрольных работ. А рабочие тетради делали из всего, на чем можно писать. У меня была тетрадь из оберточной бумаги и еще блокнот, который мне подарили эвакуированные ребята. Помню, как в третьем классе мы «кочевали» в поисках места для занятий. Начали учебный год в здании нынешней 28-й школы, и фактически там оказались две школы под одной крышей. Было хорошо, просторно, огромный актовзый зал. А потом нас переселили в здание 9-й начальной школы на ул. Халтурина, 9. (Ныне – ул. Пятницкая). Нам, третьеклассникам, почему-то не нашлось места. И нас просто приводили в комнату какой-нибудь конторы, где мы и занимались. Лишь в 4 классе, когда ввели раздельное обучение, мы вернулись в 9-ю начальную, и пошла нормальная школьная жизнь» [11].

Все школы были обязаны обеспечивать свои столовые овощной продукцией. В каждой, даже городской, не говоря уже о сельских, школе разводили кроликов, свиней, кур. Все школы без исключения получили в дополнение к школьным огородам и садам немалые наделы земли, обычно на окраине города или за его пределами, которые должны были обрабатывать. Полученные овощи шли в школьную столовую. Некоторые участки располагались в крайне неудобных местах, например на Симановском острове, прямо посреди реки Вятки. Даже добраться до такого участка представляло немалую сложность. Вырастить и собрать урожай было лишь половиной дела. Другая задача, более сложная, а порой и опасная, заключалась в том, чтобы сохранить выросший, но еще не убранный с полей урожай от непрошенных «помощников». Вот почему приходилось дежурить на участках круглосуточно, вплоть до того времени, когда урожай был собран.

Из воспоминаний кировского педагога Сары Макарьевны Дриго о своем муже Никаноре Федоровиче Пережогине:

«В самом начале войны Н. Ф. Пережогина назначили на должность зав. хозяйственной частью пединститута. На его плечи легли все трудности по эвакуации института в Яранск. Когда в войне наступил перелом и эвакуированные в Киров учреждения постепенно начали возвращаться обратно, освободилось и здание пединститута. Мы уже собрались было в Киров, но в феврале 1943 г. мужа вызвали в Яранск и предложили занять должность заведующего детским домом № 54, эвакуированного из поселка Волосово под Ленинградом. Располагался он в местечке Опытное Поле, в 12 км. от Яранска. Прежний директор Бушуев был призван в армию и Никанор Федорович должен был занять его место. Детдом размещался в здании бывшего монастыря, а помещение для учебных занятий – в деревянной церкви. Встретила нас полная разруха: оконные стекла выбиты, железные прутья из спинок кроватей выломаны – на них пекли мороженую картошку, печи в спальнях полуразрушены. Прошли по спальням. Дети спали на полу «звездочкой»,– головы в центре, ноги в рваной обуви выставлялись из-под матрацев, которыми укрывались дети вместо одеял. Было очень холодно. Нищета, заброшенность, безразличие к судьбам детей виднелись во всем. В подвальном этаже хранился картофель, привезенный по разнарядкам из колхозов. Он был весь заморожен, но ели и такой, – других продуктов не было. Из всего привезенного из Ленинграда в детдоме осталась лишь финская лошадка Каролина и немного одежды, а все продукты разграблены. Первым делом Никанор Федорович разобрал деревянный верх церкви и полученным материалом перекрыл потолок школы. Я составила, исходя из местных возможностей, программу по домоводству и приступила к ее осуществлению...» [12, с. 248–249].

Конечно, не во всех интернатах положение было столь безрадостным. О лучших из них писала центральная пресса. Так, «Учительская газета» рассказывала о Лопышевской начальной школе Котельничского района (зав. К. Н. Дядькина), при которой был прекрасно оборудован детский интернат. В нем имелись специальные комнаты для занятий ручным трудом. Дети в свободное время обучались сапожному и столярному делу. С пришкольного участка был собран большой урожай ячменя, овса, пшеницы. В погребе закладывалось достаточное количество овощей. Этих продуктов хватало на целый год. В школе было подсобное хозяйство, две коровы, лошадь [7].

Хотя и с большим трудом, школы решали вопросы материального обеспечения образовательного процесса. На кировских предприятиях наладили выпуск канцелярских принадлежностей, тетрадей, мела, школьных парт, столов, стульев, табуретов, досок, спортивного оборудования [2; 18, с. 36].

В 1941–1945 гг. велась активная учебно-методическая и научно-педагогическая деятельность кировских педагогов – ученых и практиков. Поскольку издание педагогической литературы в годы войны было сильно затруднено, ведущие педагоги области публиковали свои работы на страницах местных периодических изданий. «Кировская правда» напечатала статьи директора института усовершенствования учителей, впоследствии заведующего кафедрой педагогики КГПИ Владимира Александровича Петрова на тему «Правила поведения советских школьников» (31 августа 1943 г., № 179), «Воспитание деловитости в советской школе» (31 октября 1943 г., № 223) и ряд других. Большую помощь учителям в совершенствовании их работы, в их переподготовке оказывал Институт усовершенствования учителей. В нем регулярно проводились научно-практические конференции с участием представителей Наркомпроса, специалистов из Горького, Молотова (совр. Пермь), Вологды и других городов, известного детского писателя и художника Евгения Ивановича Чарушина [4].

В 1944–1945 гг. свыше ста учителей и работников образования области были награждены орденами и медалями. Среди них были лучшие кировские учителя К. Н. Курочкина, А. И. Лазарева, Д. М. Лобастова, Е. К. Молчанова, З. И. Одинокова, А. Н. Тепляшина [8, с. 256–257].

Много внимания уделялось патриотическому воспитанию детей и молодежи. При подготовке мероприятий учителя подбирали эмоционально насыщенный материал – стихи и рассказы С. Я. Маршака, А. Л. Барто, Л. А. Кассиля. Он сопровождался сообщениями и иллюстрациями из газет и журналов, чтобы дети могли зримо запечатлеть в сознании изображаемое событие. Такие беседы доходили до самого сердца детей. Вниманию старшеклассников предлагались тематические доклады с постановкой серьезных общественно-политических проблем, например, «Храбрость и мужество – национальная черта русского народа», «Герои Отечественной войны», «Роль боевой техники в современной войне», «Героическая оборона Севастополя», «События в Северной Африке и их военно-политическое значение». Тематические доклады готовили школьные учителя. Например, учительница Лурье (средняя школа № 5 г. Кирова, директор Антонина Николаевна Ерохова) систематически подбирала материал из газет и брошюр, просматривала книги и журналы «Интернациональная литература», «Красная новь», «Октябрь», «Новый мир». Учительница Антонина Ивановна Иштутинова ввела в классе соревнование на лучшее звено под девизом «Ни одного отстающего рядом», что было крайне актуально в те годы, если принять во внимание сложности в обучении, прежде всего, эвакуированных детей.

Много внимания уделялось работе школьников в подшефных госпиталях, активно действовало Кировское областное отделение международной организации помощи революционерам (МОПР). На танковую колонну имени С. М. Кирова мопровцами было собрано 1,6 миллиона рублей. «Каждый из нас хочет сделать для Родины как можно больше, – говорил на слете пионеров начальник команды тимуровцев 17-й школы Вова Орлик. – Мы собирали железный лом, лекарственные травы, помогаем семьям фронтовиков. Много внимания уделяем октябрятам». Пионеры школы № 9 г. Кирова собрали 1560 рублей на танк «Пионер» [18, с. 36]. Движение сбора средств на создание военной техники в тыловых областях стало повсеместным. Преподаватели и студенты КГПИ собрали средства на постройку самолета. Вскоре в Киров пришла телеграмма от Верховного главнокомандующего: «Прошу передать профессорам, преподавателям, студентам, рабочим и служащим, ... собравшим на строительство самолета «Кировский пединститут», мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин. 21 марта 1943 года» [10, с. 136].

Образование и наука в эвакуации. Рассказ об истории кировского образования в военные годы был бы неполным без упоминания об эвакуации. 13 января 1994 г. на здании главного корпуса КГПИ (ул. Ленина, 111) появилась мемориальная доска. На ней высечены слова: «В этом здании в годы Великой Отечественной войны с января 1942 по август 1944 находилась Ленинградская военно-морская медицинская академия» (далее – ЛВММА). На церемонии открытия мемориальной доски выступили мэр г. Кирова Анжелий Михайлович Михеев, директор Кировского филиала Пермского государственного медицинского института Валентин Андреевич Журавлев, члены делегации Ленинградской области, приехавшие в Киров для участия в мероприятиях, посвященных 50-летию снятия блокады с города на Неве, представители ветеранских организаций, бывшие слушатели академии и преподаватели КГПИ.

После митинга в институте состоялась конференция, на которой перед преподавателями и студентами с докладами и сообщениями, посвященными этому памяtnому событию, выступили ветераны войны, историки, очевидцы тех лет. Вспоминали тех, кто работал в те годы

в ЛВММА, и, прежде всего, замечательного хирурга и организатора здравоохранения, главного хирурга Военно-морского флота, Героя Социалистического Труда (1945 г.), лауреата Государственной премии первой степени (1948 г.) Юстина Юлиановича Джанелидзе (1883–1950). Курсанты, учившиеся в ЛВММА в Кирове, в дальнейшем составили цвет отечественной медицины. Судьба многих из них заслуживает отдельного рассказа. Однако здесь мы ограничимся кратким перечислением фамилий и указанием на их должности и научные заслуги (сведения получены доцентом КГПИ Г. А. Ворониной от обучавшегося в Кирове в 1943–1944 гг. и окончившего ЛВММА весной 1947 г. уже в г. Ленинграде действительного члена Российской академии медицинских наук, директора НИИ мозга РАМН О. С. Андрианова). Из своих однокурсников, учившихся в Кирове, О. С. Андрианов вспомнил следующих специалистов: Александр Григорьевич Суббота, доктор медицинских наук, профессор, невропатолог, многие годы заведовал лабораторией в ЛВММА; Леонид Иосифович Аруин, доктор медицинских наук, профессор, крупный специалист в области патологической анатомии желудочно-кишечного тракта, заведующий лабораторией НИИ гастроэнтероскопии (г. Москва); Игорь Владимирович Саноцкий, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, зав. лабораторией токсикологии НИИ профессиональных заболеваний РАМН (г. Москва); Георгий Иванович Карпунин, доктор медицинских наук, профессор, в течение длительного времени директор НИИ гриппа Министерства здравоохранения СССР (г. Ленинград); Генрих Ильич Лукомский, доктор медицинских наук, профессор, много лет возглавлял кафедру хирургии в 1-м Московском медицинском институте; Артем Ервандович Карапетян, доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой общей биологии Ереванского медицинского института; Виктор Михайлович Шустиков, доктор медицинских наук, профессор, зав. лабораторией в одном из НИИ (г. Москва); Юрий Натанович Лившиц, кандидат медицинских наук, главный рентгенолог Карельской АССР; Борис Аркадьевич Антер, доктор медицинских наук, профессор, специалист в области патологической анатомии, работал в Свердловском медицинском институте; Виктор Акимович Кочетков, доктор медицинских наук, терапевт, многие годы возглавлял отделение госпиталя в г. Кронштадте; Виталий Гаврилович Борисов, долгие годы возглавлявший медицинское управление КГБ СССР; Николай Михайлович Шумнин, начальник управления кадров ЛВММА.

О. С. Андрианов указал также, что на параллельном курсе (возможно, имеется в виду – на предыдущем или последующем курсе) учились: Федор Иванович Комаров, вице-президент Российской академии медицинских наук (РАМН), начальник военно-медицинского управления Советской Армии, генерал-полковник медицинской службы, один из ведущих терапевтов страны; Данат Семенович Саркисов, действительный член Российской академии медицинских наук, руководитель анатомического отдела НИИ хирургии им. А. А. Вишневского, ученый секретарь РАМН; Артур Викторович Вальдман, действительный член РАМН, директор НИИ фармакологии РАМН; Юрий Федорович Исаков, вице-президент РАМН, специалист в области детской хирургии; Сергей Петрович Буренков, кандидат медицинских наук, министр здравоохранения СССР. И это, конечно, далеко не полные сведения.

Некоторые сотрудники ВятГУ старшего поколения и бывшие студенты сохраняют добрую память о кандидате медицинских наук, доценте Моисее Ионовиче Лупинском (1924–1993), работавшем в институте заведующим кафедрой гражданской обороны в 1977–1993 гг. Много лет М. И. Лупинский работал хирургом, заведовал хирургическим отделением медсанчасти завода им. XX партсъезда (ныне «Авитек»), участвовал в Великой Отечественной войне. Словом, прожил достойную во всех отношениях жизнь. В январе-марте 1942 г. он также учился в ЛВММА, и именно в Кирове, но весной 1942 г. ушел на фронт, а завершил учебу уже после войны, в Горьковском медицинском институте в 1948 г.

Вернувшись по ранению домой, Владимир Филиппович Фролов устроился на работу заведующим учебным корпусом пединститута; это был как раз тот период, когда в нем располагалась ЛВММА. А потом он с этим корпусом долгое время не расставался: здесь закончил исторический факультет, затем аспирантуру. В дальнейшем получил ученую степень кандидата исторических наук. Уже находясь в пенсионном возрасте, в 1990-е годы работал помощником ректора по учебному корпусу в «Чижках».

В годы войны в Кирове находились Ленинградская лесотехническая академия имени С. М. Кирова. Воронежский пединститут размещался в г. Уржуме. Как это ни парадоксально, но в то время возможности для получения высшего образования жителями Кировской области существенно улучшились по сравнению с довоенным периодом, поскольку все эвакуированные вузы вели прием студентов и ими становились, прежде всего, вятчане.

На вятскую землю были эвакуированы Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос, далее – НКП) РСФСР и НИИ школ НКП. Из Москвы состав с семьями сотрудников этих учреждений добирался 12 суток и прибыл в Киров в конце октября. Для НКП выделили здание средней школы имени Октябрьской революции по ул. Большевиков.

Научно-исследовательский институт школ НКП был размещен в помещении Молотовского (Нолинского) педучилища; под жилье были определены несколько частных квартир. В г. Молотовск прибыла целая группа широко известных советских ученых. Все, о ком пойдет речь ниже, на тот период были, или стали позднее, докторами наук, профессорами, академиками, авторами учебников и крупных монографий. Некоторые возглавляли научно-исследовательские учреждения: НИИ, лаборатории. Расскажем кратко хотя бы о некоторых из них.

Прежде всего, назовем имя выдающегося лингвиста Льва Владимировича Щербы (1880–1944), основателя крупной лингвистической школы, одного из основоположников теории фонем, крупнейшего методиста русского и иностранных языков. Им разрабатывались принципы обучения иностранным языкам, создавались теоретические основы общей методики иностранных языков. Он был одним из авторов первого издания академической грамматики русского языка, членом орфографической комиссии, составлявшей «Свод правил русской орфографии и пунктуации».

Михаил Александрович Данилов (1899–1973) исследовал проблемы методологии педагогики и педагогического образования, методики педагогических исследований. Создал концепцию начального образования, в основе которой идеи отбора знаний, стимулирования внутренних сил личности, организации учебного труда, требующего самостоятельности мысли и действия. Но основное внимание в его научном творчестве уделялось проблемам дидактики. Такие его труды как «Дидактика» (М., 1957), «Процесс обучения в советской школе» (М., 1960) в течение длительного времени определяли развитие отечественной дидактики.

Евгений Яковлевич Голант (1888–1971) написал учебник по истории педагогики, а также букварь, по которому занимались в школах всей страны. Им были созданы учебные книги для неграмотных взрослых, такие как «Букварь крестьянина». Он был автором первого труда по школоведению «Руководство школой» (Л., 1957), положившего начало целому направлению в педагогической науке.

Сергей Григорьевич Шаповаленко (1903–1988) долгие годы руководил созданным им НИИ школьного оборудования и технических средств обучения Академии педагогических наук СССР, был автором фундаментальных работ по дидактике, прежде всего по методике обучения химии в школе. В 1950–1980-х гг. С. Г. Шаповаленко был крупнейшим специалистом в области создания и использования технических средств обучения; под его руководством разрабатывались приборы и оборудование для школьных кабинетов физики и химии. Переход на кабинетную систему в школах также связан с его именем.

Николай Михайлович Верзилин (1903–1984) – автор программ, учебников и трудов по методике преподавания биологии в школе и вузе, по организации внеклассной работы по предмету. Он детально разрабатывал школьную методику обучения биологии, инициатором исследования проблем школьных учебников, автором многочисленных научно-популярных книг для детей, таких как «По следам Робинзона», «По садам и паркам», «Лечебница в лесу», «Растения в жизни человека» и др.

Физик-методист Петр Алексеевич Знаменский (1878–1968) был автором таких значимых трудов, как «Практические занятия по физике», «Очерки по истории преподавания физики в России», «Лабораторные занятия по физике в средней школе» и др., по которым работали во всех школах страны.

Действительный член АПН СССР Эле Исаевич Моносзон (1908–1987) провел детские годы в Вятке. Он был выпускником общественно-экономического отделения Вятского пединститута (1929), в 1930-х гг. работал в Наркомпросе под руководством Н. К. Крупской. На кафедре педагогики КГПИ в 1964–1970 гг. работал преподавателем его младший брат Исай (1910–1973), кандидат педагогических наук, доцент, полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны...

Директором НИИ школ был профессор Борис Васильевич Всесвятский (1887–1987), крупный специалист в области педагогики и методики преподавания естествознания. Директором НИИ он стал в 1939 г. Многие годы заведовал кафедрами в ряде педагогических институтов, был редактором журналов «За массовое опытничество», «Биология и химия в школе», «Биология в школе», одним из авторов первых программ для советской школы, автором учебников по ботанике. Всего три месяца Борис Васильевич не дожил до своего столетия.

Проведение научной работы в условиях военного времени затруднялось отсутствием фундаментальных библиотек, архивов, скудостью питания. Значительную часть времени у ученых занимала заготовка топлива, работа на огороде. Но и в этих условиях научные сотрудники продолжали научные исследования, писали книги, статьи, выполняли поручения Наркомпроса, главным образом в плане просвещения местного населения и учительства.

В г. Малмыже размещался Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской. Именно здесь в семье декана исторического факультета А. Г. Калягина 25 мая 1942 г. родился сын, ныне один из известнейших артистов театра и кино, почетный житель Кировской области Александр Александрович Калягин, основатель и директор театра «Et cetera» на Новом Арбате в г. Москве.

К слову, выдающийся актер театра и кино Кирилл Юрьевич Лавров (1925–2007) также в годы войны был эвакуирован в Кировскую область, жил в с. Сорвижи ныне Арбажского района. Работал грузчиком в конторе «Заготзерно», агентом по закупке сельхозпродукции. В общей сложности он прожил здесь полтора года, затем был направлен в Новосибирскую область. На сцене клуба в Сорвижах он сделал первые шаги в искусство. На встрече с жителями села в 1995 г. Лавров сказал: «Я никогда не забуду, как внимательно, как ласково относились к нам здесь».

Среди эвакуированных из г. Ленинграда был ставший впоследствии знаменитым шахматистом, десятым чемпионом мира (в 1969–1972 гг.) Борис Васильевич Спасский (род. в 1937 г.). После начала Великой Отечественной войны, летом 1941 г., незадолго до начала блокады он вместе со старшим братом Георгием (род. в 1934 г.) был эвакуирован в с. Коршик Оричевского района Кировской области.

В годы войны в Кировской области было размещено в общей сложности 216 эвакуированных детских учреждений, а также большое количество эвакуированных семей, престарелых, больных и инвалидов, а также значительное количество заводов и фабрик, административных, научно-исследовательских и учебных заведений, других учреждений.

Эвакуация в общей сложности примерно 250 тысяч человек в Кировскую область, главным образом из Ленинградской области, занятие помещений ряда школ, прежде всего кировских, под госпитали, вынудили школы перейти на учебу в три, и даже четыре смены.

Причем ряд школьных коллективов полностью оставил свои здания, и продолжал учебу в малоприспособленных для этих целей помещениях. Средняя школа № 10 занималась в здании детской технической станции, средняя школа № 7 – в комнатах фойе и буфетов дома актера и драмтеатра, а средняя школа № 12 – в красном уголке, буфете и фойе кинотеатра «Октябрь». Начиная с 1942–1943 учебного года положение начало улучшаться: в четыре смены в Кирове работали только две школы, а десять школ перешли на двусменную работу. Значительно уменьшился и отсев: в 1941 г. – 47 тысяч детей, в 1942 г. – уже 12 тысяч [20].

Б. Н. Суровцев

М. Г. Шатов

Г. А. Хохлов

И. Д. Лимонов

В. И. Кряжев

М. П. Коробейников

Н. П. Борисов

Н. Ф. Пережогин

Эвакуация в Кировскую область – одна из значительных страниц летописи Великой Отечественной войны. В эти тяжелые годы наглядно проявился патриотизм, доброта и отзывчивость, присущие советским людям.

В годы Великой Отечественной войны народное образование в Кировской области выполняло поставленные перед ним задачи, развивалось, укрепляя традиции российского просвещения, закладывая фундамент для создания научно-методических и педагогических школ, в послевоенные годы составивших славу отечественного образования.

Вятские просвещенцы вместе с эвакуированными в Кировскую область научно-педагогическими коллективами из других регионов страны мужественно переносили все тяготы военных лет.

Их самоотверженная работа достойна благодарной памяти потомков и дальнейшего изучения, прежде всего, в целях сохранения благодарной памяти и воспитания подрастающего и будущих поколений.

Список литературы

1. Венцовский М. Герой Суровцев // Кировская правда. 7.07.1970. № 156.
2. Дорошев. Руками молодежи // Комсомольская правда. 26.09.1943.
3. Забота о детях фронтовиков // Кировская правда. 12.02.1943, № 35.
4. Зобнин А. Плодотворная научно-педагогическая работа учительства // Кировская правда. 27.02.1943. № 48.
5. Герои Советского Союза – кировчане / сост. М. А. Ардашев. Киров : Волго-Вятское кн. изд-во. Вып. 1–4. 1970–1982.
6. Вятский государственный гуманитарный университет / отв. ред. М. С. Судовиков. Киров : Изд-во ВятГУ, 2004. 304 с.
7. Интернат сельской школы // Учительская газета. 8.09.1943 г. № 37.
8. История города Кирова / науч. ред. А. В. Эммаусский и Е. И. Кирюхина. Киров : Волго-Вятское кн. изд-во, 1974. 336 с.
9. Кировский педагогический. 1914–1989 : монография / отв. ред. А. Г. Балыбердин / авторы : А. М. Слободчиков, А. Г. Балыбердин, А. И. Лахман, Е. И. Кирюхина, В. Б. Помелов. Киров : Изд-во КГПИ, 1989. 160 с.
10. Козлов П. Е. Все для фронта. Город Киров. 1941–1945. Киров, 2005. 208 с.
11. Лещева Н. В. Школьные годы военные // Вести (Киров). 30.08.2002.
12. Помелов В. Б. В трудный час (о педагоге Н. Ф. Пережогине) // Вятский исторический сборник. Год 2014-й : труды научно-исследовательского центра регионоведения / гл. ред. М. С. Судовиков. Киров : Герценка, 2014. С. 241–249.
13. Помелов В. Б. Вятский уроженец М. П. Коробейников: генерал-майор, выдающийся психолог и известный прозаик // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 3. С. 117–122.
14. Помелов В. Б. Народное образование в 1917–1999 годах // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / ред. комиссия: В. А. Ситников (председатель). Т. 9. Культура. Искусство. Киров, 1999. С. 57–146.
15. Преподаватели ВятГУ / сост. В. Б. Помелов [и др.]. Киров : Изд-во ВятГУ, 2004. 208 с.
16. Ректоры ВятГУ / отв. ред. В. А. Бердинских. Киров : Изд-во ВятГУ, 2004. 192 с.
17. Смирнов В. В. Адрес подвига – вятский. Киров : Вятка, 1995. 160 с.
18. Храбрикова Т. Б. Школы Кировской области в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. пед. наук. М., 1953. 230 с.
19. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 2342, оп. 1, е. х. 7, л. 233.
20. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 1864, оп. 1, е. х. 168, л. 12.

Public education of the Kirov region in the war years

V. B. Pomelov

Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Pedagogy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. The article on the basis of published and archival sources shows the main trends in the development of school education in the Kirov region in the war years. The information about the heroic deeds of teachers and lecturers of the Kirov State Pedagogical University, who fought at the front and received the highest state awards, is given. The activity of school collectives on military-defense and sports training of schoolchildren during the Great Patriotic War of 1941–1945 is revealed in detail. The activity of school teachers and teachers of the Kirov State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin in the rear is characterized. Memories of eyewitnesses of those years, former employees of KSPI S. M. Drigo and N. V. Leshcheva are used. Information on evacuation to the Kirov region is given.

Keywords: Kirov region, school, Great Patriotic War, teachers and teachers of KSPI-participants of the Great Patriotic War, evacuation.

References

1. Venckovskij M. Geroj Surovcev [Hero Surovtsev] // *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 7.07.1970. No. 156.
2. Doroshev. Rukami molodezhi [By the hands of the youth] // *Komsomol'skaya pravda* – Komsomol Truth. 26.09.1943.
3. Zabota o detyah frontovikov – Care of veterans' children // *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 12.02.1943. No. 35.
4. Zobnin A. Plodotvornaya nauchno-pedagogicheskaya rabota uchitel'stva [Fruitful scientific and pedagogical work of teaching] // *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 27.02.1943. No. 48.
5. Geroi Sovetskogo Soyuza – kirovchane – Heroes of the Soviet Union are the Kirovites / comp. M. A. Ardashev. Kirov. Volgo-Vyatka book publ. Issues 1–4. From 1970 to 1982.
6. Vyatskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet – Vyatka State Humanities University / resp. ed. M. S. Sudovikov. Kirov. VyatSHU. 2004. 304 p.
7. Internat sel'skoj shkoly – Boarding rural schools // *Uchitel'skaya gazeta* – Teacher's newspaper. 8.09.1943. № 37.
8. Istoriya goroda Kirova – The history of the city of Kirov / scientific ed. A. V. Emmausskij i E. I. Kiryuhina. Kirov. Volgo-Vyatka book publ. 1974. 336 p.
9. Kirovskij pedagogicheskij. 1914–1989 : monografiya – Kirov pedagogical. 1914–1989 : monograph / ed. A. G. Balyberdin / authors: A. M. Slobodchikov, A. G. Balyberdin, A. I. Lakhman, E. I. Kiryukhina, V. B. Pomelov. Kirov. Kirov State Pedagogical Institute. 1989. 160 p.
10. Kozlov P. E. Vse dlya fronta. Gorod Kirov. 1941–1945 [All for the front. The city of Kirov. 1941–1945]. Kirov. 2005. 208 p.
11. Leshcheva N. V. Shkol'nye gody voennye [School military years] // *Vesti (Kirov)* – Vesti (Kirov). 30.08.2002.
12. Pomelov V. B. V trudnyj chas (o pedagoge N. F. Perezhogine) [In a difficult time (about the teacher N. F. Perezhogin)] // *Vyatskij istoricheskij sbornik. God 2014-j : trudy nauchno-issledovatel'skogo centra regionovedeniya* – Vyatka historical collection. Year 2014 : proceedings of the scientific-research center of regional studies / ed. by M. S. Sudovikov. Kirov. Gercenka. 2014. Pp. 241–249.
13. Pomelov V. B. Vyatskij urozenec M. P. Korobejnikov: general-major, vydayushchijsya psiholog i izvestnyj prozaik [Vyatka native M. P. Korobeynikov: major-general, outstanding psychologist and well-known prose writer] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of humanitarian education. 2018. No. 3. Pp. 117–122.
14. Pomelov V. B. Narodnoe obrazovanie v 1917–1999 godah [Popular education in 1917–1999] // *Enciklopediya Zemli Vyatskoj : v 10 t.* – Encyclopedia of Vyatka land : in 10 vols. / ed. commission: V. A. Sitnikov (Chairman). Vol. 9. Culture. Art. Kirov. 1999. Pp. 57–146.
15. Prepodavateli VyatGGU – The teachers of VyatSHU / comp. V. B. Pomelov [et al.]. Kirov. VyatSHU. 2004. 208 p.
16. Rektory VyatGGU – Rectors of VyatSHU / resp. ed. V. A. Berdinskih. Kirov. VyatSHU. 2004. 192 p.
17. Smirnov V. V. Adres podviga – vyatskij [Address of feat is in Vyatka]. Kirov. Vyatka. 1995. 160 p.
18. Hrabrikova T. B. Shkoly Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny : dis. ... kand. ped. nauk [School of the Kirov region during the Great Patriotic War : dis. ... PhD of Ped. Sciences]. M. 1953. 230 p.
19. Central state archive of Kirov region. F. 2342, Inv. 1, St. unit 7, Sh. 233.
20. Central state archive of Kirov region. F. 1864, Inv.1, St. unit 168, Sh. 12.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 2 (14) (2019)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 09.12.2019 г.
Дата выхода в свет 27.12.2019 г.
Формат 60х84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,0. Тираж 100 экз. Заказ № 6110.

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36